

Dictum – Factum:

от исследований к стратегическим решениям

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология»**

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 12

**The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Sevastopol State University”
The Institute of Social Sciences and International Relations
The Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology**

**Dictum – factum:
from Research to Policy Making**

EDITED VOLUME

ISSUE 12

Sevastopol – Belgorod
2026

Главный редактор: БАРМИНА Е.А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ

Редакционная коллегия:

САМОЙЛЕНКО Н.Б., доктор педагогических наук, доцент, профессор СевГУ
ЛОБКОВ А.Е., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
МОСКАЛЕНКО О.А., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ОСАДЧАЯ Т.Ю., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
СКИДАН О.Г., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ТЯЛЛЕВА И.А., кандидат педагогических наук, доцент, СевГУ
ШАМАЕВА Н.С., кандидат филологических наук, доцент, СевГУ
ТЕРЕЩЕНКО Ю.А., ассистент, СевГУ

D53 Dictum – factum : от исследований к стратегическим решениям: Сборник научных трудов / главный редактор Бармина Е.А., ред. колл.: Самойленко Н.Б., Лобков А.Е., Москаленко О.А. [и др.] ; ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», Институт общественных наук и международных отношений. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2026. – Выпуск 12. – 112 с. – Текст : электронный.

Сборник «Dictum – factum: от исследований к стратегическим решениям» включает статьи по гуманитарным и общественным наукам молодых и опытных исследователей России и зарубежных стран. Журнал предназначен для ученых-гуманитариев, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной и методической работе. Статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за точность цитат, имен, названий, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Мнение редакции не всегда совпадает с позицией авторов.

Сборник имеет Международный стандартный номер сериального журнала ISSN, и информация о публикуемых статьях передается в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ. Электронные версии выпусков находятся в свободном доступе на сайте Севастопольского государственного университета: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>

© ФГАОУ ВО «СевГУ», 2026
© Коллектив авторов, 2026
© Редакционная коллегия, 2026
© ООО «ИПЦ "ПОЛИТЕРРА"», 2026

Editor-in-Chief: BARMINA E.A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

Editorial Board:

SAMOYLENKO N.B., Doctor of Science in Pedagogy, Associate Professor, SevSU

LOBKOV A.E., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

MOSKALENKO O.A., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

OSADCHAYA T.YU., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU

SKIDAN O.G., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

TYALLEVA I.A., PhD in Pedagogy, Associate Professor, SevSU

SHAMAEVA N.S., PhD in Philology, Associate Professor, SevSU

TERESHCHENKO YU.A., Assistant, SevSU

D53 **Dictum – factum : from Research to Policy Making:** Collection of research papers / editor-in-chief Barmina E.A., ed. board: Samoylenko N.B., Lobkov A.E., Moskalenko O.A. [et al.] ; the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Sevastopol State University”, the Institute of Social Sciences and International Relations. – Belgorod: PPC “POLITERRA”, 2026. – Issue 12. – 112 p. – Text : electronic.

“Dictum – factum: from Research to Policy Making” includes articles on humanities and social sciences written by young and experienced researchers from Russia and abroad. The journal is addressed to humanities scholars, educators, postgraduates, undergraduates and students. The articles included in the collection have been peer-reviewed and are presented in the authors’ wording. Responsibility for the accuracy of citations, names, titles, as well as for compliance with the laws on intellectual property is borne by the authors of the published materials. The opinion of the editors does not always coincide with that of the authors.

The collection has an International Standard Serial Number ISSN, and information about the published articles is submitted to the Russian Science Citation Index (RSCI). Electronic versions of the issues can be accessed on the website of Sevastopol State University: <https://www.sevsu.ru/univers/ionmo/sbornik-nauchnykh-trudov-dictum-factum-ot-issledovaniy-k-strategicheskim-resheniyam/>

© SevSU, 2026

© Composite authors, 2026

© Editorial board, 2026

© LLC "PPC "POLITERRA", 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные тенденции переводоведения в России и за рубежом

Скидан О.Г., Артюшина У.Ю.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ СЕМЕЙНОЙ САГИ Б. ПЛЕЙН “EVERGREEN” НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....10

Скидан О.Г., Местанко Н.А., Кузнецова К.А.

МЕТАФОРИКА РОМАНА Э.М. РЕМАРКА “IM WESTEN NICHTS NEUES” В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ.....15

Скидан О.Г., Местанко Н.А., Маяцкая Е.В.

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОСОЗНАНИЯ В ПОДРОСТКОВЫХ РОМАНАХ СЕРИИ “РАХ” С. ПЕННИПАКЕР: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....20

Язык и межкультурная коммуникация

Ефанов В.Ю., Цыганков М.Д.

БУДДИЙСКИЕ ИДЕИ В КОНТРАКУЛЬТУРНОМ ДВИЖЕНИИ АМЕРИКИ 1960-Х ГОДОВ.....28

Лобков А.Е.

«МАРОККО» ДЖОЗЕФА ФОН ШТЕРНБЕРГА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ И ОСОБЕННОСТИ КИНОПОВЕСТВОВАНИЯ.....33

Лобков А.Е., Кострова М.А.

ТЕАТРАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЭКИ САНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....41

Лобков А.Е., Покрышук С.А.

ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «КЛАССИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРОСТОНАРОДНОГО ЯЗЫКА» Ф. ГРОУЗА).....51

Михайлова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ПРОФЕССИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....61

Черная Т.Н.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УРБАНОНИМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИРЛАНДИИ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ СООРУЖЕНИЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ).....67

Отечественная и зарубежная когнитивно-дискурсивная лингвистика

Тарасова К.Э., Политова К.А.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БИЛИНГВИЗМЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ.....	76
--	----

Политическая лингвистика

Бармина Е.А., Бармин Д.В.

СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ДРУГОГО» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА).....	82
---	----

Тенденции формирования нового мирового порядка

Демешко Н.Э., Иванова В.А.

МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	86
--	----

Ирхин А.А., Чернобук Е.А.

МНОГОГРАННОСТЬ КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ УНИКАЛЬНОСТИ.....	91
---	----

Современные тенденции методики преподавания иностранных языков

Самойленко Н.Б., Егорова П.О.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИГР ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ.....	98
--	----

Самойленко Н.Б., Кривошеева Е.А.

ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ГЕЙМИФИКАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	102
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....	107
----------------------------	-----

CONTENTS

Current trends in translation studies in Russia and abroad

Skidan O.G., Artyushina U.Yu.

ACTUALIZATION OF EXPRESSIVE-STYLISTIC EQUIVALENCE IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF B. PLAIN'S FAMILY SAGA "EVERGREEN".....10

Skidan O.G., Mestanko N.A., Kuznetsova K.A.

METAPHORICS OF E.M. REMARQUE'S NOVEL "IM WESTEN NICHTS NEUES" IN TRANSLATIONS INTO RUSSIAN AND ENGLISH.....15

Skidan O.G., Mestanko N.A., Maiatskaia E.V.

THE LINGUISTIC MEANS OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS FORMATION IN TEENAGE NOVELS OF "PAX" BY S. PENNYPACKER: TRANSLATION ASPECT.....20

Language and intercultural communication

Efanov V.Y., Tsyghankov M.D.

BUDDHIST IDEAS IN THE AMERICAN COUNTERCULTURAL MOVEMENT OF THE 1960S.....28

Lobkov A.E.

JOSEPH VON STERNBERG'S "MOROCCO": HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT AND FEATURES OF CINEMATIC NARRATIVE.....33

Lobkov A.E., Kostrova M.A.

SEKI SANO'S THEATRICAL AND CULTURAL PROPAGANDA ACTIVITIES IN THE SOVIET UNION IN THE 30S OF THE 20TH CENTURY.....41

Lobkov A.E., Pokryshchuk S.A.

ETHNIC IMAGES IN THE ENGLISH LINGUOCULTURE IN THE LAST QUARTER OF THE 18TH CENTURY (BASED ON "A CLASSICAL DICTIONARY OF THE VULGAR TONGUE" BY F. GROSE).....51

Mikhailova E.V.

FEATURES OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT-PROFESSION NAME: LINGUOCULTURAL ASPECT.....61

Chernaya E.T.

FUNCTIONING OF URBANONYMS IN THE LINGUOCULTURAL SPACE OF IRELAND: NOMINATIONS OF ENTERTAINMENT FACILITIES.....67

Russian and foreign cognitive-discursive linguistics

Tarasova K.E., Politova K.A.

CONCEPTUAL REPRESENTATION OF BILINGUALISM BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE JOURNALISTIC ARTICLES.....	76
--	----

Political linguistics

Barmina E.A., Barmin D.V.

CONSTRUCTING IMAGES OF THE “OTHER” IN MODERN MEDIA IN ENGLISH (CASE STUDY OF THE CONFLICT IN SYRIA).....	82
--	----

Trends in the formation of a new world order

Demeshko N.E., Ivanova V.A.

MEDIA AS A TOOL FOR POPULARIZING THE TURKIC WORLD IN THE POST-SOVIET SPACE.....	86
---	----

Irkhin A.A., Chernobuk E.A.

VERSATILITY OF THE CAUCASIAN GEOPOLITICAL SPACE THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL UNIQUENESS.....	91
--	----

Current trends in foreign-language teaching methodology

Samoylenko N.B., Egorova P.O.

USING COMMUNICATION GAMES TO ORGANIZE REFLECTION IN ENGLISH LESSONS IN HIGH SCHOOL.....	98
---	----

Samoylenko N.B., Krivosheeva Ye.A.

DEVELOPING HIGH SCHOOL STUDENTS’ ENGLISH LEXICAL SKILLS THROUGH GAMIFICATION: PRACTICAL ASPECT.....	102
---	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....	107
------------------------------------	-----

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

УДК 811.11-112

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПЕРЕВОДЕ СЕМЕЙНОЙ САГИ Б. ПЛЕЙН “EVERGREEN” НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Скидан О.Г.

кандидат филологических наук, доцент

Артюшина У.Ю.

студент

ACTUALIZATION OF EXPRESSIVE-STYLISTIC EQUIVALENCE IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF B. PLAIN’S FAMILY SAGA “EVERGREEN”

Olga G. Skidan

Ulyana Y. Artyushina

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка рассмотреть вопрос адекватности переводного художественного текста с позиции экспрессивно-стилистической эквивалентности, реализуемой через комплекс переводческих приемов, позволяющих воссоздать оригинальное произведение с учетом норм и особенностей экспрессивно-стилистического согласования языка перевода, а также обеспечивающих равнозначность эмоционального отклика и эстетического впечатления читателя оригинала и читателя перевода. Реализация экспрессивно-стилистической эквивалентности в русскоязычном переводе саги Белвы Плейн “Evergreen”, выполненном Ольгой Варшавер, осуществлялась с помощью ряда трансформаций, в результате применения которых функциональные доминанты оригинального текста получили в переводе особое выдвижение.

Ключевые слова: экспрессивно-стилистическая эквивалентность, адекватность, перевод, семейная сага, Белва Плейн, “Evergreen”.

ABSTRACT. The present article aims to study the issue of adequacy of a translated literary text from the standpoint of expressive-stylistic equivalence, which is realized through a set of translation techniques that enable the recreation of the original work while considering the norms and specifics of expressive-stylistic coordination in the target language, thus ensuring equivalent emotional responses and aesthetic impressions for readers of both the original and its translation. The actualization of expressive-stylistic equivalence in the Russian-language translation of Belva Plain’s saga “Evergreen,” performed by Olga Varshaver, was realized through a set of translation techniques, resulting in the foregrounding of the original text functional dominants in the translated version.

Key words: expressive-stylistic equivalence, adequacy, translation, family saga, Belva Plain, “Evergreen”.

Известно, что к важнейшим критериям нормативной оценки адекватного перевода относятся норма эквивалентности, жанрово-стилистическая норма и прагматическая норма. В данной работе в фокусе исследователей находится экспрессивно-стилистическая эквивалентность, рассматриваемая как доминантный критерий адекватности перевода англоязычной семейной саги. Этот жанр объединяет многопоколенный сюжет, эмоциональную глубину персонажей и культурно-исторический контекст. Автор семейной саги ставит перед собой задачу не просто рассказать о судьбе нескольких поколений, но и

затронуть важные темы жизни общества и связать их с историческими событиями описываемой эпохи. На примере одной семьи читатель рисует себе картину жизни части общества той или иной эпохи в той или иной стране. При этом жанр «семейная сага» сохраняет актуальность, адаптируясь к глобализации времени. Таким образом, семейная сага – это метод осмысления истории через человеческое измерение. Ключевой задачей для переводчика таких текстов становится воссоздание уникальной экспрессивности текста с учетом его стилистического своеобразия.

Материалом данного исследования выступает оригинальный текст семейной саги “Evergreen” авторства американской писательницы еврейского происхождения Белвы Плейн, а также его перевод на русский язык, выполненный Ольгой Варшавер в 2012 году.

Авторитетные теоретики перевода полагают, что «качество перевода складывается из двух составляющих: эквивалентности, предполагающей максимально возможную лингвистическую близость текстов оригинала и перевода, и адекватности, которая означает воспроизведение в переводе функции исходного сообщения» [2, с. 15]. На этапе предпереводческого анализа текста «переводчик должен уяснить цель его создания, коммуникативную интенцию автора, его мотив. По сути, переводчик должен пройти тот же путь, который прошел автор оригинала, только в обратном направлении» [3, с. 190].

Эту мысль подтверждают и сами переводчики, в частности лауреат престижных литературных и переводческих премий Ольга Варшавер, которая рассматривает перевод как творческое взаимодействие с автором. «Достойный переводчик работает, прежде всего, над духом текста. Мы переводим то, что автор в него вкладывал, думаем о смыслах и подтекстах [1]».

Неотъемлемой характеристикой художественного текста является его экспрессивность, при помощи которой автор вызывает у читателя эмоциональный отклик и формирует определенную атмосферу. Это категория выражения эмоций и чувств, отличающаяся уникальностью авторского использования и проявляющаяся в особенностях употребления языковых элементов.

При переводе возможно изменение степени экспрессивности текста перевода по сравнению с оригиналом. Причины подобных изменений могут носить как частный характер (обуславливаться спецификой конкретного текста), так и отражать общие тенденции, отмечаемые переводоведами. Например, передача экспрессивности англоязычного текста часто осуществляется за счет морфологических средств русского языка, например, суффиксов субъективной оценки, которые усиливают эмоциональную окраску, отражая внутреннее состояние персонажей. Грамматическая модальность английских текстов, по наблюдениям исследователей, часто требует дополнительного ословливания в русском переводе, что обусловлено различиями в языковых системах. Субъективно-оценочные коннотации определенного артикля могут воспроизводиться через лексические добавления или синтаксические конструкции. Необходимость соблюдения правил словоупотребления обуславливает применение экспрессивной конкретизации, т.е. замены нейтральных слов оригинала на эмоционально окрашенные в переводе при условии эмоционально-окрашенного соседства первых. «На лексическом уровне русскоязычные переводы часто обнаруживают тенденцию к более подробному, многословному изложению эмоционально нагруженной информации» [5, с. 24]. Поскольку в английском языке чаще практикуется недокazanность, рассчитанная на категорию имплицитности, которую выражает тот или иной элемент, при переводе на русский язык частым приемом является экспрессивно-прагматическая конкретизация [4, с. 76]. Стилистические тропы и фигуры оригинала, например, метафоры и сложные эпитеты, при переводе часто претерпевают трансформации, также приводящие к усилению степени экспрессивности текста перевода.

Сопоставительный анализ оригинала исследуемой саги и ее перевода на русский язык позволил выявить ряд приемов, используемых переводчиком О. Варшавер для достижения экспрессивно-стилистической эквивалентности текста перевода, что позволило добиться равенства эмоциональных реакций и эстетического восприятия читателей оригинала и

перевода.

*“A rabbi’s wife in a far-off district runs a school for girls. There, very likely one could learn about the stars and how to speak other languages and much else besides. But it would be very expensive to go to such a school. And anyway, what would one do with that kind of knowledge in this **village**, this life” [7].*

«Мама слышала: где-то далеко жена раввина открыла школу для девочек. Там, наверно, и про звезды учат, и на других языках разговаривать, и еще многому другому. Но Анне в такую школу не попасть – слишком дорого. Да и к чему все эти знания здесь, в **местечке**, какая польза от них для жизни?» [6].

В оригинальном тексте экспрессивность выражается на нескольких уровнях: синтаксическом, лексическом и контекстуальном. Прежде всего, в этом отрывке реализован контраст между цивилизованной жизнью и «существованием» еврейских семей в бедной польской деревне. Формальное подлежащее “one” выражает обезличенность, а также указывает на универсальность проблемы. Лексический повтор местоимения “this” словно очерчивает границы мира этих людей, подчеркивая замкнутость их судьбы.

В русском переводе использовано слово «**местечко**», образованное при помощи суффикса, подчеркивающего небольшие размеры поселения. Вместо нейтрального эквивалента «**деревня**» переводчик использовал слово, более точно отражающее реалии Восточной Европы в период Холокоста: еврейские местечки – маленькие поселения евреев. Реалия отражает определенную замкнутость пространства, приверженность традициям и в историческом контексте отсутствие социального роста. Это слово играет на контрасте с другим, «**большим**» миром, где люди (и женщины, что примечательно), изучают иностранные языки и такие далекие и непостижимые вещи, как звезды. Также в переводе использована конкретизация: именно *Анне* не попасть в такую школу, что дополнительно выделяет маленькую девочку на фоне большого, далекого мира.

В начале романа описывается дом родителей Анны в местечке. Ощущение тепла, защищенности и уюта создается за счет средств прямой номинации.

*“In the beginning there was a warm room with a table, a black iron stove and old **red-flowered wallpaper**. The child lay on a **cot** feeling the good heat... When the mother sang her small voice quavered over the lulling nonsense-words; the **song** was meant to be gay but the child felt sadness in it” [7].*

«Вначале было тепло. Теплая кухня. Стол, черная чугунная плита и выцветшие обои в красный **цветочек**. Девочка лежит в **кроватке**, в тепле... Она (мама) напевает, и тихий голос ее чуть подрагивает; **песенка**, хоть и детская, не баюкает и не смешит, девочке слышится в ней печаль» [6].

В переводе слова получают дополнительную экспрессивную окраску за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов, отражающих заботу и тепло, которое чувствует ребенок от любящих родителей. Таким образом, реализуется экспрессивно-стилистическая эквивалентность текста. Также переводчик использует членение, что автоматически заставляет читателя замедлиться и прочувствовать обстановку. Русский текст воспринимается более экспрессивным, чем оригинал, что вполне закономерно, так как в русском языке использование суффиксов для выражения оценки является адекватным и достаточно распространенным способом, особенно, если речь идет о детях и предметах, связанных с ними.

Описание Америки в первое время пребывания в ней Анны преимущественно мрачное: она видит бедные районы, затхлую обстановку в домах, нищих людей, которые мигрировали в поисках американской мечты, но столкнулись с суровой реальностью выживания в чужой стране.

“The old men were thin, with dark, beautiful eyes; they seemed more fragile, somehow, than the old men Anna remembered from home...” [7].

«Здесьние старики – худющие, с темными, скорбными, изумительными глазами – кажутся Анне более хрупкими и беззащитными, чем **местечковые старики**...» [6].

В оригинале описание жителей осуществляется с помощью стилистически нейтральной лексики. Сочувствие к старикам, глубина взгляда которых отражает пережитые ими трудности, реализована на уровне семантики используемых единиц и проступает из более широкого контекста.

В переводе описание стариков получило дополнительное выдвижение. «Здесьние старики» противопоставлены «местечковым старцам». Слово «старец» традиционно ассоциируется с мудростью, жизненным опытом и духовным авторитетом. Несмотря на уничижительный оттенок атрибута, словосочетание воспринимается положительно, содержит оттенок уважения к возрасту и мудрости. Воссоздание образа местных стариков осуществляется за счет использования суффикса -ущ- с усилительным значением («худющие») и лексических добавлений «скорбные», «беззащитные», которые детализируют образ и вызывают эмпатию. Дифференциация “beautiful” – «изумительные» добавляет эксплицитной оценочности, которая в оригинале реализована в рамках более широкого контекста.

Рассмотрим пример, в котором Анна выражает обеспокоенность своим происхождением и чужеродностью среди американцев:

*“I’ll never speak English without a foreign accent. A **greenhorn**, I am”* [7].

*«Мне никогда не избавиться от акцента, Джозеф. Я тут не своя, **пришлая**»* [6].

Слово “greenhorn” служит своеобразной отсылкой к названию саги. Основными лексико-семантическими вариантами лексемы “greenhorn” являются следующие: «иммигрант, наивный, вновь прибывший». Использование их в переводе не способствовало бы отражению глубины переживаний Анны, поскольку они не несут явной отрицательной коннотации. В оригинале автор использует инверсию, подчеркивая эмоциональность реплики. Переводчик компенсирует эту эмфазу лексически, при помощи описательной конструкции «не своя, **пришлая**» с уничижительным оттенком.

В следующем примере описываются жительницы бедных районов США, в которых оказалась Анна по прибытии в Америку. Эта обстановка ей претит, как и люди, за долгую жизнь там не добившиеся ничего. В примере содержится композиционная метафора, основанная на визуальной аналогии. Строй английского языка позволяет через прямое присоединение признака к объекту строить подобные сравнения, однако русский язык редко допускает подобные конструкции, что обуславливает использование описательного перевода:

*“Their old wives were fat, **potato-shaped and potato-colored**, their hanging white flesh untouched by the sun”* [7].

*«Их старухи жены – толстые, **бесформенные**. Вернее, и формой, и цветом они напоминают картошку. Их дряблая кожа позабыла о солнце»* [6].

Переводчик достигает экспрессивно-стилистической эквивалентности фрагмента сразу несколькими способами: во-первых, вместо нейтрального словосочетания «старые жены» используется словосочетание «старухи жены», которое имеет пренебрежительный оттенок, служит средством передачи дополнительной смысловой нагрузки, вызывая эмоциональный отклик у читателей. Во-вторых, переносит акцент с предмета на признак, используя лексическое добавление «бесформенные». Прием описательного перевода используется в следующем предложении, которое является добавочным, с целью вызвать у читателя соответствующую ассоциацию и помочь визуализировать образ.

Описание бедного района отражает ощущение безнадежности, которое испытала Анна по прибытии в Америку: ее мечты о безбедном и благополучном будущем столкнулись с реальностью иммигрантов:

*“The noise was the worst. The smells and the crowding could somehow be endured. **But Anna had sensitive hearing** and the noise attacked her like brutal fists”* [7].

«Самым худшим оказались не вонь и не теснота – их еще можно было как-то переносить, – а шум. Чуткая на ухо Анна поминутно вздрагивала, точно от кулачных ударов» [6].

В оригинале важная смысловая деталь, шум, является подлежащим и находится в начале предложения. Переводчик принимает решение изменить порядок подачи информации, и сначала описывает контраст, а рему ставит в конец, придавая высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Такая перестановка повлекла за собой еще одну грамматическую трансформацию – объединение предложений. В следующем предложении также происходит смена частей речи и перестановка: в оригинале части *“sensitive hearing”* и *“noise attacked her”* обе являются ремой, объясняющей реакцию героини и ее отношение к шуму. В переводе же именная часть составного сказуемого становится определением, поскольку «имела чуткий слух» звучало бы менее естественно на русском. Так, ремой остается только дискомфорт, который Анне доставлял этот шум. Переводчик также изменил субъекта действия, добавив также наречие *«поминутно»*, усиливающее давление гнетущей обстановки.

В следующем фрагменте содержится несколько примеров экспрессивной конкретизации, направленных на усиление негативного впечатления от трюбоб:

“The smells! The stench surged from the street door and up the four flights: cooking grease; onions; an overflowing toilet in the hall; the sickening steam of pressing irons; a noxious drenching of tobacco from the front apartment where the cigar-makers lived. Anna’s stomach contracted” [7].

«Как же тут воняет! Вонь проникала с улицы через входную дверь и, взбираясь по лестнице, впитывала все запахи нижних этажей: чад от лука, шипевшего в жиру на сковородках; смрад засоренной уборной; отвратный пар из-под утюгов; ядовитый табачный дух из квартиры на первом этаже – тамошние жильцы промышляли скруткой сигар. Анна сглотнула, с трудом подавив тошноту» [6].

В оригинале описание запаха представлено номинативным перечислением, в то время как в переводе автор наделяет «вонь» антропоморфными чертами: она *«проникала»*, *«взбиралась»* и *«впитывала все запахи»* (это гиперболизирует ее отвратительность). Экспрессивная конкретизация проявляется в описании запаха из кухни: переводчик использует существительное *«чад»*, которое само по себе несет отрицательную коннотацию, а также объединяет номинативное перечисление из оригинала в одну конструкцию с добавлением причастия: *«чад от лука, шипевшего в жиру на сковородках»*. Далее экспрессивная конкретизация проявляется в замене *“overflowing toilet”* на негативно окрашенное слово *«смрад»*, а значение слова *“sickening”* передано с помощью разговорного варианта *«отвратный»*. При передаче описания жильцов и их деятельности также используется экспрессивная конкретизация и вербализация: нейтральное словосочетание *“cigar-makers”* в переводе трансформируется в стилистически сниженную лексему *«жильцы промышляли скруткой сигар»*, где глагол *«промышлять»* несет коннотации нелегального, не слишком чистоплотного ремесла, что помогает составить представление об этом контингенте. В последнем предложении содержится модуляция: переводчик вместо акцента на физиологической, внутренней реакции использует вербализацию – *«Анна сглотнула, ... подавив тошноту»*.

В результате сопоставительного переводческого и количественного анализа было выявлено, что значительная часть примененных трансформаций обусловлена задачей достижения экспрессивно-стилистической эквивалентности перевода, поэтому считаем целесообразным рассматривать ее как стратегию, которой придерживалась Ольга Варшавер при переводе исследуемой саги. Реализация экспрессивно-стилистической эквивалентности осуществлялась с помощью комплекса переводческих приемов, в частности использования суффиксов субъективной оценки, экспрессивной и экспрессивно-прагматической конкретизации, компенсации экспрессивно и стилистически окрашенных элементов, описательного перевода для передачи экспрессивной модальности, перестановки, обусловленной различием тема-рематического членения предложения и других приемов, в результате применения которых функциональные доминанты оригинального текста получили в переводе особое выдвижение.

Список литературы

1. Демина Н. Дух перевода и душа переводчика // Троицкий вариант. 2020. №19 (313). С. 10–11.
2. Мальцева И.Г. Адекватность перевода цветковых концептов Г. Тракля на русский язык // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2011. №22 (239). С. 14–18.
3. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 464 с.
4. Скидан О.Г. К вопросу о передаче эмотивности при художественном переводе (на материале цикла историко-приключенческих романов У. Смита «Ballantyne») // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания: Научно-методический журнал. 2021. №1 (19). С. 72–76. EDN IANGAF.
5. Стрельницкая Е.В. Эмотивность и перевод: особенности языковой передачи эмоций при художественном переводе с английского языка на русский: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 27 с.

Источники иллюстративного материала

6. Плейн Б. Бессмертник. М.: Текст, 2019. 736 с. ISBN: 978-5-7516-1579-6.
7. Plain B. Evergreen. N.Y.: Dell Publishing, 1978. 586 p. ISBN: 978-0-307-57462-6.

УДК 811.11-112

МЕТАФОРИКА РОМАНА Э.М. РЕМАРКА “IM WESTEN NICHTS NEUES” В ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Скидан О.Г.

кандидат филологических наук, доцент

Местанко Н.А.

старший преподаватель

Кузнецова К.А.

студент

METAPHORICS OF E.M. REMARQUE'S NOVEL “IM WESTEN NICHTS NEUES” IN TRANSLATIONS INTO RUSSIAN AND ENGLISH

Olga G. Skidan

Natalya A. Mestanko

Ksenia A. Kuznetsova

АННОТАЦИЯ. В данной статье предпринята попытка проанализировать приемы передачи вербальной метафоры в сопоставительном аспекте в парах языков: немецкий-английский и немецкий-русский. Материалом исследования является роман Эриха Марии Ремарка “Im Westen Nichts Neues”, его перевод на английский язык “All Quiet on the Western Front”, выполненный Артуром Уинном, а также перевод на русский язык «На западном фронте без перемен», выполненный Юрием Афонькиным. В статье представлен фрагмент сопоставительного переводческого анализа, сделаны выводы об особенностях воссоздания немецкоязычной метафоры, а также концептуальных доминант романа “Im Westen Nichts Neues” в переводах на русский и английский языки.

Ключевые слова: милитарная метафора, концептуальная метафора, концептуальная доминанта, перевод, “Im Westen Nichts Neues”.

ABSTRACT. The article undertakes an effort to analyse verbal metaphor conveying methods in the comparative aspect of German-English and German-Russian language pairs. The study is based upon the novel “Im Westen Nichts Neues” by Erich Maria Remarque and its

translations into English and Russian done by Arthur Wynne and Yuri Afonkin, respectively. The authors give an excerpt from the comparative translation analysis, draw conclusions about the special features of German language metaphor re-creation as well as the conceptual dominants in the Russian and English translations of the novel “Im Westen Nichts Neues”.

Key words: military metaphor, conceptual metaphor, conceptual dominant, translation, “Im Westen Nichts Neues”.

Проблема передачи стилистических приемов языка является одним из самых интересных аспектов теории перевода. Особую сложность представляет собой перевод метафоры, осложняемый как структурными особенностями языков, так и тонкостями культурного восприятия и ассоциативного ряда разных народов.

В теории переводоведения предлагаются разнообразные приемы и стратегии для воспроизведения метафор в процессе межкультурной коммуникации (например, в работах П. Ньюмарка, А.Д. Швейцера, Т.А. Казаковой и многих других). Исследователи убеждены, что степень переводимости метафоры зависит от культурного контекста и семантических ассоциаций, привнесенных в метафору; в каждом конкретном случае возможны совпадения и различия образов, лежащих в основе метафорического переноса.

В.Н. Телия отмечает, что метафора выполняет в языке ту же функцию, что и словообразовательная модель, однако более скрыто и нестандартно [3, с. 28]. Она порождает новые значения и является самым процессом порождения этих значений. Синтезирующий характер метафорических процессов связан с целеполагающей деятельностью ее субъекта – «творца метафоры». Эта деятельность направлена не только на заполнение концептуальных лакун и номинаций, но и на прагматический эффект, который метафора оказывает на адресата [там же]. Тот факт, что метафора заставляет увидеть один объект в свете другого, влечет за собой прозрение при ее восприятии [1, с. 173]. Именно благодаря этой специфике метафора продолжает оставаться предметом особого внимания переводчиков. Неослабевающий интерес исследователей к механизмам художественного мышления, средствам создания художественной картины мира, идейно-художественного замысла текста, а также приемам их воссоздания в переводе также обуславливают актуальность данного исследования.

В романе “Im Westen Nichts Neues” Эрих Мария Ремарк активно использует милитарную метафору не только как средство отображения реалий боевых действий Первой мировой войны, но и как инструмент раскрытия глубоких идей и тем, касающихся судьбы солдата на фронте. Военная символика выходит далеко за пределы тактического описания батальонных и превращается в зеркало внутреннего мира главных героев, отражающее их переживания, страхи и отчаяние. Роль милитарной метафоры в данном контексте не ограничивается лишь визуальным образом сражений, она также является ключом к пониманию психологических и эмоциональных аспектов жизни молодых людей, которых бросили на передовую прямо со школьной скамьи.

Рассмотрим несколько примеров передачи милитарной метафоры в переводе на русский и английский язык. Анализ переводческих решений проводился с опорой как на традиционный дефиниционный, семантико-стилистический анализ, так и на лингвокогнитивный анализ, обеспечивающий прототипическое прочтение текста и способствующий более глубокой и точной интерпретации авторского замысла [2, с. 125].

Милитарная метафора, воплощенная с помощью авторского окказионализма, передает механический характер действий немецких солдат:

*“Die braune Erde, die zerrissene, zerborstene braune Erde, fettig unter den Sonnenstrahlen schimmernd, ist der Hintergrund **rastlos dumpfen Automatentums**”* [5, S. 85].

Перевод на английский, хотя и лишен окказиональности, может считаться эквивалентным, однако степень экспрессивности перевода снижена: *“The brown earth, the torn and mangled brown earth, shimmering greasily under the sun’s rays, becomes a backdrop for*

our dulled and ever-moving automatic actions” [6, p. 55]. При переводе на русский язык была использована лексическая замена абстрактной оригинальной метафоры на конкретный образ «люди-автоматы», семантика которого усилена эпитетом: «По бурой земле, изорванной, растрескавшейся бурой земле, отливающей жирным блеском под лучами солнца, двигаются тупые, не знающие усталости люди-автоматы» [4, с. 79]. Ю. Афонькин произвел прагматическую адаптацию: появление в переводе агентов действия точнее передает семантику оригинала для русскоязычной аудитории.

Оружейная метафора, зачастую призванная воплощать опасность или агрессию, вербализована в оригинальном тексте с помощью военных жаргонизмов, отражающих негативно-пренебрежительное отношение героя Пауля Боймера к британской артиллерии: “*Nun aber gab es gerade am letzten Tage bei uns überraschend viel Langrohr und dicke Brocken, englische Artillerie, die ständig auf unsere Stellung trommelte*” [5, S. 4]. При переводе на английский язык используется военный термин “*heavies*” («крупнокалиберные артиллерийские орудия»), не обладающий оценочной коннотацией: “*But on the last day an astonishing number of English heavies opened up on us with high-explosive, drumming ceaselessly on our position*” [6, p. 2]. Русский перевод воспринимается более экспрессивно за счет приема дифференциации, а также добавления эмоционально окрашенного атрибутивного сочетания, содержащего эксплицитно выраженную оценочность. Слово «мясорубки» в русском переводе метафорически воссоздает мощный и разрушительный характер артиллерийского обстрела, что соответствует прагматике оригинала: «Но как раз в последний день англичане вдруг подбросили свои **тяжелые “мясорубки”, пренебрежительные штурмовики**» [4, с. 13].

В следующем фрагменте присутствует военный термин “*Kriegsgerichtsräte*”, с помощью которого военное управление и система юстиции Германии осмысливаются как абстрактные силы, которые далеки от реальности и чувств солдат на передовой: “*Jeder hätte daraus wissen können, daß die Flucht nur Heimweh und momentane Verwirrung war. Doch was begreifen Kriegsgerichtsräte hundert Kilometer hinter der Linie davon?*” [5, S. 204]. Конвергенция метафоры и метонимии обнаруживается в метафтонимии, которая выделяет процедурный аспект военного суда, подчеркивая его системный и абстрактный характер. В английской версии лексема “*Kriegsgerichtsräte*” трансформирована в терминологическое словосочетание “*a court martial*”, которое отражает морфологическую адаптацию и подчеркивает метонимическую природу образа, обезличивание системы военного правосудия. “*Anyone might have known that his flight was only homesickness and a momentary aberration. But what does a court-martial a hundred miles behind the front-line know about it?*” [6, p. 126]. В русском переводе применен прием дифференциации понятий, а также добавлено причастие настоящего времени «*сидящие*», подчеркивающее фактическую отстраненность судей: «Из этого совершенно ясно вытекало, что его побег был совершен необдуманно и сгоряча, под влиянием острого приступа тоски по дому. Но что смыслят в таких вещах **армейские юристы, сидящие в ста километрах от линии фронта?**» [4, с. 119].

При описании унтер-офицера Химмельштоса – наставника молодых людей, который внушал им ложные идеи, превращая в безвольное оружие в своих руках, – главный герой использует метафорическое осмысление его образа через неодушевленный предмет:

“*Himmelstoß ist ein tobendes Exerzierreglement*” [5, S. 61].

“*Himmelstoss is a raging book of army regulations*” [6, p. 41].

«Химмельштос бушует. Это уже не человек – это **оживший устав строевой службы, негодующий на нарушителей**» [4, с. 59].

Химмельштос представляет собой олицетворение строгого порядка и дисциплины, доведенных до крайности. Метафора служит инструментом раскрытия характера персонажа, одержимого правилами и приказами. Английский вариант сохраняет смысл и форму оригинала. В русском варианте переводчик использует дополнительные переводческие приемы, такие как грамматическая замена, компенсация, добавление, членение и смысловое развитие. Грамматическая замена произошла с эпитетом “*tobendes*”, который в русском переводе преобразовался в предикат «бушует». Помимо этого, переводчик дополнил

метафору прилагательным «оживший», что соответствует традиционному подходу к оформлению подобного рода метафор в русском языке, а также подчеркивает утрату офицером человеческих качеств.

Образ земли представлен в романе как мать-заступница, принимающая и защищающая бойца в моменты опасности.

*“Für niemand ist die Erde so viel wie für den Soldaten. <...> sie nimmt sie auf und entlässt ihn wieder zu neuen **zehn Sekunden Lauf und Leben**, fasst ihn wieder und manchmal für immer”* [5, S. 41].

*“To no man does the earth mean so much as to the soldier. <...> she shelters him and releases him for **ten seconds to live, to run, ten seconds of life**; receives him again and often for ever”* [6, p. 29].

*«Ни для кого на свете земля не означает так много, как для солдата. <...> она принимает их и снова отпускает его на **десять секунд перебежки, еще десять секунд жизни**, – и опять подхватывает его, чтобы укрыть, порой навсегда»* [4, с. 44].

В основе вербальной метафоры *“sie nimmt sie auf und entlässt ihn wieder zu neuen zehn Sekunden Lauf und Leben”* лежит концептуальная метафора ЖИЗНЬ ЭТО БЫСТРЫЙ ЗАБЕГ. Эта метафора вызывает глубокие эмоции и заставляет задуматься о ценности человеческой жизни, важности каждого момента и стремлении выжить несмотря ни на что. В немецком варианте ее реализация поддерживается ритмичным рисунком и аллитерацией, которые компенсируются в переводах за счет лексического повтора. Таким образом, сохранена прагматика оригинала без нарушения принципов комбинаторики языков перевода.

*“Wir fahren ab als mürrische oder gutgelaunte Soldaten, – wir kommen in die Zone, wo die Front beginnt, und **sind Menschentiere geworden**”* [5, S. 42].

*“We march up, moody or good-tempered soldiers — we reach the zone where the front begins and **become on the instant human animals**”* [6, p. 42].

*«Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы **становимся полулюдьми-полуживотными**»* [4, с. 24].

Метафора *“Menschentiere”* описывает процесс трансформации молодых людей на фронте в нечто среднее между человеком и животным. Они теряют часть своей человечности, подчиняясь инстинктам выживания, агрессии и страху, характерным для животных. Такая метафора передает дегуманизирующее воздействие войны на психологию и поведение неокрепших умов. В русском варианте был использован описательный перевод *«полулюдьми-полуживотными»*, поскольку в русском языке не представляется возможным передать смысл метафоры *“Menschentiere”* одним словом, как это сделано в немецком языке. Посредством данной лексико-грамматической трансформации сохраняется эмоциональная составляющая метафоры в контексте романа. В английской версии метафора переведена буквально номинативной конструкцией *“human animals”*.

Глубокий символический смысл в романе имеет образ скрипки, усиливающий трагическое восприятие ситуации.

*“Die Stimmen hören auf, und die **Geige** bleibt – sie ist dünn in der Nacht, als friere sie <...> hier draußen wird man traurig, wenn sie so allein umherirrt”* [5, S. 145].

*“The voices cease and the violin continues alone. **In the night it is so thin it sounds frozen** <...> out here it makes a man grow sad”* [6, p. 90].

«Голоса смолкают, а скрипка все звучит, – звук кажется тоненьким, словно скрипке холодно ночью <...> Здесь же, под открытым небом, ее блуждающий в одиночестве голос нагоняет грусть» [4, с. 125].

В данном контексте скрипка олицетворяет остатки западной культуры, которую уничтожила Первая мировая война, а также символизирует надежду и сопротивление. Метафорический оборот *“sie ist dünn in der Nacht, als friere sie”* придает скрипке антропоморфные черты, позволяя ей стать воплощением человеческих чувств и переживаний. В английском варианте применено членение. Метафора *“it sounds frozen”*

передаёт звучание скрипки как нечто застывшее, неподвижное, будто замороженное. Такое описание подчёркивает его отдалённость и отчуждённость. В русском переводе сохраняется образное сравнение, однако использование суффикса субъективной оценки, подчеркивающего деликатность и уязвимость звука скрипки, усиливает эмоциональное воздействие сцены.

“Der Abendsegen beginnt” [5, S. 88].

“The evening benediction begins” [6, p. 57].

«Артиллерия противника, по обыкновению, благословляет нас на сон грядущий» [4, с. 86].

Английская версия, хотя и отвечает критерию эквивалентности – в ней сохранены основной смысл и форма, – воспринимается формально. Ю. Афонькин не просто сохраняет метафору, но и усиливает ее прагматический эффект. Произведена грамматическая трансформация с элементами добавления: вместо существительного *“Der Abendsegen”*, которое в прямом значении означает «вечерняя молитва», используется антропоморфный глагол *«благословлять»*, содержащий такие семы как «защищать», «покровительствовать», традиционно обладающие положительной коннотацией. Использование этого глагола применительно к артиллерии противника, источнику угрозы и страдания, придает сцене особый драматизм и глубину, позволяет подчеркнуть иронию и трагичность ситуации. В русском переводе реализована ключевая текстовая метафора ВОЙНА ЭТО МЕТАМОРФОЗА, отражающая изменение сознания, трансформацию ценностей и мировосприятия главных героев романа.

В целом, можно отметить, что перевод на английский язык является более близким к оригиналу в плане структуры. Близость оригинала с английским вариантом может быть обусловлена большей схожестью систем языков, существующих в них грамматических конструкций, в то время как система русского языка является отличной от них, что делает переводческие преобразования необходимыми для достижения высокого качества перевода. В русском переводе преобладают переводческие трансформации: опущение, добавление, компенсация, замена и др., являющиеся средствами адаптации. В отличие от русского языка немецкий язык известен своей склонностью к составлению сложных существительных и сложной структурой предложений. В переводе на русский чаще наблюдались изменения структур предложений, порядка слов, применялась трансформация членения. При переводе с немецкого на английский в большинстве случаев применяется прием синтаксического уподобления, что объясняется тем, что порядок следования членов английского предложения схож с правилами синтаксиса немецкого языка; трансформации обусловлены различиями в морфологии. На лексическом уровне русскоязычный перевод обнаруживает тенденцию к более подробному, многословному, эксплицитному способу передачи информации. Часто задействован такой переводческий прием, как экспрессивная конкретизация, что связано с особенностями русского языка. Также русская культура известна своей склонностью к философской глубине и рефлексивности. В русскоязычной версии переводчик зачастую стремился не просто передать буквальный смысл, но и воспроизвести концептуальные особенности произведения, включая скрытые смыслы и подтекст.

Список литературы

1. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 172–193.
2. Скидан О.Г. Концептуальная доминанта метаморфоза в романе Дж. Бойна «Мальчик на вершине горы» (“The Boy at the Top of the Mountain”): переводческий аспект // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2022. Т. 37. №4. С. 124–130. DOI 10.21779/2542-0313-2022-37-4-124-130. EDN ВНХЕМН.
3. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

Источники иллюстративного материала

4. *Ремарк Э.М.* На западном фронте без перемен / пер. Ю. Афонькин. Ленинград: Лениздат, 1959. 256 с.
5. *Remarque E.M.* Im Westen Nichts Neues. Koln: Kiepenheuer & Witsch, 2005. 215 S.
6. *Remarque E.M.* All Quiet on the Western Front / translated from the German by A.W. Wheen. New York: FAWCETT CREST, 1958. 140 p.

УДК 821.111Pennypacker7Pax.08.030=161.1

**СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОСОЗНАНИЯ В ПОДРОСТКОВЫХ РОМАНАХ
СЕРИИ “РАХ” С. ПЕННИПАКЕР: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Скидан О.Г.

кандидат филологических наук, доцент

Местанко Н.А.

старший преподаватель

Маяцкая Е.В.

студент

**THE LINGUISTIC MEANS OF ECOLOGICAL CONSCIOUSNESS FORMATION IN
TEENAGE NOVELS OF “PAX” BY S. PENNYPACKER: TRANSLATION ASPECT**

Olga G. Skidan

Natalya A. Mestanko

Elizaveta V. Maiatskaia

АННОТАЦИЯ. В данной статье в фокусе исследования находится экороман “Рак” современной американской писательницы Сары Пеннипакер. Проводится лингвостилистический анализ художественных приемов и языковых средств оригинального текста, способствующих формированию экологического сознания у детей и подростков, а также анализ переводческих решений по воссозданию выявленных средств в переводе на русский язык. В качестве доминантных средств формирования экосознания выступают такие художественные приемы и выразительные средства романа, как антропоморфизм, аллюзия, метафора, эмотивная лексика и пейзажное описание. В переводе данные элементы получают дополнительное выдвигание, что приводит к повышению степени экспрессивности переводного текста. Результаты подтверждают потенциал эколитературы как эффективного инструмента экологического просвещения.

Ключевые слова: экосознание, эколитература, антропоморфизм, перевод, “Рак”.

ABSTRACT. The study focuses on the eco-novel “Pax” by a modern American writer Sara Pennypacker. The linguistic and stylistic analysis of linguistic means and devices of the original text that contribute to the formation of ecological consciousness in children and teenagers is carried out, as well as the analysis of translation techniques to recreate the identified means in the Russian translation. Such expressive means and lingua-stylistic devices of the novel as anthropomorphism, allusion, metaphor, emotive vocabulary and landscape description act as dominant means of developing ecological consciousness. In translation, these elements are given additional emphases, which results in a higher degree of expressiveness of the translated text. The findings prove the potential of eco-fiction as a powerful means of ecological consciousness-raising.

Key words: ecological consciousness, eco-fiction, anthropomorphism, translation, “Pax”.

В условиях глобальных экологических вызовов, таких как изменение климата, утрата биоразнообразия и загрязнение окружающей среды, необходимость формирования

экологического сознания становится все более очевидной.

Термин «экологическое сознание» вошел в научный обиход в середине XX века, став важным концептом в философии и междисциплинарных исследованиях. Его появление неразрывно связано с эволюцией взаимоотношений между природой, обществом и человеком, особенно в контексте нарастающего экологического кризиса [7]. Экологическое сознание представляет собой особую форму общественного сознания, отражающую взаимодействие человека с природой и включающую систему идей, теорий и мотиваций, направленных на достижение оптимального соотношения общества и природы [7]. Оно формирует необходимые поведенческие паттерны и поступки, направленные на сохранение экологического равновесия и предотвращение кризисных явлений, а также играет важную роль в экологическом воспитании подростков, оказывая комплексное воздействие на их мировоззрение и ценностные ориентиры [6].

Мощным инструментом формирования экосознания выступает эколитература, представляющая собой особый жанр литературы, фокусирующийся на экологических темах и проблемах взаимодействия человека с природным миром. Это открытое собрание текстов, которое позволяет читателям вступить в эмоциональную связь с природой и почувствовать себя частью экосистемы, в которой традиционная антропоцентрическая модель разрушается, открывая новые способы восприятия мира [2]. Интерес ученых к проблеме формирования экосознания через художественные образы стремительно растет, различные аспекты затрагивали в своих исследованиях такие ученые, как Л.И. Терентьева [10], И.С. Болдонова и А.А. Надагурова [4], З.Р. Амет-Уста [1], С.В. Гречишкина [5], Е.Ю. Заварзина [6] и другие.

Представители данного литературного направления особое внимание уделяют посреднической роли животных как связующего звена между людьми и природой. Природа осмысливается не только как художественный образ, а как целостная картина мира, отражающая экологическую культуру общества. В художественном произведении она выступает как система материальных, духовных и эстетических ценностей, воплощающая особый способ познания мира и человека. Пейзажные описания зачастую выполняют не столько декоративную, сколько философскую функцию, раскрывая глубинные аспекты миропонимания автора и его героев через систему символов и образов [3]. Литературный текст выступает в роли своеобразной экотекстовой лаборатории, перенося читателей в новую среду, где они могут переосмыслить свое место в мире и выработать ценностное отношение к окружающей среде [2]. Произведения данного направления могут быть самых различных форм, от традиционных мифов и сказаний о природе до современных текстов, отражающих актуальные экологические проблемы и вызовы.

Ярким представителем направления эколитературы является американская писательница Сара Пеннипакер, чьи книги получили читательское признание в России. «Пакс» – самый известный роман писательницы, признанный лучшей детской книгой 2016 года за рубежом, и долгое время остававшийся в списке бестселлеров. Эта книга принесла автору Национальную книжную премию США, а в 2018 году роман был отмечен премией «Ясная Поляна». В истории о мальчике и лисе, образ которых выступает своеобразным проводником экосознания, поднимаются такие важные темы, как взаимоотношения человека и природы, духовное развитие, экологические проблемы и многие другие; происходит переосмысление антропоцентрического мировоззрения человечества.

Целью данной статьи является исследование лингвостилистических средств романа «Рах», влияющих на формирование у читателя экологического сознания, а также анализ приемов воплощения авторского замысла в переводе на русский язык, выполненном Натальей Калошиной и Евгенией Канищевой в 2021 году.

В ходе лингвостилистического и прагматического анализа текста романа мы пришли к выводу, что доминантными средствами, оказывающими наиболее сильное воздействие на ценностные и поведенческие установки читателя, способствующие формированию у него экосознания, являются такие художественные приемы и выразительные средства, как антропоморфизм, аллюзия, метафора, эмотивная лексика и пейзажное описание.

Известно, что одной из основных функций аллюзий является активизация в сознании читателя определенных «затекстовых пластов и представление авторского текста в созвучных ему внешних контекстах» [11]. Одной из ключевых аллюзий романа «Пакс» является отсылка к аллегорической повести-сказке «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, известной многим читателям во всем мире. Авторский текст Сары Пеннипакер таким образом включается в сложную систему культурных ассоциаций и сопоставлений, усиливается его суггестивное воздействие на читателя. Центральное место в обоих литературных произведениях занимает тема ответственности. В романе «Пакс» главный герой, Питер, берет на себя ответственность за судьбу своего друга, лиса по имени Пакс. Повествование наводит читателя на мысль, что каждый живой организм требует заботы и внимания, а безответственное отношение к природе может привести к необратимым последствиям. Объединяет произведения и тема войны, хотя и проявляется в них по-разному. В «Маленьком принце» война противопоставляется истинной человеческой мудрости и гуманизму, подчеркивая ценность простых и чистых чувств. В «Паксе» война становится причиной разлуки Питера с отцом и Паксом, символизируя разрушение и утрату. Сара Пеннипакер показывает, насколько война разрушительна не только для людей, но и для природы, демонстрирует катастрофическое влияние человека на окружающую среду. Оба автора показывают, как военные конфликты приводят к нарушению природного баланса, уничтожению живых существ и разрушению среды обитания. Это помогает сформировать понимание того, что истинная человеческая мудрость заключается в способности жить в гармонии с природой, беречь ее и предотвращать конфликты, которые могут привести к экологическим катастрофам.

Важным инструментом воздействия выступает антропоморфизм, литературный прием, с помощью которого автор наделяет неодушевленные предметы, природные явления, животных, растения и мифических существ человеческими характеристиками: физическими, психическими, интеллектуальными и гендерными особенностями [9]. Лис Пакс обладает эмоциональным интеллектом, понимает причинно-следственную связь, умеет опираться на прошлый опыт и делать из него выводы. Это позволяет читателю установить эмоциональную связь с животным и осознать его право на жизнь и свободу. Через призму отношений мальчика Питера и лиса раскрывается идея о том, что все живые существа имеют схожие потребности и чувства.

Эффект данного приема усиливается с помощью эмотивной лексики. Согласно Е.В. Пак, в системе языка выделяются два основных типа эмотивной лексики: лексика эмоций, выполняющая номинативную функцию и объективирующая эмоции в языке (например, “joy”, “anger”, “sorrow”), и эмоциональная лексика, обладающая экспрессивной и прагматической функциями и предназначенная для выражения эмоций говорящего (включая эмоционально окрашенные слова и выражения, такие как: “wow”, “furiously”, “with hate”, “glad”) [8]. Эмотивная лексика включает различные части речи, формирующие лексическое поле эмоций. Сара Пеннипакер применяет эмотивную лексику для описания чувств и эмоций не только человеческих персонажей, но и животных. В отношении лиса Пакса и других животных используются такие слова, как “relief”, “joyful”, “excited” и другие. Эмотивная лексика в романе встречается в обеих формах: как в виде эмоциональной лексики, так и в виде лексики эмоций, благодаря сочетанию которых писательница в полной мере передает переживания героев.

Одним из ключевых слов в романе является лексема “family”, которая употребляется не только по отношению к людям, но и к животным. Согласно Кембриджскому словарю, слово “family” означает “1. a group of people who are related to each other, such as a mother, a father, and their children, the children of a family; 2. the children of a family; 3. a group of people who care about each other because they have a close relationship or shared interests; 4. a pair of adult animals and their babies” [12]. То есть, преимущественно данное понятие применяется только людьми в отношении людей и лишь изредка относительно животных. Однако в романе лисья семья выделяется не только тем, что две взрослые особи завели потомство, но

и взаимоотношениями между ними, которые похожи на людские. Лисы сами считают друг друга семьей. Сара Пеннипакер показывает, что животные тоже могут испытывать любовь и образовывать семьи, и использует для описания взаимоотношений в семье животных различные составляющие лексико-семантической группы “FAMILY”, например, son, daughter, brother etc.: “And then Pax had turned and joined Bristle and Runt and formed a **family**.” [16, p. 63] “His **daughter** was tracking him.” [16, p. 32] “His **sons** were upwind and would not scent him...” [16, p. 236] “...the two big kits crashed into them, pawing and kissing their way to their **father**.” [16, p. 237] “...he burst out of the brush and tore down the hill to meet Bristle’s **brother**.” [16, p. 196] “...Runt was also greatly sorrowed by the belief that his **niece** had died.” [16, p. 197] “She strained to rise to her **uncle** but fell back.” [16, p. 198] “...Pax would never abandon his own **baby** unless he was desperate...” [16, p. 219]

Благодаря тому, что Пакс – антропоморфный персонаж, обладающий человеческими качествами, между ним и читателем образуется некая связь, читатель лучше понимает его и сочувствует ему.

“And then **he ran**. This time **he ran** because if he didn’t, **he would burst**” [16, p. 3]. – «А потом побежал. В этот раз лис бежал потому, что если бы не бежал, то **взорвался бы**» [14, с. 8].

В этом предложении говорится о радости Пакса от новости, что скоро у них с Иглой будут лисята. Радость лиса передается с помощью параллельных конструкций и повтора (“he ran”), а также метафоры (“he would burst”). В переводе на русский присутствует еще один повтор слова «бежал», что усилило эффект волнения. Метафора сохранена и переведена калькированием (“he would burst” – «взорвался бы»).

“Whatever this kit needed, he would provide.” [16, p. 24] – «Он сделает для нее **все – все**, что ей будет нужно» [14, с. 31].

В данном предложении автор показывает, что лис Пакс – заботливый родитель и готов пойти на все ради своего лисенка. Так, читатель видит, что животные тоже могут переживать за свою семью. Переводчики сделали акцент на «все» посредством повтора, тем самым придав тексту больше эмотивности, благодаря которой усиливается эмоциональное воздействие на читателя.

“...the **thought** of his young **family urged** him on faster...” [16, p. 31] – «...**желание** поскорее **увидеть щенков** стало **нестерпимым**...» [14, с. 39].

В данном предложении ключевую роль играет метафорический глагол “urged”. Этот глагол создает образную параллель между внутренним состоянием персонажа и физическим действием, подчеркивая силу эмоционального воздействия. Переводчики полностью трансформировали предложение, воспользовавшись приемом смыслового развития (не мысль подгоняла лиса, а желание стало нестерпимым). Для воссоздания прагматического воздействия был использован прием дифференциации (“thought” – «желание», “young family” – «щенков»). Перевод получился экспрессивнее оригинала, что усиливает воздействие на читателя. Читатель понимает, что лис готов на все ради своей семьи, что также делает его похожим на человека.

Пакс испытывает любовь не только к своей семье, но и к Питеру, хоть они и разлучились. Прошло уже достаточное количество времени, однако Пакс не забыл Питера и сохранил любовь к нему. Читатель осознает, что животному не чуждо такое понятие, как дружба:

“Pax had felt a great **relief** and **joy** at the reunion with Peter...” [16, p. 62]. – «Лис **безмерно радовался** возвращению Питера...» [14, с. 74].

Сара Пеннипакер использует эмотивные существительные “relief” и “joy” для описания эмоционального состояния Пакса. При переводе они были преобразованы в глагол «радовался». Переводчики также преобразовали прилагательное “great” в наречие «безмерно» и конкретизировали его, благодаря чему усилилась экспрессивность.

Пакс предстает перед читателем в качестве заботливого отца, его с Иглой щенки также не лишены человеческих качеств. Они ведут себя как дети: могут дурачиться, играть;

они трусливы, но любопытны. И так же, как и люди, могут испытывать эмоции.

“Excited by their accomplishment, thirsty from the long journey, they drank and they drank and they drank.” [16, p. 47] – «После долгого путешествия их мучила жажда, они **радовались**, что у них получается, – и лакали, и лакали, и лакали» [14, с. 57].

Для описания радости лисят Сара Пеннипакер использовала эмотивное причастие *“excited”*. Данный эффект далее усиливается с помощью повтора *“they drank”*. В переводе причастие *“excited”* заменяется эмотивным глаголом *«радовались»*. Переводчиками также была сохранена аллитерация [k] – [к], напоминающая звуки капель воды. А радость лисят как в оригинале, так и в переводе воплощается с помощью повтора (*“they drank”* – *«лакали»*). Через эмоциональное описание радости лисят читатель учится сопереживать животным, понимать их потребности и чувства, что является первым шагом к бережному отношению к живой природе.

“She began to bounce toward him in joyful little hops.” [16, p. 32] – «И начала продвигаться к нему **радостными** кособокими прыжочками» [14, с. 41].

Благодаря эмотивному прилагательному *“joyful”* автор передает образ маленького жизнерадостного лисенка. При переводе данного предложения использовался прием калькирования (*“joyful”* – *«радостными»*), а также прием добавления (*“little hops”* – *«косбокими прыжочками»*), благодаря которому у читателя складывается более достоверная картина о поведении лисенка. Также *“little”* в переводе компенсируется, так как переводчики использовали уменьшительно-ласкательную форму *«прыжочки»*.

“...she shivered and her heart hammered. Pax’s heart shook also, from a different fear. ...The advice was not enough to protect her. Nothing would ever be enough.” [16, p. 34] – «...она **дрожала от страха**, а ее сердечко **часто-часто колотилось**. Сердце Пакса тоже билось часто и сильно, только его **страх** был **другой**. ...Но советы – **недостаточная защита** для нее. А **надежной защиты** нет и никогда не будет» [14, с. 42].

Данный пример содержит метафору *“hammered”*, которую переводчики сняли и компенсировали с помощью наречия и повтора: *«часто-часто колотилось»*. Переводчиками был использован лексический повтор слова *«защита»*, что позволило сделать акцент на переживании Пакса за его лиску. Через описание эмоционального состояния животных читатель учится сопереживать другим живым существам, понимать их страхи и переживания, что является основой для формирования экосознания.

Стоит также обратить внимание на то, как Сара Пеннипакер описывает природу. Писательница использует особый прием: повествование ведется от лица главного героя-лиса Пакса, который воспринимает окружающий мир через призму своих чувств и эмоций. Это позволяет читателю увидеть природу глазами животного, прочувствовать ее живость и одухотворенность. Например:

“The sharp odors of pine-wood, bark, cones, and needles – slivered through the air like blades, but beneath that, the fox recognized softer clover and wild garlic and ferns, and also a hundred things he had never encountered before but that smelled green and urgent.” [15] – «**Резкие ароматы** сосновой древесины, коры, шишек и хвои **будто иглами пронзали воздух**, между ними вились более мягкие нити клевера, дикого чеснока, папоротников и еще **сто других запахов**, которые были лису незнакомы, но все они были зеленые и **настойчивые**» [13, с. 7].

Благодаря сравнительному обороту *“like blades”* автор передает восприятие лисом окружающей его природы. Сара Пеннипакер при описании природы от лица Пакса большое внимание уделяет звукам и запахам, ведь именно на эти чувства животные полагаются больше всего. В переводе сравнительный оборот *“like blades”* был заменен на более привычное в русском языке сравнение: *«будто иглами»*. Переводчики также воспользовались приемом конкретизации (*“things”* – *«запах»*).

“The long night before, they had alarmed Pax. The blackness had quivered with the rustle of night prowlers, and even the sounds of the trees themselves – leaves unfurling, sap coursing up new wood, the tiny cracklings of expanding bark – had startled him over and over as he waited for

Peter to return.” [15] – «Эти шумы тревожили Пакса всю долгую ночь. В черноте дрожали крадущиеся ночные шорохи, и даже звуки деревьев: раскрывающиеся листья, движения сока в молодых стволах, потрескивание нарастающей коры, – снова и снова настораживали его, пока он дожидался возвращения Питера» [13, с. 35].

В данном примере можно заметить аллитерацию звука [s], похожего на шелест. Так передается чуткость слуха лиса, его встревоженность из-за каждого шороха. У переводчиков получилось подобрать слова так, чтобы сохранить аллитерацию в русском тексте. Также в переводе данного фрагмента заметны преобразования частей речи (глагол “return” стал существительным «возвращения», причастие “coursing up” стало существительным «движения»).

Пейзажное описание в романе выполняет важную воспитательную функцию, формируя у читателя экологическое мышление и ответственное отношение к природе. Автор показывает, как вмешательство человека в природный мир может привести к необратимым последствиям:

“War came to the land where I lived with humans. Everything was ruined. There was fire everywhere. Many deaths... The men who were sick with the disease spilled their chaos over everything in their path.” [15] – «Война пришла в тот край, где я жил с людьми. Все разрушилось. Кругом был огонь. Много смертей. ...Везде, где они шли, больные этой болезнью сеяли гибель и разруху» [13, с. 80].

С помощью метафоры “*spilled their chaos*” автор говорит о том, что губительные последствия войны распространяются с ужасающей скоростью, точно как разливается вода. Сара Пеннипакер также использует в своем тексте метафору “*disease*” по отношению к войне. В переводе метафора “*spilled*” была заменена на более подходящую и привычную «сеяли», таким образом, образ воды заменяется образом семян. Переводчики также осуществили смысловое развитие (“*chaos*” – «гибель и разруху»), а метафора “*disease*” переведена буквально («болезнью»).

Сара Пеннипакер создает уникальную картину природы, где природные явления наделяются живыми чертами. Писательница использует особый прием, представляя природу через призму чувств животного, что делает ее одухотворенной. Пейзажные описания не только служат фоном, но и формируют у читателя экологическое мышление, показывая разрушительное влияние войны на окружающую среду.

В тексте романа используется множество метафор, которые не только обогащают текст романа, но и придают ему дополнительную смысловую глубину. Писательница создает яркие противопоставления, описывая страдания природы и противопоставляя их военному конфликту. Особенно выразительной является метафора, с помощью которой война предстает как болезнь, которая поражает людей:

“The war-sick – they will attack my boy?” [15] – «Больные войной набросятся на моего мальчика?» [13, с. 80]

“War is a human sickness like this.” [15] – «Война – такая же болезнь у людей» [13, с. 80].

“The men who were sick with the disease...” [15] – «...больные этой болезнью...» [13, с. 80]

“*Disease*”, “*sickness*” – именно так называют войну животные в романе. Переводчики эти понятия переводят буквально, а “*war-sick*” переведено описательно – «больные войной».

В тексте романа можно также встретить цветовые метафоры, с помощью которых реализуется противопоставление двух миров: природного и военного, и природа метафорически представлена как жертва:

“The truck was green. Not the growing green of the trees all around, but a dull olive, a color death might wear when it claimed these trees.” [15] – «Это был грузовик зеленого цвета. Не живого зеленого, как деревья вокруг, а глухого оливкового – того цвета, какого была бы смерть, если бы она пришла за этими деревьями» [13, с. 36].

Автор использует антитезу, противопоставляя два типа зеленого цвета: “*growing*

green” (живой, природный) и *“dull olive”* (тусклый, безжизненный). Это противопоставление усилено метафорой *“a color death might wear”*, с помощью которой смерти присваивается цвет. Глагол *“claimed”* в данном контексте приобретает негативную коннотацию, намекая на насильственное присвоение жизни. При переводе данного фрагмента переводчики воспользовались приемом лексической трансформации (*“growing”* – «живого», *“might wear”* – «была бы», *“claimed”* – «пришла за»).

Кроме того, метафорические образы эффективно используются для создания живых, красочных описаний природы, что позволяет читателю более полно ощутить ее красоту и динамику природных процессов.

“The meadow smelled abundantly of life.” [15] – «С луга в изобилии доносятся запахи жизни» [13, с. 72].

“The morning air pulsed with the noises of spring.” [15] – «Утренний воздух пульсировал шумами весны» [13, с. 34].

“Finally, as dawn had begun to silver the sky, he’d fallen into a shivering sleep.” [15] – «Только когда небо засеребрилось рассветом, лис провалился в зыбкий сон» [13, с. 35].

В романе активно используются метафоры для создания живой картины природы: метафора *“smelled abundantly of life”* сохранена переводчиками, однако были произведены некоторые трансформации, например, изменение части речи (*“abundantly”* – «в изобилии», *“smelled”* – «запаху») и частичная грамматическая трансформация (*“the meadow smelled”* – «с луга доносились»). Переводчики сохранили природную метафору *“dawn had begun to silver the sky”*, изменив роли актантов действия (подлежащее *“dawn”* в переводе стало дополнением «рассветом»). Эти метафоры помогают читателю воспринимать природу как живой организм, наполненный жизнью и постоянно меняющийся, учат замечать природную красоту в обыденных явлениях, формируя эстетическое восприятие окружающего мира.

Проведенный лингвостилистический анализ романа «Пакс» позволил выявить комплексную систему художественных средств, формирующих экологическое сознание читателя. Благодаря таким приемам и средствам, как антропоморфизм, аллюзия, эмотивная лексика, пейзажное описание и метафора, получается создать многогранную картину взаимодействия человека и природы, где каждое существо имеет право на жизнь и уважение.

Особую значимость приобретает использование антропоморфизма в отношении персонажей животных. Это способствует установлению эмоциональной связи между читателем и природой, формированию эмпатии к живым существам. Использование слов лексико-семантической группы *“FAMILY”* в сочетании с эмотивными прилагательными и существительными создает мощный эмоциональный резонанс, побуждающий читателя к переосмыслению традиционных антропоцентрических представлений о природе.

В ходе исследования также было выявлено, что применение эмотивной лексики и метафорических конструкций способствует художественной передаче эмоционального состояния как человеческих, так и животных персонажей. Через историю дружбы мальчика и лиса Сара Пеннипакер показывает, что истинное понимание природы возможно только при отказе от позиции доминирования человека над остальными живыми существами и при осознании себя частью единого природного целого. Метафорические образы, противопоставляющие природу и войну, усиливают экологический посыл произведения, формируя критическое отношение к разрушительному воздействию человека на окружающую среду. Значимым результатом анализа стало выявление особой роли пейзажных описаний в формировании экологического мышления читателя. Авторская манера представления природы через восприятие животного персонажа создает уникальный эффект «природного нарратива», где природные явления наделяются живыми чертами. Это способствует формированию целостного восприятия природы как активного участника экосистемы, а не пассивного фона повествования.

Для перевода художественных средств Наталья Калошина и Евгений Канищева использовали такие переводческие приемы, как конкретизация и добавление, осуществляли смысловое развитие и компенсации, производили грамматические и лексические

трансформации. Экспрессивность текста романа в переводе оказалась выше, чем в оригинале, что обусловлено, как спецификой русского языка, так и стратегией перевода, направленной на повышение реалистичности восприятия текста. Результаты исследования подтверждают потенциал эколитературы как мощного инструмента экологического просвещения и воспитания ответственного отношения к окружающей среде.

Список литературы

1. *Амет-Уста З.Р.* Экологическое воспитание детей дошкольного возраста посредством произведений о природе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №69-1. С. 28–30.
2. *Барч А.* От экокритики к корове и обратно / Пер. с пол. О. Гусевой // Звезда. 2017. № 7. С. 89–93.
3. *Богач Д.А.* Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. №6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 22–29.
4. *Болдонова И.С., Надагурова А.А.* Художественная литература как форма эстетического восприятия (на примере русской литературы XX века) // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. Вып. 3. С. 33–42.
5. *Гречишкина С.В.* К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколитературы // Вестник Томского государственного университета. 2014. №387. С. 8–14.
6. *Заварзина Е.Ю.* Педагогический потенциал окружающей природы // Межвузовский сборник научных трудов. Том Выпуск 19. 2020. С. 24–29. EDN BHEABG.
7. *Ожегов Ю.П., Никонорова Е.В.* Новое экологическое мышление // Педагогика. 1991. №6. С. 57–62. EDN VWSWCJ.
8. *Пак Е.В.* К вопросу об эмотивной лексике и эмотивности // Система языка и дискурс: международный сборник научных статей. 2007. С. 180–188.
9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] / Академик, 2000-2025. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 07.05.2025).
10. *Терентьева Л.И.* Роль детской литературы в экологическом образовании и воспитании дошкольников // Современное дошкольное образование. 2015. №1 (53). С. 46–54.
11. *Яременко В.И.* О роли аллюзий в современном английском языке и некоторые способы ее перевода на русский язык // Языковое бытие человека и этноса. 2009. №15. С. 123–135.
12. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] / Cambridge University Press, 2025. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 07.05.2025).

Источники иллюстративного материала

13. *Пеннипакер С.* Пакс / Пер. с англ. Н. Калошиной, Е. Канищевой. М.: Самокат, 2018. 320 с.
14. *Пеннипакер С.* Пакс. Дорога домой / Пер. с англ. Н. Калошиной, Е. Канищевой. М.: Самокат, 2022. 288 с.
15. *Pennypacker S.* Pax. New York: HarperCollins Publishers, 2016.
16. *Pennypacker S.* Pax, Journey Home. New York: HarperCollins Publishers, 2022. 247 p.

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 294.38

БУДДИЙСКИЕ ИДЕИ В КОНТРАКУЛЬТУРНОМ ДВИЖЕНИИ АМЕРИКИ 1960-Х ГОДОВ

Ефанов В.Ю.
аспирант, ассистент
Цыганков М.Д.
магистрант

BUDDHIST IDEAS IN THE AMERICAN COUNTERCULTURAL MOVEMENT OF THE 1960S

Vladimir Yu. Efanov
Matvey D. Tsyghankov

АННОТАЦИЯ. Феномен контркультуры 60-х в США тесно связан с восточными религиями. Исследование раскрывает влияние буддизма на формирования и развитие контркультурных движений, что позволяет выявить ключевые механизмы трансформации западного сознания в контексте глобализации духовных практик и идей. Восточные религии оказали значительное влияние на развитие интеллектуальной и культурной жизни США в 1960-е годы. Основные буддийские идеи, а также культурный стереотип, через призму которого Дзен воспринимался как своеобразный антиавторитарный онтологический модус, резонировал с настроениями протеста и поиска идентичности среди молодежи того времени. В результате буддизм стал важным элементом контркультурного дискурса, способствуя развитию новых форм самовыражения и социальных практик.

Ключевые слова: буддизм, американская контркультура, буддийская философия, буддийское миссионерство, буддийские практики.

ABSTRACT. Phenomenon of counterculture of the 60s is closely connected to Eastern religions. The study reveals the immense influence of Buddhist culture on emergence and development of countercultural movements, which allows us to identify the key mechanisms of transformation of Western consciousness in the context of the globalization of spiritual practices and ideas. Eastern religions played a significant role in the development of the intellectual and cultural life of the United States in the 1960s. The main Buddhist ideas, as well as the cultural stereotype through which Zen was perceived as a kind of anti-authoritarian ontological mode, resonated with the sentiments of protest and the search for identity among the youth of that time. As a result, Buddhism has become an important element of countercultural discourse contributing to the development of new forms of self-expression and social practices.

Keywords: Buddhism, American countercultural, Buddhist philosophy, Buddhist missionary, Buddhist practices.

Начало второй половины прошлого столетия ознаменовано революцией во многих областях знаний и общественной жизни, а также формированием новых культурно-религиозных парадигм. Способствовали этому последствия первой половины XX века, вследствие Великой депрессии и мировых войн происходит полный крах идей европейского гуманизма. Неудовлетворенность западной философией, традиционными верованиями и культурными парадигмами приводят к утрате авторитета власти в молодежной среде. Неудовлетворенность ставит молодых людей в условия поиска альтернативы, вынуждает

обратить свой взор в сторону Востока. С духовными поисками и попытками заполнить «духовный вакуум» связано появление феномена контркультуры.

С точки зрения религиоведения данный феномен интересен еще тем, что с эпохи Просвещения молодежный бунт носил как правило антирелигиозный характер, будь то секуляризация или же вовсе крайний рационализм. В то же время феномен контркультуры связан с отрицанием мировоззрения традиционных религий (в первую очередь христианства), а не религий в принципе [6, с. 81]. На замену отживающему и не отвечающему духовным чаяниям молодежи христианству пришли восточные религии, в частности, буддизм. Таким образом, цель исследования состоит в определении влияния буддистских практик и философии на становление и эволюцию контркультурных движений в Америке XX века и ответе на вопрос, каким образом американская контркультура 50-х и 60-х отображала буддийское мировоззрение.

Осмысление будущего религии и культуры невозможно без уяснения новых духовных поисков, определенных молодежной контркультурой. С феноменом контркультуры связано появление современной картины мира, появление новых норм и ценностных установок, получивших распространение по всему миру.

О понятии контркультуры

Отечественные и зарубежные исследователи по-разному характеризуют феномен контркультуры: одни считают контркультуру негативным явлением, вносящем дестабилизацию в общество, другие – более положительно, видя в ней необходимость пересмотра некоторых религиозных и культурных ценностей. Мы не можем отрицать тот факт, что контркультура способна оказывать влияние на доминирующую культуру, внося в нее изменения. На сегодняшний день отчетливо заметно, что американская контркультура 1960-х имело далеко идущие последствия, определив духовные изыскания молодого поколения того времени. Именно с феноменом контркультуры связана борьба с расовыми предрассудками, женское движение [2]. В это же время происходит переосмысление восточных религий и их манифестация в западно-культурной среде.

Перед анализом предмета настоящего исследования необходимо понять, что из себя представляет контркультура. Данный термин был введен американским социологом Дж.М. Йингером в статье «Контркультура и субкультура». По мнению Йингера термин «субкультура», использовавшийся социологами для анализа преступности и региональных различий, не подходит для характеристики нового явления, отрицавшего ценности доминирующей культуры: «...я предлагаю использовать термин “контркультура” везде, где нормативная система группы содержит в качестве основного элемента тему конфликта с ценностями общества в целом, где личностные переменные непосредственно вовлечены в развитие и поддержание ценностей группы, и везде, где ее нормы могут быть поняты только применительно к отношениям группы с окружающей доминирующей культурой» (*перевод наш – В.Е., М.Ц.*) [10, р. 629]. Контркультура представляет собой более широкое понятие, нежели субкультура, в которое вовлечено значительное количество субкультур с различными «альтернативными» взглядами.

Контркультуру также не стоит путать с протестным движением. Исследователь феномена «контркультура» Т. Розак разделяет понятие контркультуры и протестного движения молодежи в Европе, где «молодые европейские радикалы по-прежнему видели себя защитниками «народа» (имея в виду рабочий класс) от угнетения буржуазией (в большинстве случаев полагая под нею своих родителей). Поэтому они отважно пытались адаптироваться к знакомому укладу прошлого. Они привычно искали союзников в проверенных временем идеологических направлениях – среди рабочих, профсоюзов и левых партий...» [6, с. 19]. То есть протестное движение имеет более конкретные цели, которые направлены на изменение определенной (в данном случае экономической) ситуации, в остальном зачастую разделяя многие аспекты доминантной культурной парадигмы. В то время как контркультура ставит целью изменение не только социально-экономической формации общества, но и его аксиологического и онтологического модусов, являясь

альтернативной социальной или культурной системой.

Таким образом, под контркультурой мы понимаем молодежное движение, отрицающее нормы и ценности доминантной культурной традиции, состоящее из различных субкультур с нетрадиционными для доминантной культуры взглядами.

Духовный кризис бит-поколения

Первыми и главными популяризаторами буддизма для поколения baby boomers – рожденных с 1946 по 1964 – выступили так называемые «битники», писатели нонконформисты. Битники – это субкультура, зародившаяся как небольшой студенческий круг в Колумбийском университете, членами которого были: Люсьен Карр, Уильям Берроуз, Джек Керуак и Аллен Гинзберг. Впервые термин «Поколение битников» использовал Джек Керуак, чтобы охарактеризовать нонконформистскую молодежь в Нью-Йорке того времени. Под термином «битник» понималось *разбитое поколение*. Вышеуказанное самоназвание связано с тем, что на студенческие годы данного поколения выпали испытания поствоенного времени. Западное общество только оправлялась от последствий двух мировых войн, а нависающая над всем миром ядерная угроза придавала эсхатологический оттенок эпохе.

В начале XX века появляется концепция Вселенной, главный принцип которой – релятивизм. Если для человека XIX века мир воспринимается как единое целое, имеющее своего создателя, Бога или природу, то человек XX века не видит связи между элементами бытия. Картезианская и классическая немецкая философия рассматривали человека как автономного самосовершенствующегося субъекта, однако в XX веке данная модель подвергалась критике в разных областях гуманитарного знания. Марксизм рассматривал человека как продукт социально-экономических отношений. Психоанализ раскрыл власть бессознательного над рациональным «Я». Структурализм и постструктурализм деконструировали понятие субъекта, рассматривая человека как эффект языковых и культурных структур.

Все эти факторы выступили катализатором духовного кризиса и бунта молодого поколения писателей, искавших новый взгляд на мир. Данным новым взглядом оказались религии Востока – буддизм, индуизм, даосизм. При этом надо понимать этот процесс динамично. Религиозные поиски приводили не только на восток, но и переосмыслили старые взгляды религии и место Бога. С религиозным поиском ответов в условиях кризиса: «Аллен Гинзберг ... призывал к поиску приключений во имя Бога задолго до того, как он с товарищами открыл для себя дзен-буддизм и мистические традиции Востока» [6, с. 75].

К середине XX века появляется много переводной популярной литературы о буддизме. Благодаря работам ученого-буддолога Дайсэцу Тэйтaro Судзуки, на Западе резко возрастает интерес к дзен-буддизму. Данный интерес был подхвачен и развит в творчестве сначала битниками, затем хиппи, «...видевших в Дзен своеобразный образ жизни, отвергающий авторитарность, иерархию ценностей и утверждающий полную свободу и раскрепощенность» [7, с. 307]. Вышедший в 1958 г. автобиографический роман Дж. Керуака «Бродяги Дхармы» стал своего рода «Трипитакой» для молодых людей, одержимых идеей духовного просветления. В романе автор знакомит читателя с основами буддийского мировоззрения, одновременно выступая в роли бодхисатвы, демонстрируя читателю на примере своих собственных духовных поисков путь к просветлению в эпоху формирования постиндустриального общества.

Битники познакомились с дзен-буддизмом благодаря деятельности Гэри Снайдера – «Бродяга Дхармы Номер Один из них всех» [3, с. 12]. Снайдер, зная японский и китайский языки, занимался переводом буддийской литературы, живя при этом в весьма аскетичных условиях: «...ничего, кроме типичных аксессуаров нехитрого монашеского быта, никаких стульев или там романтических кресел-качалок, одни соломенные циновки... У него имелось множество апельсиновых ящиков, набитых прекрасными учеными книгами, кое-что на восточных языках, все великие сутры, комментарии к сутрам, полное собрание сочинений Д.Т. Судзуки и отличный четырехтомник японских хокку... На самом деле, если сюда залез

бы вор, единственное, что стоило бы брать – это книги» [3, с. 22].

Данный пример быта Снайдера является показательным образцом молодежного бунта против формирующегося общества потребления. С точки зрения буддийского мировоззрения, культ потребления, завязанный на массовом потреблении материальных благ, рассматривается как отражение привязки и стремления к материальным вещам, что является причиной страдания (*дуккха*): «счастье (*сукха*) представляет собой не более чем фиксацию конкретного факта психологической жизни индивида, но сама эта жизнь лежит в границах действия «*дуккха*» как предельно широкого мировоззренческого принципа» [5, с. 30]. Французский философ и социолог, один из ведущих исследователей феномена общества потребления Жан Бодрийяр, говорил, что одной из ключевых характеристик потребления является «незнание», что позволяет провести параллель с буддийским понятием (*авидья*), также утверждающим, что одной из причин, почему люди не осознают свое «истинное» положение, является незнание [1, с. 16].

Керуак и Снайдер любили уединение с природой, регулярно ходили в горы и долгое время жили в лесу, отрекаясь от ряда материальных благ, мешавших, по их мнению, людям добиться просветления. «Это было начало молодежной культуры, которую пронизывало спонтанное желание противодействовать безрадостному, хищническому и эгоманиакальному технократическому строю» [6, с. 80].

Роман «Бродяги Дхармы» является вторым по счету в серии автобиографических романов Дж. Керуака, что позволяет нам проследить трансформацию личности писателя после принятия им первых двух благородных истин, начал его «духовное перерождение». В сравнении с первым романом серии «На Дороге» (1957) писатель полностью меняет антураж, би-боп джазовые концерты сменяются походами в горы и йогической практикой.

Распространение дзен-буддизма среди молодого поколения на Западе было обусловлено существованием культурного стереотипа, связанного с данной религиозной традицией. Дзен-буддийское «иконоборчество» и отрицание догматических установок, отчетливо выраженное в знаменитом тезисе монаха Линьцзи И-сюань: «Встретишь Будду – убей Будду. Встретишь патриарха – убей патриарха» [7, с. 336], во многом соответствовало аксиологическим императивам западной молодежи того времени. Таким образом, нонконформистская молодежь США видела в дзен-буддизме своеобразный образ жизни, отвергающий авторитарность, иерархию ценностей и утверждающий полную свободу и раскрепощенность.

Битниками была также переосмыслена область медитации. Они придумывали собственные молитвы и медитации: например, молитва Дж. Керуака «ровно грядущий Будда» [3, с. 80] или медитация «на тепло», помогавшая ему согреться в путешествиях [3, с. 8], напоминающая своеобразную версию чунда-йоги (йоги внутреннего тепла). В будущем это приведет к популяризации йоги в массовой культуре.

Говоря о битниках, следует отметить, что Гэри Снайдер, Аллен Гинзберг и Джек Керуак были лично заинтересованы в буддизме – практиковали его техники и учения. Буддийские идеи вносят значительный вклад в их понимание духовности, сознания и миропонимания, и данный вклад отразился в литературном творчестве писателей. Они видели в буддизме не просто средство идейного и практического заполнения духовного вакуума, но и один из возможных путей спасения человечества от надвигающейся технократии и общества потребления. Буддийские практики, привнесенные поколением битников, тиражировались средствами массовой культуры, что привело к ассимиляции и формированию буддизма нового типа. С начала 60-х начался закат движения битников, этому способствовала в том числе коммерциализация движения. Именно на закате «разбитого поколения» данное движение претерпело трансформацию в движение хиппи.

Сменившее битников движение хиппи продолжало развивать тему буддийского духовного развития. Движение хиппи продемонстрировало, насколько было ошибочным мнение западных мыслителей о том, что после тезиса Ницше о смерти христианского Бога будет лишь тотально светская и тотально позитивистская культура, мрачная, бездуховная,

одержимая техническим совершенствованием.

Движение хиппи берет свое начало из города Сан-Франциско. Благодаря своему географическому расположению на тихоокеанском побережье Сан-Франциско стал эпицентром японских мигрантов и миссионеров. Одним из самых запоминающихся представителей был Сюнрю Судзуки, переехавший в Сан-Франциско в 1959 г. для отправления культа в японском городке. Судзуки стал главным популяризатором дзэн-буддизма для коренных жителей Сан-Франциско; общаясь с молодежью, в первую очередь с битниками, Судзуки приглашал их в храм для практики дзадзэн. Вскоре представители американской молодежи, разочарованные традиционным христианским мировоззрением, начали регулярно посещать храм и количество новых студентов неазиатского происхождения стало превышать количество азиатских прихожан. Как итог, в 1961 г. Судзуки основал Центр Дзэн в Сан-Франциско, молодежь с возвращенными битниками интересом к буддизму получила возможность посредством собственного эмпирического опыта познакомиться с самой древней мировой религией [9, p. 247].

В 60-х число практикующих Дзен быстро росло, в результате чего С. Судзуки начал сбор средств на строительство монастыря, чтобы проводить более интенсивную практику для заинтересовавшихся буддизмом студентов. Как результат, в 1967 г. на территории Национального леса Лос-Падрес был построен горный центр Тассаджара Дзен, первый монастырь дзэн буддизма на территории США. Центр получился «изолированным от цивилизации» на расстоянии более 16 миль (26 км) от ближайшей асфальтированной дороги, и добраться до него на машине можно только по узкой и крутой грунтовой дороге. До 1970 года учителем в центре был Кобун Чино Отогава из Эйхэйдзи (центр школы дзен – Сото, основанный в 1243 году Догэном), в дальнейшем Кобун путешествовал по США и занимался миссионерской деятельностью. Несмотря на рост числа последователей дзен, в 1969 году совет директоров Сокодзи попросил Судзуки оставить пост, утверждая, что он проводил больше времени со своими западными учениками, чем с японцами-мигрантами. Однако С. Судзуки продолжал вносить вклад в развитие буддизма на территории США вплоть до своей паринирваны (1971).

Другим немаловажным фактором роста популярности буддизма в американском обществе является женское движение. Активная деятельность японских миссионеров выпала на «сексуальную революцию», в результате чего многие девушки стали интересоваться буддизмом, видя в нем гендерно-нейтральную религию. В результате чего возник такой феномен как «буддийский феминизм», представительницы которого внесли свой вклад в современное понимание дхармы, через призму феминистской философии [9, p. 40].

Известная представительница американского буддийского феминизма С. Баучер в работе «Поворачивая колесо: американские женщины создают новый буддизм» ведет речь о формировании буддизма нового типа, ключевым принципом которого является равенство полов. Деятельность активисток оказала значительное влияние на переосмысление буддийской традиции как в США, так и в Юго-Восточной Азии. Так, например, в 1987 г. в городе Бодх-Гая была создана международная ассоциация «Сакьядхита», или «Дочери Будды», а в странах Южной и Юго-Восточной Азии начинаются попытки возродить институт полного женского монашества [8, с. 19].

В заключение отметим, что буддизм оказал значительное влияние на формирование феномена контркультуры внутри американского общества. Связанный в первую очередь с движением битников и хиппи, ставшими отражением поиска новых форм самовыражения, свободы и духовного просветления, той части американского общества, которую не устраивала традиционная христианская модель, буддизм выступил как альтернатива традиционным общественным ценностям. Буддийские принципы ненасилия, просветления и уединения с природой стали основополагающими идеями многих контркультурных движений, которые в будущем найдут свое отражение в массовой культуре.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
2. Бондарева Н., Василенко О.В. Возникновение контркультуры // Территория науки. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozniknovenie-kontrkultury> (дата обращения: 27.10.2025).
3. Керуак Д. Бродяги Дхармы. М.: АСТ, 2021. 320 с.
4. Кузнецова Н.В. Буддизм и дзен-буддизм – трансформация идей буддизма в течении дзен-буддизма [Электронный ресурс] // Культура. Духовность. Общество. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-i-dzen-buddizm-transformatsiya-idey-buddizma-v-techenii-dzen-buddizma> (дата обращения: 27.10.2025).
5. Рудой В.И., Островская Е.П., Островский А.Б. и др. Основы буддийского мировоззрения (Индия. Китай). М.: Наука, 1994. 239 с.
6. Рошак Т. Истоки контркультуры. М.: АСТ, 2014. 384 с.
7. Торчинов Е.А. Введение в буддизм: лекции. М.: АСТ, 2023. 512 с.
8. Уланов М.С. Буддизм в феминистском контексте: исторический опыт и современный дискурс [Электронный ресурс] // Logos et Praxis. 2019. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buddizm-v-feministskom-kontekste-istoricheskiy-opyt-i-sovremennyy-diskurs> (дата обращения: 27.10.2025).
9. Duncan R.W., Christopher S.Q. American Buddhism Methods and Findings in Recent Scholarship. London and New York: Routledge Curzon, 1999. 328 p.
10. Yinger J.M. Contraculture and Subculture // American Sociological Review 1960. Vol. 25, №5, oct. P. 625–635.

УДК 791.43(73)“193”Морокко7Штернберг:821.111(73)Виньи

**«МАРОККО» ДЖОЗЕФА ФОН ШТЕРНБЕРГА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
КОНТЕКСТ И ОСОБЕННОСТИ КИНОПОВЕСТВОВАНИЯ**

Лобков А.Е.

кандидат филологических наук, доцент

**JOSEPH VON STERNBERG’S “MOROCCO”: HISTORICAL AND CULTURAL
CONTEXT AND FEATURES OF CINEMATIC NARRATIVE**

Aleksandr E. Lobkov

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена фильму Джозефа фон Штернберга «Марокко», снятого в 1930 г. для компании «Парамаунт» с Марлен Дитрих, Гэри Купером и Адольфом Менжу в главных ролях. В СССР этот фильм не демонстрировался и стал известен отечественному зрителю лишь с конца XX века. Прослеживается история замысла появления фильма, раскрывается литературный и исторический контекст сюжетной линии картины, отмечаются главные особенности построения киноповествования. Статья написана по материалам доклада, прочитанного 22 мая 2023 г. студентам переводческого отделения Института общественных наук и международных отношений СевГУ перед кинопоказом и последующим обсуждением фильма «Марокко» в рамках программы сотрудничества между Севастопольским государственным университетом и Университетом им. Ибн Туфайля (г. Кенитра, Марокко).

Ключевые слова: «Марокко», Джозеф фон Штернберг, Марлен Дитрих, Бенно Виньи, «Ами Джолли, женщина из Марракеша», экранизация.

ABSTRACT. The article is devoted to Josef von Sternberg’s film “Morocco” shot in 1930 for Paramount, starring Marlene Dietrich, Gary Cooper and Adolphe Menjou. It was not on the screens

in the USSR and didn't become familiar to native audience until the end of the 20th century. The formation history of the gist is traced, the literary and historical context of the storyline is revealed, and the main features of the film narrative are noted. The basis for this article was laid by the report presented on the 22nd of May 2023 within the cooperation programme between Sevastopol State University and Ibn Tofail University (Kenitra, Morocco) to student translators of the Institute of Social Sciences and International Relations before screening and subsequent discussion.

Key words: “Morocco”, Josef von Sternberg, Marlene Dietrich, Benno Vigny, “Amy Jolly, die Frau aus Marrakesch”, screen adaptation.

Наше, европейское, представление о Марокко во многом сформировано не объективным знанием истории и культуры этой страны, а их субъективным преломлением в творчестве писателей и художников, когда-то в XIX–XX веках лично соприкоснувшихся с бытом и культурой арабского и берберского населения. Для европейца Марокко было, да и все еще продолжает оставаться, страной экзотической: его глаз выдергивал из окружающей реальности какой-либо культурный факт, не укладывающийся в рамки привычного мира, обобщая, заостряя, идеализируя и гиперболизируя его черты и особенности. Культурный пласт «марокканских» ассоциаций образованного европейца определяют многочисленные произведения живописи и литературы (например, картины Анри Матисса и Зинаиды Серебряковой, путевые очерки «Баски, быки, арабы. Книга об Испании и Марокко» (*Basken, Stiere, Araber: ein Buch über Spanien und Marokko*, 1926) Казимира Эдшмида и «Голоса Марракеша» (*Die Stimmen von Marrakesch*, 1967) Элиаса Канетти).

Современные писатели также нередко переносят действие своих произведений в Марокко, как это делает, например, Мартин Мозебах в романе «Могадор» (*Mogador*, 2016) и Фиона Валпи в романе «История из Касабланки» (*The Storyteller of Casablanca*, 2021).

Конечно, в культуре современного западного мира сложившийся образ Марокко – в связи с массовым наплывом марокканских мигрантов – претерпевает существенные изменения. Но и эта тема отражена в современной литературе, например, в романе Себастиана Фолкса «Парижское эхо» (*Paris Echo*, 2018).

На формирование в западной культуре определенного видения Марокко повлиял и кинематограф. В конце 1930 г. голливудская кинокомпания «Парамаунт» выпустила в прокат черно-белый звуковой фильм «Марокко» (*Morocco*, 1930) (Прим. 1). Режиссер фильма – Джозеф фон Штернберг (Josef von Sternberg), оператор – Ли Гармес (Lee Garmes), в главных ролях – Марлен Дитрих (Marlene Dietrich), Гэри Купер (Gary Cooper) и Адольф Менжу (Adolphe Menjou).

Сценарий фильма был написан Джулсом Фёртманом (Jules Furthman) по роману франко-немецкоязычного писателя Бенно Виньи (Benno Vigny, 1889–1965) «Ами Джолли, женщина из Марракеша» (*Amy Jolly, die Frau aus Marrakesch*), вышедшему в Берлине в 1927 г. [20]. Аннотация к книге гласит: «Это выдающееся произведение – интереснейший взгляд вглубь колониальной жизни, зачастую носящей скандальный характер. Писатель-француз критически подходит к так называемой западной культуре. Все повествование – чистая правда, рассказанная с предельной открытостью, недвусмысленностью и честностью и заключенная в рамки остросюжетного романа. Нет ничего печальнее судьбы Ами Джолли. Обманутая людьми и обстоятельствами, она с беспомощной улыбкой застревает в болоте; неудачей заканчивается ее попытка выбраться – недолгое, но счастливое время. Сам Виньи называет эту книгу признанием вины перед всеми женщинами, которые пострадали от мужчин!!» (Прим. 2).

Роман, хотя и получил положительные отклики в немецкой прессе [11; 12], не стал достоянием немецкоязычной истории литературы. О нем, как, впрочем, и о его авторе, вспоминают лишь в связи с фильмом «Марокко». Важно другое – в основу романа положен автобиографический материал, связанный с опытом службы писателя в иностранном легионе в Марокко, – чем, вероятно, он и привлекал читателей. В частности, на близость героя к

автору указывал один из критиков [17, S. 704] (Прим. 3).

Мало кто знает, но роман Виньи был переведен на русский язык Марией Аркадьевной Зельдович и опубликован в 1928 г. в Харькове тиражом 4 000 экз. [2]. Перевод удостоился нескольких рецензий, одну из которых приведем целиком как наиболее содержательную: «Роман отличает условно-романтический сюжет и некоторое тяготение к порнографии. Действие происходит в Марокко в годы мировой войны. Ами Джолли, французская эстрадная певица, влюбляется в легионера Пьера Винуа, он в свою очередь влюбляется в нее. Взаимное счастье разбито игрою случая: Пьер Винуа, проспавший у своей возлюбленной караул, отправлен в горы, на фронт. Рана, разлука, забвенье. Ами Джолли попадает в публичный дом в Феце, откуда ее спасает влюбленный в нее знаменитый художник. Готовая начать новую жизнь, Ами Джолли тем не менее после некоторых колебаний решает остаться сама собой. – “Взор Ами погрузился в глаза молодого офицера. – Меня зовут Жак Соваль, мадам... Я – Ами Джолли, сударь!”». Роман притязает на более широкое значение, поскольку в нем изображаются нравы французской колонии в Марокко. Но все это сделано крайне поверхностно, в стиле само собой разумеющейся сатиры, и дело в конце концов сводится к публичным женщинам. Написан этот банальный пустячок легко и переведен не плохо» [6, с. 215].

Марлен Дитрих была лично знакома с Бенно Виньи и сама обратила внимание режиссера на марокканский роман [10, р. 124]. Судя по воспоминаниям фон Штернберга, она подарила ему книгу перед возвращением в Америку весной 1930 г.

На протяжении всей жизни Штернберга и Дитрих связывала большая личная дружба и неразделенная любовь. Сергей Михайлович Эйзенштейн в мемуарах отмечал, что Штернберг «безудержно и, кажется, достаточно безнадежно влюблен в Марлен Дитрих» [9, с. 240]. Они познакомились в Берлине в 1929 г., куда Штернберг приехал на съемки «Голубого ангела» (*Der blaue Engel*, 1930). Именно он настоял на том, чтобы Дитрих пригласили на главную женскую роль в картине. А затем он же настоял на приезде актрисы в Голливуд, парадоксальным образом предложив сыграть главную роль в фильме, для сценария которого был использован сюжет романа Б. Виньи.

Дитрих была явно удивлена выбором режиссера своей первой американской картины, ибо книга «Ами Джолли», по ее словам, была «только слабеньким лимонадом» [4, с. 272]. Но Штернберга мало интересовали художественные достоинства книги, он, по его собственному признанию, «искал материал, легко переводимый в образы и не сводящийся к бесконечным разговорам» [4, с. 272]. Существует апокрифическое предание, будто Штернберг как-то сказал, что «приветствовал бы показ своих фильмов “вверх ногами”, чтобы развитие сюжета и жизненные перипетии героев не отвлекали зрителя от цельного восприятия изображения на экране» [14, р. 14].

Режиссера заинтересовал тот факт, что в книге «среди легионеров было немало женщин, которые ухаживали за ранеными, сопровождая их в походах. Как и мужчины, они сохраняли инкогнито» [4, с. 272]. А потому мотив *беззаветной любви в кинокартине вышел на первый план*.

Может показаться, что сюжет фильма слишком *прост и незамысловат* для киношедевра. Французская певичка Ами Джолли приезжает в марокканский портовый город Могадор (ныне – Эс-Сувеира), чтобы выступать в кафе-шантане. В нее влюбляется утонченный богач и «гражданин мира» Ла Бессье, однако она отдает предпочтение красивому и грубоватому легионеру – рядовому Тому Брауну.

Том Браун и Ами Джолли – имена вымышленные, герои преднамеренно утаивают свои истинные имена, так как в их прошлом есть нечто такое, что они предпочитают скрывать, то, что стало причиной поступления в Иностранный легион для одного и покупки «билета в одну сторону» для другой. Имя и фамилия Тома Брауна относятся к числу самых распространенных в англоязычном мире, так что персонаж – «некто», «один из многих». Ами Джолли – имя говорящее, буквально означающее «возлюбленная, красotka» (от франц. «ami» – друг или «aimée» – любимая и «jolie» – хорошенькая, милая).

Исторический фон, на котором разворачивается действие фильма, требует, вероятно, краткой характеристики. В начале XX века территория Марокканского султаната стала объектом острой борьбы трех европейских держав – Франции, Испании и Германии, стремившихся установить протекторат над все еще сохранявшим свою независимость североафриканским государством. Франция добилась от Германии отказа от притязаний на территории в Марокко лишь в обмен на часть своих территорий в Конго. В 1912 г. Испания и Франция поделили Марокко на Испанское Марокко и Французское Марокко, однако им не удалось определить принадлежность города Танжер, который был отдан под международное управление. Восстановление независимости Марокко произошло в 1956 г.

Защиту колониальных владений Франции осуществлял специально для этого организованный Иностранный легион. В нем служило наемниками немало разноплеменных преступников и авантюристов всякого рода. Нахождение легионеров в Марокко являлось необходимостью по вполне объективным причинам: на захваченных территориях неоднократно вспыхивали вооруженные восстания, кроме того, Франция продолжала колониальную экспансию вглубь Африки.

Съемки фильма проходили в июне-июле 1930 г. в павильоне киностудии «Парамаунт» в Голливуде и в калифорнийской пустыне. Ни режиссер, ни актеры никогда не были в Марокко (страна в фильме – не более чем условность, действие могло разворачиваться в любой другой колонии Франции, где размещался Иностранный легион). Примечательно, что 1 июня 1936 г. в эфире радиовещательной компании «Си-би-эс» в программе «Люкс радиотеатр» (Lux Radio Theatre) прозвучала радиопостановка «Легионер и леди» (*The Legionnaire and the Lady*), в основу которой был положен сценарий кинокартины «Марокко». В главных ролях были задействованы Марлен Дитрих и Кларк Гейбл [19]. При этом изменилось не только название, но и место действия – в радиопостановке события разворачиваются в одном из портовых городов Алжира.

Можно отметить, что ключевую роль в развитии сюжета картины сыграли два условия. Первое – Иностранный легион, размещавшийся в «экзотических» странах и представавший в обыденном сознании американцев, да и многих европейцев, в романтических тонах (Прим. 4).

Надо сказать, что формируемый Голливудом образ солдат Иностранного легиона, пришелся не по душе французской администрации. Но если во Франции фильм «Марокко» вышел в прокат под названием «Обожженные сердца» (*Cœurs brûlés*) (Прим. 5), то колониальные власти Алжира его вообще запретили, а командующий Иностранным легионом генерал Поль Ролле назвал его «сплошной абракадаброй» и «сущей фантазией», отметив несоответствие реалий военного быта и пародийное изображение воинской дисциплины, в особенности – в отношении воинского долга [18, p. 149–150].

Второе условие связано с тем, что действие должно было разворачиваться в портовом городе. Портовый город как топос вбирает в себя ассоциации самых разных рядов, порой неожиданных и несовместимых: здесь встречи и расставания, надежды и их крушение, здесь в увеселительных заведениях кипит ночная жизнь и можно встретить представителей всех слоев общества – от аристократов до криминальных элементов, от богачей до бродяг, от замужних женщин до проституток, здесь смешаны самые разнообразные языки и культуры.

Неслучайно, что Марлен Дитрих в своих воспоминаниях даже не упомянула название города (Могадор), в котором по сюжету разворачивается фильм. Действие первых сцен, с ее слов, «происходило на корабле, который прибывал в Касабланку или некую другую гавань, полную таинственности» [4, с. 80]. Могадор был выбран режиссером лишь потому, что являлся портовым городом (напомним, что действие романа Виньи происходит в Марракеше, расположенном в глубине страны) (Прим. 6).

Энигматический код, заданный с самого начала «темным» прошлым легионеров, воюющих в далеких экзотических странах, и таинственностью портового города, дополняется интригующей загадочностью образа главной героини.

Сыграть «загадочную леди» Дитрих было трудно. Она признавалась: «загадочность

никогда не была моей сильной стороной», поэтому поддерживать «таинственную ауру» никак не удавалось [4, с. 79–80]. Во многом создание многозначного образа – заслуга режиссера, который настаивал на том, чтобы игра актрисы «производила впечатление медлительности» [4, с. 252, 254]. С самого начала, с первой сцены на палубе корабля, медлительность героини задает ореол необычности и таинственности. Кроме того, Марлен Дитрих тогда еще не слишком правильно говорила по-английски, так что режиссер осознанно сделал героиню немногословной [4, с. 272]. Именно за счет такой предельной сжатости речи и медлительности возникает ассоциативная многоплановость и подчеркнутая загадочность центрального женского образа. На протяжении всего фильма зрителю остается только гадать о ее прошлом и о подлинной природе ее характера.

С.М. Эйзенштейн, присутствовавший при съемках фильма в Голливуде [9, с. 239], связал загадочность образа с особой – вопросительной – интонацией. В этой связи он использовал термин «обратное общее место», употребленный И.С. Тургеневым по отношению к приему характеристики героя Ф.М. Достоевского. По сути, прием представляет построение от обратного, перевернутый трюизм, строящийся на чистом противоречии с привычным ожиданием (например, при опасности герой не бледнеет и не убегает, а краснеет и остается на месте). Тургенев пренебрежительно охарактеризовал этот прием как «дешевое средство прослыть оригинальным писателем» [8, с. 241]. Тем не менее к нему, по словам Эйзенштейна, нередко прибегают в кинематографе, в частности: «львиная доля “загадочности” Марлен Дитрих построена Штернбергом по принципу “обратного общего места”. В таких картинах, как, например, “Марокко”, вся загадочность ее фигуры строится на том простом приеме, что она все утвердительные реплики произносит... с вопросительной интонацией. “Вы уже обедали?” – и в ответ протяжное “Да-а...” с вопросительным знаком на конце. И публика сразу же предполагает невесть какую таинственную связь с целым сонмом загадочных мотивов. А налицо всего-навсего лишь ее “обратное общее место”» [8, с. 241].

Советский режиссер Г.В. Александров, также присутствовавший на съемках «Марокко», картины «из жизни колониальных войск», отмечал высокий уровень «системы съемки», что проявлялось как в мастерстве сотрудников съемочной группы в целом, так и в отличном техническом оснащении. Об актерах, занятых в картине, он отзывался с большим восхищением: «Какой типаж в Голливуде! Каждое лицо годно для большой роли». В работе режиссера Александрова поражало то, что тот не спешит со съемкой, уделяя большое внимание крупным планам [1, с. 98–99] (Прим. 7).

Крупный план Штернберг рассматривал не как технический прием, а как способ пластического проникновения в сознание героя, его внутренний мир; как возможность увидеть героя рядом, пристально взглянуть в него, заглянуть в его глаза; как повод обратить внимание на характерную деталь быта и заставить эту деталь говорить.

В фильме есть три сцены, имевшие потрясающее воздействие на публику. Первая – эпизод дебютного выступления Ами Джолли перед публикой в заведении «Лю Тинто». Певица выходит в мужском смокинге и шляпе, глубоко затягивается сигаретой, окутывая себя полупрозрачной завесой, и исполняет песню на французском «Куда исчезает любовь» («Quand l’amour meurt»). Затем она подходит к столику с гостями, принимает в дар бокал шампанского, выпивает его и просит у одной дамы цветок, получив который, целует ее в губы. Нужно согласиться с тем, что эта сцена может иметь разные интерпретации. Сам Штернберг вспоминал: «Чтобы задать правильные рамки ее образу, я решил использовать костюм, увиденный мною на певице в одном берлинском притоне, – фрак, цилиндр и все прочие аксессуары. <...> Я был уверен, что мужская одежда подчеркнет очарование этой сцены, но вовсе не стремился поставить лесбийский акцент. Из-за цензуры игра с сексуальными символами находилась под запретом. Мне хотелось показать, что чувственное возбуждение, исходящее от Дитрих, основывается не только на ее классической красоте. Принимая это решение, я и не предвидел, какой толчок развитию моды оно даст. Как только фильм вышел на экраны, многие женщины преисполнились мужества примерить на себя нижнюю часть мужского гардероба» [4, с. 273].

Вторая «ударная» сцена – эпизод в артистической уборной, где Ами Джолли соглашается на предложение Тома Брауна бежать с ним за границу. Сцена небольшая по продолжительности, но вызывающая у зрителей сильное эмоциональное *переживание*. Дитрих вспоминала, как настойчиво режиссер требовал от нее необходимой выразительности: «Я должна была пойти к двери, обернуться и сказать: “Подожди меня” – и уйти. Фон Штернберг сказал: “Иди к двери, обернись, сосчитай до десяти, скажи свою реплику и уходи”. Я так и сделала, но он очень рассердился. “Если ты так глупа, что не можешь медленно сосчитать до десяти, считай до двадцати пяти”. Мы снова и снова повторяли эту сцену. Я думаю, что повторяли ее раз сорок, и считала я уже до пятидесяти. Я не понимала, в чем здесь дело. Но на премьере “Марокко”, когда наступил момент моей паузы и слов: “Подожди меня”, зал вдруг разразился аплодисментами. Фон Штернберг знал, что зрители этого ждут, и он заставлял их ждать, им это нравилось» [4, с. 254].

И конечно, большое эмоциональное воздействие на публику имела заключительная сцена. Отряд легионеров уходит в пустыню, в их числе и Том Браун, а вслед за ними тянется «женский арьергард» с нехитрым скарбом и козами. Ами Джолли с отчаянием смотрит им вслед, затем подбегает к стоящему у роллс-ройса Ла Бессье, обнимает его, целует на прощание руку и бросается догонять ушедший отряд. Чтобы было удобнее идти по песку, она сбрасывает туфли на высоком каблуке (которые показаны отдельно крупным планом), и присоединяется к женщинам, «любящим своих мужчин» [16, р. 46]. Так, рациональной западной концепции любви противопоставлена любовь доверчивая, беспредельная и беззаветная, присущая женщинам, сопровождающим Иностранный легион. Думается, что в «Марокко» финальная сцена – акт окончательной победы бескорыстной любви – это есть катарсис, необходимое очищение, без которого нельзя завершить фильм.

Британский киновед Лаура Малви, исследующая кинематограф в аспекте психоанализа и феминизма, в статье «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» (1975) размышляла над практикой голливудского кинематографа и констатировала, что форма классического голливудского фильма обусловлена «бессознательным патриархального общества». По ее мнению, в кинематографе доминирует принцип «мужского взгляда», который проявляется как во внутренней организации самой кинокартины (построении нарратива), так и в специфике зрительского наслаждения (зрители как мужского, так и женского пола присваивают «мужской взгляд», идентифицируясь с героями-мужчинами). Однако она также отметила, что для Штернберга «первостепенное значение имеет изобразительное пространство кадра, а не процессы повествования или идентификации». Он создал из женского образа (Марлен Дитрих) «абсолютный фетиш»: «красота женщины как объекта и экранное пространство сливаются воедино; женщина превращается <...> в совершенный продукт, а ее тело, стилизованное и фрагментированное крупными планами, становится содержанием фильма и непосредственным адресатом зрительского взгляда» [14, р. 14]. В фильме «Марокко» «мужской взгляд», задаваемый главным мужским персонажем и опосредующий зрительский взгляд, явно не доминирует. Наивысшей точкой эмоциональной драмы является сцена, в которой мужской персонаж, избранник героини, отсутствует. Это как раз и есть финальная сцена фильма, его кульминационный момент, в течение которого зритель предается бескорыстному любованию красивого объекта желания (Прим. 8).

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

Название фильма как бы отсылает зрителя к североафриканской стране, но обманывает его ожидания на этнографическую тематику. Фильм «Марокко», хотя в Марокко и не снимался и практически не отражает особенности культурного быта страны, полностью вписывается в ассоциативный образ, сложившийся в западной культуре. Штернберг не уделяет особого внимания местному колориту, используя готовые шаблоны-представления о североафриканской стране – пески, восточные арки, восточный базар, ослы и т. п.

Режиссер настолько далеко отходит от романа, что его фильм трудно считать экранизацией книги; что, в частности, связано с голливудской концовкой, предполагающей

некий «хэппи энд» с воссоединением героев.

Поэтика кинокартины построена на таинственности и загадочности. О прошлом и будущем героев остается только гадать. В картине интересен не сюжет как таковой, но актерская игра. Интересно, что основным приемом в картине становится крупный план, фиксирующий перемену настроений или чувств героев, выделяющий какую-либо вещь, которая впоследствии обретает особое смысловое измерение.

Примечания

1. 14 ноября 1930 г. в «Китайском театре Граумана» в Лос-Анджелесе состоялась премьера фильма, после которой о Марлен Дитрих заговорили как о мировой звезде кинематографа.

2. Интересно отметить, что в берлинском издательстве А. Мёллер (Buchverlag A. Möller), специализировавшемся на выпуске эротической литературы, в анонсе опубликованных книг за 1929 г. значится роман «Проститутка из Касабланки» с краткой аннотацией «(Ами Джолли). Захватывающий роман о нравах из самого ада Марокко» (Die Dirne von Casablanca. (Amy Jolly.) Der packendste Sittenroman aus der Hölle Marokkos) [15, S. 822].

3. Как тут не вспомнить песню Эдит Пиаф «Мой легионер» (*Mon légionnaire*), написанную в 1936 г. Раймоном Ассо и Маргерит Монно и основанную на фактах из биографии самой певицы; см. историю написания песни и ее перевод в книге об Эдит Пиаф Н.П. Кончаловской [5, с. 18–21].

4. В 1932 г. Марлен Дитрих получила из марокканского города Агадир письмо, подписанное именем Ами Джолли. В нем сообщалось, что автор письма является главной героиней книги Бенно Виньи и ее экранизации; Виньи обещал разделить с ней гонорар, но не сдержал своего обещания. Незнакомая также упомянула, что содержит «семейный пансион» и остро нуждается в деньгах. Марлен Дитрих выслала на адрес Ами Джолли большую сумму денег и попросила своего знакомого писателя, находившегося в Марокко, навести справки. Оказалось, что Ами Джолли существовала в реальности, но содержала бордель с малолетними девочками для легионеров и марокканских военных [10, p. 133; 13].

5. В Германии фильм шел под названием «Объятые пламенем сердца» (*Herzen in Flammen*).

6. Хотя говорить о случайности выбора именно Могадора в качестве места действия фильма, может быть, тоже не совсем верно. Джозеф (или Йозеф) фон Штернберг родился в ассимилированной семье австрийских евреев, со временем перебравшейся в Америку. Тем не менее связи с немецкоязычной культурой Штернберг полностью никогда не терял, о чем свидетельствует приглашение его Эмилем Яннингсом в Берлин в качестве режиссера «Голубого ангела» – известной экранизации романа Генриха Манна «Профессор Гнус» (*Professor Unrat*, 1905). Вполне возможно, что Могадор навеян литературными ассоциациями. Например, режиссер мог вспомнить «восточные» сказки Вильгельма Гауфа; а именно сказку «Абнер, еврей, который ничего не видел» (*Abner, der Jude, der nichts gesehen hat*, 1826), начинающуюся словами: «*Herr, ich bin aus Mogador am Strande des großen Meers... / Господин, я из Могадора, на берегу большого моря...*». Название города также могло запомниться ему в подростковом возрасте по газетным сообщениям, информировавшим о попытках Германского рейха в довоенное время заполучить в колониальное владение часть территории Марокко, в особенности портовые города Агадир и Могадор.

7. Советскую актрису Любовь Орлову нередко сравнивают с Марлен Дитрих. Так, театровед и критик В.Я. Вульф замечает, что режиссер Александров, второй муж Орловой, «слепил ее именно по образцу Марлен Дитрих. Скажем, в “Веселых ребятах” у нее был знаменитый цилиндр – и только в конце 1960-х годов стало ясно, что это тот самый цилиндр, в каком выступала Марлен Дитрих в “Голубом ангеле”. В “Цирке” Орлова снимает свой черный парик и остается блондинкой – у нее половина головы черная, а половина

платиновая, – это тоже кадр из фильма Марлен. Но советский зритель не знал, кто такая Марлен Дитрих. Очень узкий круг людей, в том числе людей искусства, видели западные фильмы, когда их для избранных показывали в Управлении кинематографии в Гнездиновском переулке. Страна этого не знала. Страна любила Орлову» [3, с. 286].

8. Имеющийся русский перевод статьи Лауры Малви представляется не совсем удачным [7].

Список литературы

1. *Александров Г.* Моя жена Любовь Орлова. Переписка на лезвии ножа. М.: Алгоритм, 2014. 304 с.
2. *Виньи Б.* Ами Джолли / Пер. с нем. М.А. Зельдович. Харьков: Пролетарий, 1928. 174 с.
3. *Вульф В.Я.* Серебряный шар: Преодоление себя. Драммы за сценой. М.: Олма-Пресс: Авантитул, 2003. 415 с.
4. *Дитрих М.* Азбука моей жизни / Пер. М. Кристалинской и Г. Красновой; предисл. и примеч. Г.В. Красновой. М.: Вагриус, 1997. 382 с.
5. *Кончаловская Н.П.* Песня, собранная в кулак. М.: Московский рабочий, 1965. 102 с.
6. *Локс К.* Рец. на кн.: Бено Виньи. Ами Джолли / Пер. с нем. М. А. Зельдович // Печать и революция. 1928. №8. С. 215.
7. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф / Пер. А. Усмановой // Антология гендерной теории / Сост., коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: Прописи, 2000. С. 280–296.
8. *Эйзенштейн С.М.* Избранные произведения: В 6 т. Т. 3: Теоретические исследования (1945–1948). М.: Искусство, 1964. 703 с.
9. *Эйзенштейн С.М.* Мемуары: В 2 т. Т. 1: Wie sag' ich's meinem Kinde?! / Сост., предисл. и коммент. Н.И. Клейман; подгот. текста В.П. Коршунова, Н.И. Клейман. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997. 431 с.
10. *Baxter J. Von Sternberg.* Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2010. 310 p.
11. Benno Vigny. Amy Jolly, die Frau aus Marrakesch // Der Querschnitt. 1927. Bd. 7. H. 6. [o. S.]
12. Der Dichter moderner Frauentypen [zwei Romane von Benno Vigny] // Der Querschnitt. 1927. Bd. 7. H. 12. [o. S.]
13. Filmmuseum Berlin – Deutsche Kinemathek. Newsletter №19. December, 15th 2000. 4 p. URL: <https://www.marlene.com/newsletter/news19.pdf>
14. *Mulvey L.* Visual Pleasure and Narrative Cinema // Screen. 1975. Vol. 16, №3. P. 6–18.
15. Meisterwerke erotischer Weltliteratur // Jugend. 1929. №51. S. 822.
16. Morocco, and Shanghai Express: two films by Josef von Sternberg / Intr. by Andrew Sarris. New York: Simon and Schuster, 1973. 136 p.
17. *Sch. B.* Benno Vigny. Amy Jolly, die Frau aus Marrakesch // Der Querschnitt. 1927. Bd. 7. H. 9. S. 704.
18. *Slavin D.* Colonial Cinema and Imperial France, 1919–1939. White Blind Spots, Male Fantasies, Settler Myths. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2001. 320 p.
19. The Legionnaire and the Lady: With Marlene Dietrich and Clark Gable [Lux Radio Theatre, June 1, 1936]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EFT7WYdNrUg>
20. *Vigny B.* Amy Jolly, die Frau aus Marrakesch. Berlin-Friedenau: Weltbücher-Verlag, 1927. 245 S.

УДК 792(52+47)“193”

**ТЕАТРАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЭКИ
САНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Лобков А.Е.

кандидат филологических наук, доцент

Кострова М.А.

кандидат филологических наук

**SEKI SANO'S THEATRICAL AND CULTURAL PROPAGANDA ACTIVITIES IN THE
SOVIET UNION IN THE 30S OF THE 20TH CENTURY**

Aleksandr E. Lobkov

Maria A. Kostrova

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена деятельности Сэки Сано во время его пребывания в Советском Союзе в 1930-х годах. Актер и режиссер С. Сано внес заметный вклад в создание японского революционного театра во второй половине 20-х гг. и в реформирование мексиканского и колумбийского театра в 40–60-х гг. Для истории отечественной культуры особый интерес представляет его деятельность как культурного посредника между Россией и Японией. С. Сано был активным сторонником советской идеи создания единой культуры, социалистической по содержанию, национальной по форме. От Союза японских пролетарских театров он входил в состав секретариата Международного объединения революционных театров, находившегося в Москве, и активно участвовал в ведении политической и культурно-просветительской работы советской пропагандистской системы, давая надлежащую оценку современным событиям в «милитаристской» Японии. С. Сано также являлся сотрудником Научно-исследовательской лаборатории при Государственном театре имени Вс. Мейерхольда, занимавшейся теоретической систематизацией театральных постановок Мейерхольда.

Ключевые слова: Сэки Сано, Ёси Хидзиката, Мейерхольд, Япония, СССР, международные театральные связи, пролетарский театр, Международное объединение революционных театров.

ABSTRACT. This article focuses on Seki Sano's activities during his sojourn in the Soviet Union in the 1930s. Seki Sano, an actor and a stage director, played a great role in the development of Japanese revolutionary theatre in the second half of the 1920s and in reforming Mexican and Colombian theatre in the 1940–1960s. For Russian cultural history a major interest can be seen in his activity as a cultural mediator between Russia and Japan. S. Sano was an active partisan of the Soviet idea that aimed at creating a world culture which would be Socialistic in its contents and national in its form. He represented the Union of Japanese Proletarian Theatres in the secretariat of the International Union of Revolutionary Theatres stationed in Moscow, and took a most active part in the political, cultural and educational work of the Soviet propaganda system, being in charge of the proper assessment of the events in the contemporary “militaristic” Japan. S. Sano was also an employee of the Scientific Research Laboratory at the State Theatre named after Vsevolod Meyerhold. The Laboratory's objective was the theoretical systematization of Meyerhold's stage productions.

Keywords: Seki Sano, Yoshi Hijikata, Meyerhold, Japan, Soviet Union, international theatrical connections, proletarian theatre, International Union of Revolutionary Theatres.

Вторую половину 1920-х гг. характеризует кратковременное потепление в отношениях между Японией и Советской Россией. Признание Японией Советского Союза в 1925 г. привело к официальному возобновлению дипломатических и экономических связей и

отношений по культурной линии. Плодами такого культурного обмена стали выставки советского искусства в Японии и гастроли японского театра кабуки в СССР в 1928 г.

Резкими изменениями традиционных представлений во многом объясняется всплеск переводов советских писателей на японский язык. В те годы в Японии проходило активное становление «пурорэтэрия бунгаку» («пролетарская литература»), примером для которой служили произведения молодой советской литературы, находящейся в авангардных поисках нового слова для передачи революционного характера эпохи. В частности, об огромном влиянии русской и советской литературы на японскую в своих статьях в то время писали японский поэт и драматург У. Акита [1], переводчик К. Осэ [23], отечественные японоведы Д.М. Позднеев [25] и Н.И. Конрад [21].

Представители русского искусства воспринимали себя прямыми продолжателями дела русской революции: именно через язык искусства осуществлялся «экспорт» настроений русской революции в другие страны, в том числе и в Японию. Японские власти не могли не замечать влияния революционного языка на рабочие массы, поэтому уже к началу 1930-х гг. были приняты жесткие репрессивные меры в отношении страстных пропагандистов пролетарской культуры, а после вторжения Японии в Маньчжурию в 1931 г. наметившаяся оттепель резко перешла в открытую подготовку к войне.

Одним из важных культурных посредников между Японией и Советской Россией был Сэки Сано, чью деятельность в области театра можно назвать, выражаясь словами В.И. Ленина, «деятельностью профессионального революционера», поскольку только ей он подчинил все свое творчество и всю свою жизнь. Как режиссер он известен рядом постановок в Японии и Мексике. В биографических справках принято говорить о нем и как об актере, хотя про актерскую деятельность С. Сано, не считая упоминания о том, что в 1925–1927 гг. он участвовал в нескольких театральных постановках, ничего не известно.

Сам факт его длительного пребывания в СССР освещен в достаточной степени. О С. Сано обычно вспоминают в связи с Мейерхольдом. Его имя нередко встречается в воспоминаниях современников, входивших в мейерхольдовское окружение. Деятельность С. Сано в Государственном театре имени Вс. Мейерхольда (ГосТИМ) рассмотрена в нескольких статьях Ито Масару, опиравшегося на неизвестные материалы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Музея Бахрушина и Театрального музея им. С. Цубоути [14; 15; 16; 17].

При этом практически неисследованной остается деятельность С. Сано в секретариате Международного объединения революционных театров (МОРТ) и его публицистическая активность в период проживания в Москве. В справочнике «Библиография Японии» содержатся указания всего на 8 статей С. Сано [3]. Однако их было значительно больше. Всего на данный момент удалось выявить 26 статей. Они и послужили основным материалом для реконструкции информационно-пропагандистской работы С. Сано в Советском Союзе в 30-х гг.

С. Сано (1905–1966) родился в богатой и влиятельной семье. Его отец Тората Сано был известным врачом. Дед Симпэй Гото являлся крупным государственным деятелем, выступавшим за нормализацию отношений с Россией, а дядя Гаку Сано – одним из создателей и крупных функционеров Коммунистической партии Японии.

С. Сано учился в лучших школах, а в 1925 г. поступил на юридический факультет Токийского императорского университета. Уже в школьные годы он начал увлекаться театром [60, с. 65]. Выросший в культурной и свободомыслящей европейски настроенной семье, он внимательно следил за процессами обновления театрального языка в Европе и за постановками современных европейских и русских авторов на японской сцене.

Он был одним из тех «революционных интеллигентов», которые в 1926 г. создали передвижной театр «Театр в чемодане» («Торанку гэкидзё») с целью поддержать бастующих печатников компании «Кёдо инсацу». Первоначально труппа состояла из 10 человек, а свое название театр «получил оттого, что все его несложное оборудование без труда укладывалось в чемодан, который можно было свободно переносить с места на

место» [34, с. 15]. Благодаря мобильности актеры могли ставить агитационные пьесы для забастовщиков практически где угодно. Но и после окончания забастовки «Театр в чемодане» оказался задействован «в целом ряде политических и экономических кампаний» и стал «выступать в качестве специальной и хорошо квалифицированной агитпропгруппы» [34, с. 15].

В конце 1926 г. «Театр в чемодане» преобразовался в более профессиональный революционный театр «Авангард» («Дзэнъэйдза»), эмблемой которого стала красная звезда. Именно труппе театра «Авангард» принадлежит заслуга инсценировки первой советской драмы на японской сцене – пьесы А. В. Луначарского «Освобожденный Дон-Кихот». Пьеса в постановке С. Сано шла с 6 по 8 декабря 1926 г. на сцене «Малого театра Цукидзи» («Цукидзи сэгэкидзё»). Г. Гаузнер, находившийся в 1927 г. в длительной поездке по Японии от театра Мейерхольда, писал: «спектакль, снабженный злободневными вставками, имел у рабочей аудитории большой успех. Зрители ставили спектакль в связь с недавней забастовкой на одном большом заводе и открыто наделяли актеров именами героев и предателей этой забастовки» [7, с. 8]. О пролеткультовском, в первую очередь идеологическом, понимании театра Мейерхольда режиссерами и актерами «Авангарда» см. также главу «Зенгей-за» в книге Г. Гаузнера «Невиданная Япония» [8, с. 62–72].

В марте 1928 г. театр «Авангард», объединившись с рядом других революционных театральных трупп, был преобразован в «Левый театр» («Саёку гэкидзё»). Просуществовавший до 1934 г., «Левый театр» стал ядром организованного в 1929 г. Союза японских пролетарских театров (ПРОТ), куда вошли около 20 профессиональных театров. В «Левом театре» С. Сано в качестве режиссера поставил множество пьес, в том числе, в 1929 г., пьесу «Дзэнсэн» («По всей линии») Т. Мураяма («сюжет – крупная стачка китайских железнодорожников на линии Пекин – Ханькоу в 1923 г.»). В 1931 г. он поставил инсценировку романа «На Западном фронте без перемен» Э.М. Ремарка в переработке Т. Мураяма, а также, в сотрудничестве с режиссерами Сугимото и Саиго, пьесу «Звено в цепи побед» Т. Мураяма («о героической борьбе шанхайского пролетариата в день 1 мая 1930 г.»).

Интересно отметить, что вместе с С. Сано у истоков театров «Авангард» и «Левый театр» стоял режиссер Рёкити Сугимото (настоящее имя Ёсимаса Ёсида, 1907–1939). Он был также переводчиком современной советской литературы (Б. Лавренева, В. Бахметьева, Н. Островского, В. Киршона, М. Горького).

Одновременно и соратником, и главным конкурентом «Левого театра» среди революционных театральных трупп, где социальные задачи явно доминировали над художественными, стал «Новый театр Цукидзи» («Синцукидзи гэкидан»). Его организовал Ёси Хидзиката (1898–1959) – один из главных реформаторов японского традиционного театра, известный своими постановками русских авторов. Случилось это после распада труппы «Малого театра Цукидзи», произошедшего в 1929 г. во многом по причине расхождения взглядов основателей театра – Ёси Хидзикаты и Осанаи Каору (1881–1928) – на театральную практику: постановки Осанаи создавались в духе Станиславского, а постановки Хидзикаты отвечали манере Мейерхольда [8]. В репертуаре «Малого театра Цукидзи» преобладали пьесы современных европейских и русских авторов, а пьесы в «Новом театре Цукидзи» отличались открыто революционной направленностью [54], [10]. Примечательно, что, характеризуя японский левый театр 1920–30-х гг., современная отечественная исследовательница упоминает Хидзикату, но ни слова ни говорит о С. Сано, что, вероятно, связано с недооценкой ею масштаба деятельности последнего [2].

В воспоминаниях Л.Л. Жуковой, в конце 20-х гг. жившей вместе с мужем-японистом Д.П. Жуковым в Токио, говорится и о С. Сано – «очкастом сверх-интеллектуале, очень умном и очень богатом», дружившем со многими представителями советского полпредства. В частности, она пишет: «Вместе с впоследствии известным режиссером Иоси Хидзиката и литератором и переводчиком Рекичи Сугимото, Сэки организовал “левый” театр “Сайоки Гекидзе”. Они все были романтики и отдавали этому театру и все свои силы, и все свои

деньги, и все свое имущество. На сцене театра было мрачно, актеры изображали рабочих в коротких куртках. Они вздымали кулаки в проклятиях и угрозах, что-то во всем этом было от ТРАМ'а, от наших агит-театров с их исступленной “революционностью”. Кончилась эта революционность тем, что Сэки угодил в тюрьму. Доктору Сано было предложено внести за сына пятнадцать тысяч ийен. И Сэки выпустили на поруки и предложили немедленно убраться из страны. Бедненький, он вынужден был уехать... в Париж!» [11, с. 207–208].

Любые воспоминания, написанные спустя многие десятилетия, таят в себе множество неточностей. Они носят субъективный характер, реальные события в них зачастую приукрашены и переосмыслены, они подвержены ретроспективной оценочности, во многом зависящей от настроения и отношения вспоминающего к событиям к прошлому, порою очень далекому. Тем не менее Л.Л. Жукова верно подмечает «романтизм» театральной деятельности Ё. Хидзиката и С. Сано. Действительно, для них характерна чудесная вера в марксистское преображение японского традиционного общества, связываемого ими, в духе пролеткульта, с промышленным рабочим классом. Следствием этого стало чрезмерно социологическое понимание реализма политического театра. С. Сано писал, что главная задача «Левого театра» заключается в том, чтобы служить «классовым оружием японских масс в их борьбе за власть» [67, р. 836]. Актеры, работники сцены, режиссеры и авторы пьес не получали оплаты за свою деятельность, а все сборы направлялись на поддержку ПРОТ. Ориентация на «пролетарские массы», рабочую аудиторию, в значительной мере определяла и сценический язык постановок, создаваемых исключительно на современные темы, где социальный пафос и общественный смысл явно доминировали над художественными достоинствами.

Большое влияние на «Левый театр», по признанию С. Сано, оказала театральная практика театра Мейерхольда и Театра имени Московского областного совета профессиональных союзов (МОСПС), способствовавшая выработке на сцене «пролетарского реализма», «мы не придерживаемся определенной формы или определенного стиля выражения. Напротив, мы прибегаем к любому доступному нам методу, с помощью которого можно донести до зрителей-пролетариев все тонкости революционного содержания». Поэтому для достижения целей тех или иных пьес актеры использовали различные методы, «порой придерживаясь традиций театра Кабуки, иногда применяя систему эвритмики Далькроза, а иногда даже вводя приемы западной риторики» [67, р. 836; 69].

20 мая 1930 г. С. Сано был арестован за активное участие в поддержку японской компартии, но через месяц его отпустили на поруки семьи, под строгий полицейский надзор [60, с. 66]. Опасаясь повторного ареста, в мае 1931 г. С. Сано был вынужден уехать из Японии. Сначала он отправился в США, где, в Нью-Йорке, познакомился с современными театральными постановками, а затем, через Францию, в начале осени 1931 г. прибыл в Германию.

В это время в Берлине находился японский режиссер Кунио Ито (более известный под псевдонимом Сэнда Корэя), представлявший ПРОТ в различных организациях международного революционного движения, в том числе и в Международном объединении революционных писателей (МОРП) и Международном рабочем театральном объединении (МРТО), чуть позже переименованном в МОРТ. Истории МОРПа посвящен отдельный том «Литературного наследства», где есть и статья К. Рехо «МОРП и пролетарское литературное движение в Японии» [12, с. 507–538]. История МОРТ еще ждет своего вдумчивого исследователя, благо что фонды архива Коминтерна оцифрованы и доступны.

К. Ито сразу привлек С. Сано к активной деятельности [20]. В Берлине они организовали «Китайско-японскую агит-проп группу», которая поставила пьесу Сэйкити Фудзимори (1892–1977) «Помогите китайским братьям». В октябре-ноябре 1931 г. постановка демонстрировалась на сценах рабочих клубов Берлина, пока не была запрещена властями.

С. Сано также стал одним из организаторов «Революционной японской группы в

Берлине». В ноябре 1931 г. он вместе с К. Ито совершил кратковременную поездку в Москву, где лично познакомился с деятелями МОРТа и театральной жизнью Москвы. В конце 1931 г. в США и в СССР вышли статьи С. Сано, посвященные современному японскому пролетарскому театру – «Токийский “Левый театр” и его связь с японской сценой» (The Tokyo Left Theatre and its Relation to the Japanese Stage) [67] и «Революционный театр в фашистской Японии» [29]. Обе статьи богато проиллюстрированы многочисленными фотоснимками, что, несомненно, является фактом, подтверждающим достоверность той масштабной деятельности пролетарского японского театра, о котором говорили его представители за рубежом.

В ноябре 1931 г. К. Ито вернулся на родину, а С. Сано стал его приемником, обретя официальный статус «европейского представителя Союза японских пролетарских театров» [19]. В 1932 г. С. Сано вошел в секретариат МОРТ от Японии. Печатным органом МОРТ был «Интернациональный театр. Бюллетень Интернациональной олимпиады революционных самодеятельных театров», членом редколлегии которого стал японский режиссер.

Кроме того, С. Сано координировал подготовку японских театральных объединений, входящих в ПРОТ, к участию в Интернациональной рабочей театральной олимпиаде, запланированной на октябрь 1932 г. [26]. Однако театральные труппы в разных странах, в том числе и в Японии [30], столкнулись с рядом трудностей, поэтому олимпиада была перенесена на весну 1933 г.

Осенью 1932 г. С. Сано переехал в Москву. Местом его работы стало небольшое бюро МОРТа, находившееся в здании Петровского пассажа. Как представитель МОРТа С. Сано принимал участие в самых разных мероприятиях.

К примеру, в Москве в дни празднования 15-летия Октябрьской революции (с 9 по 14 ноября 1932 г.) прошел второй расширенный пленум президиума МОРТ, организации, объединяющей «все слои левой художественной интеллигенции, работающей в области театра и использующей театр как могучее средство классовой борьбы и революционной пропаганды» [57]. Именно С. Сано был избран в президиум пленума от Японии.

В докладе генсека МОРТа Г. Диаманта отмечалось, что революционная театральная организация в Японии является «одной из сильнейших», «насчитывает 250 театральных агитпропгруппы и 30 самодеятельных рабочих и крестьянских кружков». Кроме того, помимо театральной деятельности, члены объединения активно участвовали в политических кампаниях: «ПРОТ провела кампанию трех “Л” (Ленин, Либкнехт, Люксембург), обслужила своим выступлением международный женский день» [59, с. 1].

С. Сано выступил сразу после доклада Диаманта, что свидетельствует о пристальном внимании деятелей мирового революционного движения к политическим и культурным процессам в Японии, в которых многие усматривали все признаки складывающейся революционной ситуации. Доклад С. Сано «О профессиональном и самодеятельном театре» был посвящен истории становления пролетарского театра в Японии и современному положению ПРОТ, объединяющего революционные профессиональные и любительские театральные организации [22]. Часть текста была опубликована под названием «Японский революционный театр» [31]. В переработанном виде доклад вышел в виде статьи с иллюстративным рядом под названием «Сплоченными рядами. О сотрудничестве революционных профессиональных и самодеятельных театров Японии» [34].

В период с 26 по 30 мая 1933 г в Москве прошла также Международная олимпиада самодеятельных революционных театров; об интенсивности подготовки к ней свидетельствует архив Коминтерна [20]. С. Сано был одним из членов международного жюри и «бригадиром» второй бригады жюри (в состав которой входили Т. Томас, Бухвальд, Афиногенов, Третьяков, Голубов, Гвоздев, Стрельцов, Браудо), прикрепленной к агитпроптруппам и рабочим театрам из Англии, Голландии, Дании и Норвегии.

27 апреля 1934 г. С. Сано выступил с докладом «Театр современной Японии» на мероприятии, организованном Всероссийским театральным обществом (ВТО) совместно с

МОРТ в зале клуба Внешторга [6].

Кроме того, с 15 по 25 апреля 1935 г. он принимал участие в организации и проведении интернациональной декады МОРТ в СССР, призванной проинформировать о достижениях интернационального революционного искусства [13.].

Вслед за С. Сано в СССР в апреле 1933 г. переехал и Ёси Хидзиката, имя которого можно было заставить работать на авторитет международных организаций, призванных способствовать распространению социалистических идей. Также как и С. Сано Ё. Хидзиката принимал участие в работе жюри театральной олимпиады. В дальнейшем их имена в публичном дискурсе, как правило, упоминаются вместе.

Сано и Хидзиката приняли участие в работе Первого съезда советских писателей, проходившем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 г. Там был выработан устав Союза писателей СССР и обозначены основные принципы социалистического реализма, объявленного основным методом советской литературы. В качестве председателя Союза японских пролетарских театров Хидзиката выступил с речью, опубликованной в центральных газетах «Правда» и «Известия» [61, с. 5], [62, с. 6]. В ней он отметил сильное влияние молодой советской литературы на японских революционных писателей, которые смело, несмотря на жестокие репрессии, идут «по пути создания советской Японии». Речь Хидзикаты на русский язык переводил С. Сано [24, с. 477–479]. Выступление Хидзикаты на съезде писателей вызвало резкую реакцию японских властей – исключение из числа пэров и приказ об аресте по возвращении на родину. Естественно, за этим последовала волна поддержки со стороны «прогрессивной» мировой общественности, что сделало Ё. Хидзикату, а вместе с ним и С. Сано, символическими фигурами, представляющими угнетаемое пролетарское искусство Японии.

Их статьи были приурочены к различным знаменательным событиям. Так, к 17-й годовщине Рабоче-крестьянской красной армии в «Литературной газете» рядом напечатаны две статьи под громкими заголовками – И. Хидзиката «Мы горды тем, что ты живешь в СССР» [65] и с С. Сано «Отечество мирового пролетариата» [40]. Их имена стоят рядом в некрологах на смерть А. Барбюса [4] и М. Горького [58]. Вместе они участвовали и в культурных мероприятиях: 4 апреля 1934 г. прошел вечер японского искусства, в программе которого значились «выступления гг. Секи-Сано, Хиджи-Като, Вс. Вишневого, В. Шнейдерова и демонстрация новейшей японской музыки (граммпластинки)» [5].

Совместно Сано и Хидзиката опубликовали две статьи «Театральное движение Японии и советский театр» [38] и «Японская литература в руках военщины» [63; 64]. Они работали и над переводами на японский язык программных статей деятелей мировой и советской общественности. Известно и об их деятельности на радио – в одной из радиопостановок они разыграли диалог двух самураев из «Хэйкэ-моногатари» [55].

При всем внимании к ним со стороны общественности их материальное положение оставалось довольно стесненным. Для семей С. Сано и Ё. Хидзикаты выделили одну трехкомнатную квартиру в новом доме на Земляном валу [55].

Помимо работы в бюро МОРТа они формально числились помощниками режиссеров – Хидзиката в Театре Революции, а Сано в ГосТИМе, но до самостоятельных постановок их не допускали. Известно, что они внимательно изучали опыт различных московских театров и даже консультировали молодого режиссера И.М. Туманова, решившего в 1934 г. инсценировать пьесу «На острове Хондо» В.Д. Пушкина в Московском рабочем художественном театре (премьера – 28 марта 1935 г.) [55; 27].

Далеко не последнее место в московский период жизни С. Сано занимала публицистика, затрагивающая разные сферы современного искусства Японии. При этом режиссер выступал страстным пропагандистом и защитником новой советской социалистической культуры.

Он много писал об истории революционного театра в Японии и о постановках двух главных левых театральных трупп – «Нового театра Цукидзи» и «Левого театра» [31; 32; 33; 38].

Большой пласт статей С. Сано связан с разоблачением пропаганды японского милитаризма и фашизма в современной литературе, театре, кинематографе и музыке Японии [35; 36; 37; 39; 42; 43; 44; 48; 49; 63].

С. Сано публиковал и рецензии на книги революционных и антивоенных авторов: на сборник «Тюрьма» (1933) Кэнсаку Симаги, содержащий рассказы из жизни японских политзаключенных [45], на русское издание романа Наканиси Иносукэ «Манчжурия», вышедшем в 1936 г. в переводе Н. Глебова и А. Успенской [46; 47].

Более того, С. Сано привлекался к работе в энциклопедических изданиях. В Большой советской энциклопедии в 1935 г. за авторством С. Сано была размещена статья о Ё. Хидзикате [41]. В статье С. Сано курсивом выделено имя соучредителя Хидзикаты «Малого театра Цукидзи», «японского Станиславского», К. Осанаи. Но поскольку том 43 БСЭ вышел только в 1939 г., уже после отъезда Сано из СССР, то статья об Осани, очевидно, была исключена.

С. Сано подготовил также статьи о Сакка-Доомей (Союзе пролетарских писателей в Японии) и о японских писателях Кэнсаку Симаги и Тосон Симадаки для 10 тома «Литературной энциклопедии» в 1937 г. Этот том не был опубликован по цензурным соображениям. Сохранившаяся верстка была издана репринтным способом в Мюнхене лишь в 1991 г. [50; 51; 52].

Помимо работы в секретариате МОРТа и публицистической деятельности, рассказывавшей о достижениях японского пролетарского театра и обличавшей японский милитаризм и фашизм, С. Сано с 1934 г. работал в ГосТИМе. Его имя нередко встречается в воспоминаниях современников, входивших в мейерхольдовское окружение.

К режиссерской работе С. Сано не привлекался, он был сотрудником театральной Научно-исследовательской лаборатории, занимавшейся теоретической систематизацией театральных постановок Мейерхольда, а также его размышлений над театральной практикой. Более подробно деятельность С. Сано в театре Мейерхольда рассматривает Масару Ито в ряде своих статей [14; 15; 16; 17]. В обязанности С. Сано входило записывание распоряжений режиссера, фиксация хода репетиционной работы и реакции зрительного зала на отдельные сцены постановки, составление картотеки актеров, экспериментальная работа по записи речи и движений актеров. Кроме того, как свидетельствуют архивные документы, С. Сано пытался «выяснить некоторые элементы родственности театра Вс. Мейерхольда с японским театром, выражающейся в их основной творческой установке, сценическом устройстве, а также отдельных театральных приемах» [14, с. 59]. При этом в РГАЛИ сохранился развернутый план сопоставительного исследования: «Творческий метод: Реалистический подход к действительности. Внедрение в действительность и “отход” от действительности. Борьба с бытовизмом, борьба за сценическую правду, за максимальную сценическую выразительность. Путь создания подлинно-реалистического театра, на основе условных приемов, свойственных театру. “Душа игры” в Японском театре и “смысл игры” у Мейерхольда. Театр Мейерхольда и Японский театр как “театры актера”. Предел реализма Кабуки и театр Мейерхольда как театр социалистического реализма. Отдельные элементы родственности: а/ Мейерхольдовские лестницы и “цветочная дорога” как одно из средств максимальной сценической выразительности. б/ Выход актера на сцену, уход актера со сцены и игра на “цветочной дороге”. в/ Общение со зрительным залом. г/ Наличие занавеса в театре Кабуки и отсутствие его в театре Мейерхольда. Борьба против натуралистического использования занавеса в обоих театрах. д/ Игра с вещами. е/ Театр Мейерхольда и театр Кабуки как музыкальные театры. Музыка в театре. Музыкально-ритмическое построение спектакля. ж/ Проблемы сценического игрового театра» [14, с. 62].

Отказ советских властей от идеи «мировой революции» и принятие курса на построение социализма в одной стране привели к сворачиванию международной деятельности. В 1937 г. Сэки Сано и Ёси Хидзиката было отказано в продлении визы, в августе они покинули СССР. Прибыв в Париж, С. Сано присоединился к бывшим соратникам по МОРТу в антифашистской деятельности. Через год, с большим трудом

получив визу, С. Сано уехал в Нью-Йорк. Здесь он продолжил общественную деятельность. Например, известно, что С. Сано участвовал в публичной дискуссии на тему «Статус политических узников в современном мире» [66]. Однако полугодовое разрешение на пребывание в США тоже не было продлено, и С. Сано в апреле 1939 г. перебрался в Мексику. В его жизни начался новый, латиноамериканский период, связанный с практической театральной деятельностью и созданием собственной театральной школы [68].

Однако после отъезда С. Сано из СССР, имени его не забыли. В журнале «Работница» в 1939 г. был опубликован перевод статьи С. Сано «Японский народ не может остаться слепым» (*My people cannot forever be blinded*), написанной в ноябре 1938 г. для журнала «Чайна тудей», выходившем на английском языке в Нью-Йорке [53].

В том же 1939 г. арестованный Мейерхольд в своих показаниях неожиданно заявил, что являлся агентом японской разведки: «А завербовал меня Секи Сано, который работал в моем театре в качестве режиссера-стажера с 1933 по 1937 год» [56, с. 242]. Из приложенной к делу Мейерхольда справки о С. Сано явствует, что органы госбезопасности внимательно следили за ним все годы его пребывания в СССР, но «никаких данных о принадлежности к разведорганам» установлено не было. При этом в одном из донесений был приведен образец критических высказываний (которые, очевидно, С. Сано позволял себе в частных беседах) о том, «что в театре Мейерхольда подвизается различная дрянь, театром командует жена Мейерхольда, которая на репетициях подрывает авторитет Мейерхольда. В театр принимаются плохие кадры, а хорошие выживаются. Секи Сано удивлялся, как могут быть такие порядки в советском театре» [56, с. 242].

Возможно, японский след в деле Мейерхольда возник с арестом Р. Сугимото, товарища С. Сано по театральной работе в левых театрах Японии, и актрисы Ёсико Окада, в январе 1938 г. нелегально перешедшим советско-японскую границу. Под пытками у Сугимото выбили признание, что он японский шпион, направлявшийся на встречу с агентами японской разведки Мейерхольдом и С. Сано. В сентябре 1939 г. Сугимото расстреляли.

Удивительно, но репрессии обошли стороной оставшуюся на родине русскую жену С. Сано – актрису Галину Борисову [11, с. 208–210].

Интерес к японскому режиссеру в СССР возродился после публикации в 1963 г. в «Советской культуре» записи беседы мексиканского драматурга Эмилио Карбалльдо с Сэки Сано о Станиславском [18]. Эта статья повлияла и на воспоминания современников о режиссере [9; 11; 28].

Пребывание в Европе, несомненно, способствовало расширению культурного кругозора С. Сано. У него возник большой круг знакомств, в который вошли писатели, театральные режиссеры и актеры, имена которых определяли лицо культуры той эпохи – Э. Пискатор, Б. Брехт, Л. Ренн, К. С. Станиславский, В.Э. Мейерхольд, Э. Гарин, И. Ильинский и многие другие.

Если начальный период режиссерской деятельности С. Сано явно укладывался в идеологические требования пролеткульта, связывавшего строительство новой пролетарской культуры исключительно с индустриальным пролетариатом как выразителем пролетарской идеологии в ее чистом виде, то непосредственное знакомство в 1930-е гг. с экспериментальными постановками западно-европейского и советского театров привели его к работе по формированию революционного театра, интернационального по содержанию и национального по форме. Также в целом следует признать, что обличительный пафос публицистической деятельности С. Сано характерен для определенного этапа развития советского общества.

В заключение хочется сказать, что исследованию московского периода деятельности С. Сано далеко до завершения. Материалы о С. Сано в отечественных и зарубежных архивохранилищах, конечно, еще не изучены в полной мере. Отдельного исследования заслуживает деятельность С. Сано как сотрудника МОРТа по материалам архива Коминтерна. Выявленная публицистика японского театрального деятеля также не может

претендовать на исчерпанность. Особого изучения требует специфика усвоения С. Сано опыта театральных систем Станиславского и Мейерхольда и его преломления в собственной театральной практике во время работы в Мексике.

Список источников и литературы

1. *Акита У.* Несколько слов о японской литературе // Информационный бюллетень Всесоюзного общества кулътсвязи с заграницей. 25 ноября 1927. №46–47. С. 11–12.
2. *Анарина Н.Г.* Японский левый театр 20–30-х годов XX в. // Япония 2003–2004. Ежегодник. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 174–189.
3. Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. М.: Изд. Восточной литературы, 1960. 328 с.
4. Великий друг СССР [На смерть Анри Барбюса] // Вечерняя Москва. 1 сентября 1935. №201. С. 3.
5. Вечер, посвященный японскому искусству // Вечерняя Москва. 3 апреля 1934. №77. С. 3.
6. Всероссийское театральное общество [Анонсы мероприятий] // Литературная газета. 26 апреля 1934. №52. С. 4.
7. *Гаузнер Г.* Левый театр в Японии (Письмо из Японии) // Правда. 12 октября 1927. №233. С. 8.
8. *Гаузнер Г.* Невиданная Япония. М.: Федерация, 1929. 123 с.
9. *Гладков А.К.* Мейерхольд: в 2-х т. Т. 2: Пять лет с Мейерхольдом. Встречи с Пастернаком. М.: Союз театральных деятелей, 1990. 473 с.
10. *Гришелева Л.Д.* Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 237 с.
11. *Жукова Л.* Эпиплоги. Кн. 1. New York: Chalidze publ., 1983. 289 с.
12. Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. 680 с.
13. Интернациональная декада театра // Вечерняя Москва. 15 апреля 1935. №87. С. 3.
14. *Ито М.* Сэки Сано в Москве: его деятельность в Театре им. Мейерхольда // Сцена. 2013. №3. С. 57–62.
15. *Ито М.* ГосТИМ и общение между Россией и Японией: Вс. Мейерхольд, Г. Гаузнер и Э. Гарин / Ст. подг. к печ. Н. Макеровой // Сцена. 2014. №1. С. 10–12; №2. С. 8–12.
16. *Ито М.* Мейерхольд и Япония // Театр. 2015. №21–22. С. 38–48.
17. *Ито М.* Зритель как лаборант: о работе Научно-исследовательской лаборатории Театра им. Мейерхольда // Шаги/Steps. Т. 5. 2019. №4. С. 107–119.
18. *Карбальдо Э.* «Актеры, отворите двери своих чувств». [Воспоминания Сэки Сано о К. С. Станиславском] // Советская культура. 17 января 1963. №8. С. 4.
19. *Кацумото С., Сано С.* Обращение европейских представителей Союза японских пролетарских писателей и Союза японских пролетарских театров в секретариат МОРПа (Берлин, 4 мая 1932 г.) // Из истории Международного объединения революционных писателей (МОРП). М.: Наука, 1969. С. 536–537.
20. Коминтерн. Ф. 540. Оп. 1. Д. 10. URL: <http://komintern.dlibrary.org/ru/nodes/3998-del0-10-perepiska-yaponskogo-rezhissera-seki-sano-s-morp-i-drugimi-uchrezhdeniyami#mode/inspect/page/28/zoom/4>
21. *Кострова М.А., Лобков А.Е.* Неизвестная статья академика Н.И. Конрада о восприятии русской литературы в Японии // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2022. №2. С. 52–57.
22. Опыт Америки и Японии // Советское искусство. 15 ноября 1932. №52. С. 1.
23. *Осэ К.* Русская литература в Японии / Пер. с яп. Р. Ким // Печать и революция. 1930. №5–6. С. 100–104.
24. Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. VI, 718 с.
25. *Позднеев Д.* Русская литература в Японии // На литературном посту. 1927. №17–18.

С. 20–28.

26. Пустите нас в Москву! [Подготовка к интернациональной рабочей театральной олимпиаде] // Советское искусство. 27 июля 1932. №34. С. 1.

27. *Пушков В.* На острове Хондо. Пьеса в 9 картинах. М.: Гослитиздат, 1935. 94 с.

28. *Руднева Л.* В лаборатории артиста // Ученик чародея: Книга об Э. Гарине / Сост. А. Ю. Хржановский. М.: Искусство, 2004. С. 286–298.

29. *Сано С.* Революционный театр в фашистской Японии // Литература мировой революции. 1931. №11–12. С. 140–143.

30. *Сано С.* Наши лозунги // Советское искусство. 4 ноября 1932. №50–51. С. 5.

31. *Сано С.* Театр – на службу мировому Октябрю: Японский революционный театр // Рабис. 1932. №33–34.

32. *Сано С.* Революционный театр Японии / Пер. с англ. Ю.Л. Шер // Сибирские огни. 1933. № 1–2. С. 170–176.

33. *Сано С.* Советские пьесы на японской сцене // Интернациональный театр. №3. 1933. С. 27–30.

34. *Сано С.* Сплоченными рядами. О сотрудничестве революционных профессиональных и самодеятельных театров Японии // Интернациональный театр. 1933. №4. С. 13–21.

35. *Сано С.* Аракизм в японском искусстве и литературе // Иностранная книга. 1934. №1. С. 21–24.

36. *Сано С.* Театр современной Японии // Рабис. 1934. №5. С. 40–41

37. *Сано С.* Искусство, пропагандирующее порох... // Рабис. 1934. №6. С. 44–45

38. *Сано С., Хиджиката И.* Через моря и кордоны. Театральное движение Японии и советский театр // Рабочий и театр. 1934. №12. С. 5–7.

39. *Сано С.* Самурай на экране // Советское кино. 1935. № 1. С. 85–87.

40. *Сано С.* Отечество мирового пролетариата // Литературная газета. 24 февраля 1935. №11. С. 2.

41. *Сано С.* Хиджиката, Иоси // Большая советская энциклопедия. Т. 59. М.: ОГИЗ, 1935. Стб. 536.

42. *Сано С.* Музыкальная пропаганда японской военщины / Пер. с англ. Г. Борисовой // Советская музыка. 1936. №1. С. 90–94.

43. *Сано С.* Японские фильмы // Кино. 6 марта 1936. №12. С. 4.

44. *Сано С.* Военно-фашистская литература Японии // Литературная газета. 1 августа 1936. №43. С. 4.

45. *Сано С.* Из японских тюрем // Литературная газета. 5 сентября 1936. №50. С. 3.

46. *Сано С.* «Манчжурия» // Литературная газета. 30 сентября 1936. №55. С. 4.

47. *Сано С.* Антивоенная литература в Японии // Литературная газета. 30 октября 1936. №61. С. 6.

48. *Сано С.* Берлин – Токио // Литературная газета. 5 мая 1937. №24. С. 5.

49. *Сано С.* Под сапогом японской военщины // Литературная газета. 30 июля 1937. №41. С. 4.

50. *Сано С.* Симаги Кенсаку // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 10: Романов – «Современник». München: Otto Sagner, 1991. Стб. 710–711

51. *Сано С.* Симадзаки Тосон // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 10: Романов – «Современник». München: Otto Sagner, 1991. Стб. 711–712.

52. *Сано С.* Сакка-Доомей // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 10: Романов – «Современник». München: Otto Sagner, 1991. Стб. 490–493.

53. *Сано С.* «Японский народ не может остаться слепым» // Работница. 1939. №4. С. 14.

54. *Сато К.* Современный драматический театр Японии. М.: Искусство, 1973. 160 с.

55. *Семпер Н.* Лицом к лицу с мечтой. Воспоминания о Хиджиката Ёси (1933–1937) / Публ. М. Давыдова, вступ. ст. В. Перельмутера // Toronto Slavic Quarterly. 2003. №29. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/09/semper09.shtml>

56. Сопельник Б. Смерть в рассрочку. М.: Гей, 1998. 456 с.
57. Строим фронт революционного театра // Интернациональный театр. 1933. №3. С. 40–42.
58. Тайна смерти Горького: документы, факты, версии. М.: АСТ, 2017. 464 с.
59. Театр революционной борьбы // Советское искусство. 15 ноября 1932. №52. С. 1.
60. Утидэ К. Краткая биография Сэки Сано // Сцена. 2013. №3. С. 65–67.
61. Хидзикато. Живой трепет сердца японского пролетариата // Правда. 29 августа 1934. №238. С. 5.
62. Хидзикато. Японская революционная литература живет // Известия. 30 августа 1934. №204. С. 6.
63. Хидзиката И., Сано С. Японская литература в руках военщины // Тихий океан. 1935. №1. С. 146–157.
64. Хидзиката И., Сано С. Японская литература в руках военщины // Интернациональная литература. 1935. №3. С. 119–124.
65. Хидзиката И. «Мы горды тем, что ты живешь в СССР» // Литературная газета. 24 февраля 1935. №11. С. 2.
66. Events Today [The Status of Political Prisoners in the World Today] // New York Times. April 9, 1939. №29 660. P. 6G.
67. Sano S. The Tokyo Left Theatre and its Relation to the Japanese Stage // Theatre Arts Monthly. October 1931. №10. P. 836–842.
68. Tanaka M. Seki Sano and Popular Political and Social Theatre in Latin America // Latin American Theatre Review. Vol. 27. 1994. №2. P. 53–69.
69. Tanaka M. Seki Sano y el teatro tradicional japonés // Encuentros en cadena. Las artes escénicas en Asia, África y América Latina. México: El Colegio de México, 1998. P. 131–154.

УДК 39(410)“17”:821.111Гроуз

**ЭТНИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ
ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ «КЛАССИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
ПРОСТОНАРОДНОГО ЯЗЫКА» Ф. ГРОУЗА)**

Лобков А.Е.

кандидат филологических наук, доцент

Покрышук С.А.

студент

**ETHNIC IMAGES IN THE ENGLISH LINGUOCULTURE IN THE LAST QUARTER OF
THE 18TH CENTURY (BASED ON «A CLASSICAL DICTIONARY OF THE VULGAR
TONGUE» BY F. GROSE)**

Aleksandr E. Lobkov

Sofia A. Pokryshchuk

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются этнические стереотипы, сложившиеся в английской национальной культуре в последней четверти XVIII века, и конструируемые на их основе образы. Указывается на то, что данные стереотипы в преобразованном виде изображают отношения между взаимодействующими общностями, а также отражают особое видение одним этносом характерных черт другого. На материале «Классического словаря простонародного языка» Фрэнсиса Гроуза раскрывается представление англичан о других народах, возникшее на начальном этапе формирования имперской гражданской общности и «британского самосознания». При этом акцент сделан на рассмотрении их отношений с ближайшими островными соседями (валлийцами, шотландцами, ирландцами), а также с

материковыми конкурентами (испанцами, французами, голландцами). Отмечается, что стереотипизированию как явлению свойственна фокусировка на отрицательных чертах, их утрирование или карикатурирование. На основе словарных статей приводится предполагаемый собирательный образ каждого из шести рассмотренных народов.

Ключевые слова: этностереотип, этноним, Англия, Британская империя, словарь, Фрэнсис Гроуз.

ABSTRACT. The article deals with ethnic stereotypes formed in English national culture in the last quarter of the 18th century, along with the images constructed on their basis. It is pointed out that these stereotypes in altered form depict the relationships between interacting communities, as well as represent the particular vision one ethnos has of the other. In England the perception of another nations, that arose at the initial stage of the imperial civil community and “British self-consciousness” formation, is revealed, depending on the contents of “A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue” by Francis Grose. Therewith the emphasis is made on studying the relationships between the English and their nearest island neighbours (the Welsh, Scottish, and Irish), and with their mainland rivals (the Spanish, French, and Dutch). It is noted that stereotyping as a phenomenon is characterised by an emphasis on negative features, exaggerating or caricaturing them. An alleged collective image of each of the six nations under study is presented on the basis of the dictionary entries.

Key words: ethnic stereotype, ethnonym, England, the British Empire, dictionary, Francis Grose.

Мысль о том, что человек является рабом своего родного языка, вполне справедлива. С раннего детства мы попадаем под влияние услышанного или прочитанного и постепенно усваиваем идеи, представления, модели поведения и стереотипы восприятия. Так, вокруг индивида постепенно вырастает определенный языковой и – шире – культурный круг, в пределах которого он чувствует себя уверенно: здесь все имеет свою меру и практически все шаблонизировано.

Из этого знания вытекает следующий тезис: слова являются результатом обобщения и абстрагирования опыта членов определенного социального коллектива. Благодаря универсальным значениям в обществе царит относительное понимание, при коммуникации не приходится особо задумываться над сказанным, информация воспринимается с лету, в общем и целом. Таков автоматизм восприятия, обусловленный законом экономии усилий.

Национальная картина мира – система представлений об окружающей действительности, исторически сложившаяся в некоторой культурной общности и закреплённая в языке. Как известно, любая культура среди прочего осознает себя и через противопоставление, работая с оппозициями «мы – они», «свое – чужое». Такая форма восприятия часто выступает причиной некоторого опасения, с каким представители того или иного народа относятся к соседям. Л.Н. Гумилев считал разграничение «своего» и «чужого» центральным элементом характеристики «этноса», под которым в свою очередь понимал «...свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и “своих” (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру. Противопоставление “мы – они” (*conditio sine qua non est*) характерно для всех эпох и стран...» [1, с. 38]. Неудивительно, что проблема расовой нетерпимости и национального превосходства глубоко укоренилась в общечеловеческой истории и продолжает оставаться актуальной вплоть до сегодняшнего дня.

В результате «сопоставления с собой» или «противопоставления себе» формируется обобщенный образ «чужого» (в современном мире, декларирующем ценности толерантности и мультикультурализма, чтобы снять с этого понятия негативные коннотации, принято говорить о формировании образа «иного» или «другого»). Взгляд на чужую культуру сквозь призму собственной системы ценностей порождает причудливые, а зачастую и отталкивающие представления о «других». Часть этих представлений находит отражение в

языке, закрепляясь в виде устойчивых словосочетаний и отдельных слов, которые не меняют своих значений на протяжении столетий. С раннего детства человек приобщается к миру общих значений через семью, детский сад, школу, СМИ и органы власти – ему говорят, что хорошо и что плохо, как надо и как не надо поступать, иногда сопровождая негативную модель указанием на определенный этноним (ср. в русском языке «выцыганить», «жидиться», «латышась»).

Закрепившись в языке, образы становятся источником клише и стереотипов, которые определяют отношение человека к представителям других народов. Этностереотипы зачастую выражены атрибутивными словосочетаниями, где определяемое – обозначение какого-либо явления или предмета, а определение – прилагательное, образованное от этнонима, употребленного в переносном значении (ср. в английском языке *Scotch answer*, *Spanish money*, *Dutch courage*). Этнические стереотипы, по мнению И.С. Кона, «воплощают присущие обыденному сознанию представления о своем собственном и других народах, не просто суммируя определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. В них своеобразно сконденсировалась вся история межэтнических отношений» [3, с. 7].

В основе формирования этностереотипов лежит этноцентризм, свойственный каждому народу. Классическое определение термину «этноцентризм» еще в 1906 г. дал американский социолог Уильям Самнер (Sumner, 1840–1910), понимая под ним: «такой взгляд на вещи, при котором собственная группа помещена в центр, а все другие соизмеряются с ней или оцениваются с оглядкой на нее. <...> Каждая группа питает собственную гордость и тщеславие, восхваляет своего предводителя, превозносит своих божеств и с презрением смотрит на чужаков. Каждая группа считает, что ее обычаи являются единственно верными. Межгрупповые различия становятся источником появления уничижительных эпитетов» [10, р. 13]. Подобные эпитеты составляют основу «языка вражды», «языка ненависти» как определенной модели мышления, исходящей из базового механизма различения «своего» и «чужого» [4].

Лежащий в основе этнических стереотипов этноцентризм присущ всякому народу. В.Н. Топоров отмечал: «Исторически, в силу прав наследования, разных природно-естественных и социально-культурных условий каждый народ – осознанно, полуосознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений и о себе, и о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры и ссоры» [6, с. 5]. Соответственно, в зависимости от того, какие задачи и в какой период времени решает определенная этническая общность, по-разному могут складываться ее отношения с другими – вполне нейтрально, враждебно, союзнически и даже дружелюбно.

Ни для кого не секрет, что англичане – нация с глубокими и прочными корнями, со своим сложным этногенезом. Присущая им самобытная идентичность действительно стала основой для этнического национализма, четко отгораживающего «свое» от «чужого». Исторически сложилось так, что Англию с давних времен никто не завоевывал. Англичане сами проводили последовательную колонизацию, осваивая сначала территории ближайших соседей на Британских островах, а позднее – земли более дальних районов. В постоянно расширяющейся империи они были господствующим элементом. Им была присуща глубокая убежденность в превосходстве своего народа над другими. Даже сейчас уходящая в глубь веков оппозиция «мы – они» сохраняет свою значимость в сознании англичан, несмотря на все усилия по созданию мультикультурного общества.

В исследовании, посвященном оценочной лексике в английском языке, М.С. Ретунская выделяет оценочный ряд по национальному признаку: «Прочно закрепленные ассоциации, имеющие историко-культурную обусловленность, находят в английском языке отражение в оценочных наименованиях лиц по национальности. Островное положение Великобритании не могло не сказаться на специфическом отношении англичан к иностранцам, к

“континенту”. А. Смит, характеризуя растущие амбиции империи в этой сфере, пишет: “He is thrilled by belonging to a competitive nation. Since his individual ambition can be seen as contributing to national progress, he is absolved from remorse about it. In his unquestioning belief that Britain’s traditions have been proved the best, he is suspicious of faint hearts, intellectuals, trouble makers and *aliens*” [5, с. 149]. Она также отмечает, что англичане закрепили в языке за различными национальностями самые негативные человеческие черты, причем “English” практически никогда не употреблялся для выражения оценки: «оценочные синонимичные номинации в национальной сфере, особенно в рамках сниженной лексики, существуют в современном английском языке практически для всех национальностей» [5, с. 151].

В письмах швейцарского путешественника Сесара де Соссюра (Saussure, 1705–1783), посетившего Англию в 1727 г., подчеркнута крайняя степень этноцентризма англичан: «Я не думаю, что найдется какая-либо другая нация, которая мнит о себе так много, как англичане. В своих речах и манерах подданные Его Британского Величества демонстрируют то преувеличенное мнение, какое о себе имеют. Они вообще с презрением смотрят на иностранцев и ставят свою страну выше всех остальных. Они искренне думают, что за пределами их края не может быть ничего хорошего и достойного» [8, р. 181].

Чувство превосходства и высокомерия англичан, как пишет Соссюр, проявлялось как в поведении и нравах, так и в языке. Множество языковых этностереотипов, сложившихся в английской культуре к последней четверти XVIII века, содержится в «Классическом словаре простонародного языка» (“A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue”, 1-ое изд. 1785). Составитель словаря Фрэнсис Гроуз (Grose, 1731–1791) был английским собирателем древностей, художником и лексикографом. Он родился в семье швейцарского ювелира Франца Якоба Гроссе (Grosse, 1693–1769), фамилия которого после переезда в Англию стала произноситься на английский манер. Дела у Гроссе шли успешно, он сумел заработать состояние и репутацию (к его услугам прибегал король Георг II) и пустить корни на новой родине. Его сын Фрэнсис получил классическое образование, служил в армии и в геральдической палате, но больше всего интересовался старинными зданиями, которые часто зарисовывал. Получив наследство, Фрэнсис Гроуз полностью отдался увлечению стариной, написал и проиллюстрировал множество книг – «Древности Англии и Уэльса» (“The Antiquities of England and Wales”, в 6 т., 1773–1787), «Военные древности» (“Military Antiquities”, в 2 т., 1786–1788), «Древности Шотландии» (“The Antiquities of Scotland”, в 2 т., 1789–1791), «Древности Ирландии» (“Antiquities of Ireland”, в 2 т., 1791) и целый ряд других. С лингвистической точки зрения особый интерес представляют составленные им «Классический словарь простонародного языка» (1785) и «Провинциальный словарь с приложением местных пословиц и распространенных поверий» (“A Provincial Glossary with a Collection of Local Proverbs, and Popular Superstitions”, 1787).

В предисловии к «Классическому словарю простонародного языка» составитель дает определение вынесенному в название понятию: “*The Vulgar Tongue consists of two parts: the first is the Cant Language, called some times Pedlars French, or St. Giles’s Greek; the second, those burlesque phrases, quaint allusions, and nick-names for persons, things, and places, which, from long uninterrupted usage, are made classical by prescription*” [7, р. 10]. Как видно, в понимании Ф. Гроуза «простонародный язык» – зонтичный термин, охватывающий несколько лексико-стилистических пластов нестандартной лексики (арго преступного мира, социальный жаргон, грубое просторечие, экспрессивные и ироничные слова и выражения), отличной от общепринятого литературного языка, стабилизация которого отмечена публикацией двухтомного «Словаря английского языка» (“A Dictionary of the English Language, 1755”) Самуэля Джонсона (Johnson, 1709–1784).

Легко заметить, что само описание языка «социального дна» имеет этническую окраску (цыганский, французский, греческий):

Gibberish. *The cant language of thieves and gypsies, called Pedlars French, and St. Giles’s Greek: see St. Giles’s Greek. Also the mystic language of Geber, used by chymists. Gibberish likewise means a sort of disguised language, formed by inserting any consonant between each*

syllable of an English word; in which case it is called the gibberish of the letter inserted: if F, it is the F gibberish; if G, the G gibberish.

Greek; St. Giles's Greek. *The slang lingo, cant, or gibberish.*

Pedlar's French. *The cant language.*

Так, словарный материал позволяет рассмотреть представление англичан о других народах (этнические образы), сложившееся к третьей четверти XVIII века в английской национальной культуре, к моменту превращения Англии в самую могущественную колониальную империю. Военные победы над великими морскими державами Испанией, Португалией, Голландией и Францией, постоянное приращение новыми территориями, стремительное экономическое и промышленное развитие создавали предпосылки для формирования имперской идентичности – «британскости» (Britishness), с которой начали соотносить себя шотландцы, ирландцы и валлийцы, сохраняя при этом собственную национальную идентичность, а также англичане, идентичность которых во многом определялась региональным контекстом (Йоркшир, Нортумберленд, Корнуолл и др.).

Наиболее яркие этнические образы, на которых, на наш взгляд, стоит остановиться в первую очередь, – островные соседи англичан (шотландцы, валлийцы, ирландцы), а также их материковые соседи (французы, голландцы, испанцы). История непростых отношений с данными народами отражена в английском языке в виде устойчивых словосочетаний, фразеологизмов, шуток и анекдотов.

ОСТРОВНЫЕ СОСЕДИ

Как уже отмечалось, круг устойчивых представлений о мире присущ любой культуре, есть он и у англичан. Причем у них этот круг во многом определен островным положением: границы на юге и на востоке очертила береговая линия, на севере и на западе – кельтские соседи. Разграничение между «своими» и «чужими» в коллективном восприятии англичан затрагивает все базовые сферы культуры – природа и территория проживания, одежда и внешний вид, язык, привычки и образ жизни.

Неслучайно, что наиболее яркие этнические образы – это образы ближайших «островных» соседей. В XVIII веке Шотландия, Ирландия и Уэльс, на протяжении долгого времени бывшие территориями внутренней экспансии Англии, оказались вовлечены в процессы создания империи, владения которой раскинулись на пяти материках. Поддержка имперского расширения открывала для национальных групп Британских островов возможность материального обогащения. Участие валлийцев, шотландцев и ирландцев во внешней колониальной политике с конца XVIII века стало мощным толчком для формирования идеи общегосударственной национальной принадлежности, развития «британского самосознания» [9].

Именно эти народы выступили конституирующим фактором развития общности англичан. Стоит заметить, что устойчивые сочетания, свидетельствующие об осознании населяющими Британские острова народностями единства своей исторической судьбы и идентичности («британскости»), на страницах словаря отсутствуют. Гроуз ограничивается однократным упоминанием альманаха «Британский Аполлон» (“The British Apollo”) и общества «Истинных британцев» (“True Britons”).

ВАЛЛИЙЦЫ

Welch Comb. *The thumb and four fingers* [букв. «валлийская расческа», в знач. «пятерня вместо гребня» – пальцы руки].

Welch Fiddle. *The itch. See Scotch Fiddle* [букв. «валлийская чесотка» – зуд. См.: «Шотландская чесотка»].

Welch Mile. *Like a Welch mile, long and narrow. His story is like a Welch mile, long and tedious* [букв. «валлийская миля», в знач. «миля с гаком» – о чем-то длинном и утомительном, как валлийская миля. Его рассказ длинный и нудный, как валлийская миля].

Welch rabbit. *Bread and cheese toasted. – The Welch are said to be so remarkably fond of cheese, that in cases of difficulty their midwives apply a piece of toasted cheese to the janua vitae, to attract and entice the young Taffy, who on smelling it makes most vigorous efforts to come forth*

[букв. «валлийский кролик», в знач. «гренек по-валлийски» – поджаренный хлеб с сыром. Говорят, валлийцы настолько любят сыр, что при родовых трудностях их повивальные бабки прикладывают кусочек жареного сыра на «врата жизни», чтобы привлечь и выманить юного Тэффи, который, учуяв аппетитный запах, предпринимает более настойчивые попытки выбраться наружу].

Taffy. *I.e. Davy. A general name for a Welchman, St. David being the tutelar saint of Wales. Taffy's day; the first of March, St. David's day* [букв. «Тэффи», по приписываемому валлийцам произношению имени Дэви (уменьшительная форма имени Дэйвид) – универсальное прозвище для валлийцев. св. Давид является покровителем Уэльса; первое марта – день св. Давида].

Odds Plut and her Nails. *A Welch oath, frequently mentioned in a jocular manner by persons, it is hoped, ignorant of its meaning; which is, By God's blood, and the nails with which he was nailed to the cross* [букв. «Божья кровь и гвозди!» – валлийское ругательство, часто произносимое в шуточной манере теми, кто, будем надеяться, не догадывается о его истинном значении, а именно: «Клянусь кровью Господа и гвоздями, которыми он был прибит к кресту»].

Собирательный образ. Всех валлийцев зовут Тэффи. Они не следят за своей внешностью, не знают, что такое расческа – у них пятерня вместо гребня. Все валлийцы поголовно больны чесоткой. Они бедны – если кролик в Англии считается едой бедняков, то сыр заменяет валлийцу мясо. Первого марта они поминают покровителя своей земли св. Давида, но во все другие дни нескончаемо богохульствуют.

ШОТЛАНДЦЫ

Itchland; Scratchland. *Scotland* [букв. «страна зуда», «страна чесотки» – Шотландия].

Louse Land. *Scotland* [букв. «страна вшей» – Шотландия].

Whigland. *Scotland* [букв. «страна вигов» – Шотландия].

Pontius Pilate's guards. *The first regiment of foot, or royal Scots: so intitled from their supposed great antiquity* [букв. «стража Понтия Пилата» – первый пехотный полк, или «королевские шотландцы»; считается старейшим полком, чем и объясняется такое прозвище].

Sawny; Sandy. *A general nick-name for a Scotchman, as Paddy is for an Irishman, or Taffy for a Welchman; Sawny or Sandy being the familiar abbreviation or diminutive of Alexander, a very favourite name among the Scottish nation* [букв. «Сони», «Сэнди» – универсальное прозвище для шотландцев, как Пэдди для ирландцев или Тэффи для валлийцев. Это прозвище является распространенной сокращенной или уменьшительно-ласкательной формой имени Александр; оно очень популярно среди шотландцев].

Scotch Bait. *A halt and a resting on a stick, as practised by pedlars* [букв. «шотландский привал», в знач. «привал с перекусом» – отдых в седле, какой практикуется разносчиками во время привала].

Scotch Chocolate. *Brimstone and milk* [букв. «шотландский шоколад» – сера и молоко; такая смесь использовалась в качестве слабительного].

Scotch Fiddle. *The itch* [букв. «шотландская скрипка» – зуд].

Scotch Mist. *A sober soaking rain: a Scotch mist will wet an Englishman to the skin* [букв. «шотландский туман» – затяжной проливной дождь: шотландский туман промочит англичанина насквозь].

Scotch Warming Pan. *A wench* [букв. «шотландская грелка» – проститутка].

Curse of Scotland. *The nine of diamonds: diamonds, it is said, imply royalty, being ornaments to the imperial crown; and every ninth king of Scotland has been observed, for many ages, to be a tyrant and a curse to that country. Others say it is from its similarity to the arms of Argyle; the Duke of Argyle having been very instrumental in bringing about the union, which, by some Scotch patriots, has been considered as detrimental to their country* [букв. «проклятие Шотландии» – девятка бубен; говорят, алмазы символизируют королевскую власть, поэтому

и являются украшением императорской короны; а каждый девятый король Шотландии, что известно с давних времен, – тиран и проклятие для своей страны. По мнению прочих, карта названа так из-за сходства с гербом Аргайла; герцог Аргайл сыграл важную роль в заключении унии, которая, как считают некоторые шотландские патриоты, пагубна для страны].

Собирательный образ. Всех шотландцев зовут Сэнди. Живут они в стране, где дождь идет не прекращаясь, так что англичанам там лучше и не появляться. Они завшивлены и поголовно больны чесоткой. Запоры они лечат серой, добавленной в молоко. Все они виги и готовы в любой момент восстать. Только вот с предводителями им не повезло. Шотландцы, конечно, храбрые воины, но уж больно заносчивы. Нравы у них распущенные, лучший друг шотландца в холодное время – проститутка.

Ирландцы

Teagueland. *Ireland* [букв. «земля Тигов» – Ирландия; Тиг – английское произношение имени Тадг].

Teaguelanders. *Irishmen* [букв. «Тиги» – ирландцы].

Urinal of the Planets. *Ireland; so-called from the frequent rains in that island* [букв. «всепланетный урыльник» – остров Ирландия, называемый так из-за частых дождей].

Bog Lander. *An Irishman; Ireland being famous for its large bogs, which furnish the chief fuel in many parts of that kingdom* [букв. «житель болот» – ирландец; Ирландия знаменита большими болотами, где добывается топливо, поставляемое во многие графства королевства].

Irish Apricots. *Potatoes. It is a common joke against the Irish vessels, to say they are loaded with fruit and timber, that is, potatoes and broomsticks* [букв. «ирландские абрикосы» – картошка. Существует известная шутка об ирландских судах, гласящая, что они нагружены фруктами и древесиной, а именно – картошкой и метлами].

Irish Assurance. *A bold forward behaviour: as being dipt in the river Styx was formerly supposed to render persons invulnerable, so it is said that a dipping in the river Shannon totally annihilates bashfulness; whence arises the saying of an impudent Irishman, that he has been dipped in the Shannon* [букв. «ирландская самоуверенность» – дерзкое, нахальное поведение: ранее считалось, что, погрузившись в реку Стикс, герои становились неуязвимыми, теперь же говорят, будто погружение в реку Шеннон полностью освобождает от стыдливости; отсюда и происходит присказка наглого ирландца, о том, что его окунули в Шеннон].

Irish Evidence. *A false witness* [букв. «показание ирландца» – ложное свидетельство].

Irish Legs. *Thick legs, jocularly styled the Irish arms. It is said of the Irish women, that they have a dispensation – from the Pope to wear the thick end of their legs down wards* [букв. «ирландские ноги» – толстые ноги, шутовское название ирландского герба. Говорят, ирландским женщинам с высочайшего позволения Папы Римского можно иметь щиколотки такой же толщины, что и бедра].

Irish Toyles. *Thieves who carry about pins, laces, and other pedlars wares, and under the pretence of offering their goods to sale, rob houses, or pilfer any thing they can lay hold of* [букв. «ирландские силки» – воры, которые под предлогом продажи иголок, ленточек и других коробейных товаров, расхаживают по домам, разграбляют их или присваивают любое добро, до которого рука дотянется].

Paddy. *The general name for an Irishman: being the abbreviation, of Patrick, the name of the tutelar saint of that island* [букв. «Пэдди» – универсальное прозвище для ирландца; сокращение от имени святого покровителя острова – Патрика].

A paddy whack. *a stout brawny Irishman* [букв. «удар Пэдди», в знач. «ирландец-здоровяк» – крепкий сильный ирландец].

To catch a tartar. *to attack one of superior strength or abilities. This saying originated from a story of an Irish soldier in the imperial service, who, in a battle against the Turks, called out to his comrade that he had caught a Tartar. 'Bring him along then,' said he. 'He won't come,' answered Paddy. 'Then come along your-self,' replied his comrade. 'Arrah,' cried he, 'but he'*

won't let me. [букв. «поймать татарина» – встретить противника, превосходящего силой или умением. Это выражение связано с историей об ирландском солдате, служившем в имперской армии, который в одном из сражений с турками крикнул своему товарищу, что поймал татарина. «Тогда тащи его сюда», – сказал тот. «Он не идет», – ответил Пэдди. «Тогда возвращайся сам», – прокричал товарищ. «Эррэ, – воскликнул ирландец, – так он меня не отпускает»].

Arrah now. *An unmeaning expletive, frequently used by the vulgar Irish* [букв. «Эррэ» – восклицание, к которому часто прибегает неотесанный ирландец].

Tipperary Fortune. *Two town lands, stream's town, and ballinocack; said of Irish women without fortune* [букв. «приданное из Типперэри» – неприличное для перевода поэтическое образное выражение, означающее, что у бедных ирландских женщин из приданного нет ничего, кроме своего тела].

Brogue. *A particular kind of shoe without a heel, worn in Ireland, and figuratively used to signify the Irish accent* [букв. «брог» – особый вид обуви без каблуков, которую носят в Ирландии; употребляется в переносном значении для описания ирландского акцента].

Broganeer. *One who has a strong Irish pronunciation or accent* [букв. «человек в брогах», в знач. «коренной ирландец» – о человеке с явным ирландским говором или акцентом].

Irish Wedding. *You have been at an Irish wedding, where black eyes are given instead of favours; saying to one who has a black eye* [букв. «ирландская свадьба», в знач. «драка» – ты побывал на ирландской свадьбе, где вместо подарков раздавали синяки под глазами; так говорят тому, у кого подбит глаз].

Собирательный образ. Всех ирландцев без исключения зовут либо Пэдди, либо Тиг. Они очень религиозны и почитают св. Патрика. Живут они на острове, где постоянно идут дожди. Кругом одни болота, поэтому им приходится ходить в особой обуви без каблуков и с перфорацией, чтобы обеспечить отвод воды от стопы и ее быстрое проветривание. Произношение у них ужасное – постоянно произносят «г» во всех позициях. Они живут бедно – питаются исключительно картошкой. Ирландцев характеризует наглость, самоуверенность и лживость; многие из них подворовывают. Женщины у них полные, может быть, поэтому ирландцы любят выпить и подраться. Ирландец считает, что может выполнить любую тяжелую работу, но на деле не каждая работа оказывается ему по плечу.

МАТЕРИКОВЫЕ СОСЕДИ

С материковыми соседями англичан связывали непростые отношения. С испанцами, французами и голландцами велась ожесточенная конкурентная война на торговых путях в Новый свет и на Восток, из которой Англия в середине XVIII века вышла победительницей, присвоив себе почетный титул «владычицы морей». Именно в 1740 г. впервые прозвучала одна из самых узнаваемых английских песен – «Правь, Британия»: “Rule Britannia, Britannia rules the waves! Britons never shall be slaves!”. Обеспечив контроль над морскими путями, Англия начала расширять и заморские территориальные владения [2].

Образы противников, в борьбе с которыми происходило становление Британской империи и выковывалась «британскость», в словаре Ф. Гроуза представлены довольно четко и выразительно.

ИСПАНЦЫ

Spanish. *The Spanish; ready money* [букв. «испанцы» – наличные деньги].

Spanish Coin. *Fair words, and compliments* [букв. «испанская монета» – похвала и комплименты].

Spanish Faggot. *The sun* [букв. «испанский костер» – солнце].

Spanish Gout. *The pox* [букв. «испанская подагра» – сифилис].

Spanish Padlock. *A kind of girdle contrived by jealous husbands of that nation, to secure the chastity of their wives* [букв. «испанский замок» – пояс, изобретенный ревнивыми мужьями-испанцами, которые с его помощью добивались от своих жен целомудрия].

Spanish, or King of Spain's, Trumpeter. *An ass when braying* [букв. «испанский

трубач», «трубач короля Испании» – кричащий осел].

Spanish Worm. *A nail: so called by carpenters when they meet with one in a board they are sawing* [букв. «испанский червь» – гвоздь, который так называют плотники, когда натыкаются на него, распиливая доску].

Tol; Toledo. *A sword: from Spanish swords made at Toledo, which place was famous for sword blades of an extraordinary temper* [букв. «тол», «тоledo» – клинок; название происходит от испанских клинков, сделанных в Толедо; этот город прославился производством клинков превосходной закалки].

Spado. *A sword. Spanish* [букв. «спадо» – испанский клинок].

Собирательный образ. Испанцы заносчивы, речь их донов напоминает ослиный крик. Однако они умеют подкупать людей лестными словами. Их карманы всегда полны наличной монетой. Они ревнивы и постоянно следят за своими женами. Они фанатичны в вопросах веры и сжигают еретиков на костре. Но религиозность испанцев не помеха распутству, отчего многие из них – сифилитики. На протяжении долгого времени они были занозой в теле англичан, которую лишь с трудом удалось извлечь. А вот в чем испанцы действительно мастера, так это в изготовлении клинков.

ФРАНЦУЗЫ

French Cream. *Brandy: so called by the old tabbys and dowagers when drank in their tea* [букв. «французские сливки» – бренди: так напиток прозвали старые девы и вдовствующие дамы, добавляющие его в чай].

French Disease. *The venereal disease, said to have been imported from France. French gout.* *He suffered by a blow over the snout with a French faggot-stick; i.e. he lost his nose by the pox* [букв. «французская хворь» – венерическое заболевание, по слухам, завезенное из Франции. Букв. «французская подагра» – то же самое. По его морде прошлись французским веником, т.е. он лишился носа от сифилиса].

French Leave. *To take French leave; to go off without taking leave of the company: a saying frequently applied to persons who have run away from their creditors* [букв. «прощание по-французски» – уйти по-французски; уйти, не попрощавшись с компанией: выражение часто употребляется в отношении лиц, сбежавших от кредиторов].

Frenchified. *Infected with the venereal disease. The mort is Frenchised; the wench is infected* [букв. «отфранцузженный» – зараженный венерическим заболеванием. Девка отфранцузжена – шлюха заражена].

The parlezvous lingo. *The French language* [букв. «парлеву линго» – французский язык].

Pedlar's French. *The cant language* [букв. «французский коробейников» – тайный язык].

Собирательный образ. В плане языка французы страшные выпендрейники – изъясняются так витиевато, что смысл сказанного остается непонятным. Они страсть как охочи до любви, настолько, что на этой почве зачастую страдают от различных «любовных» заболеваний. Воспитание у них довольно странное – они покидают компанию не попрощавшись, почти никогда не расплачиваются по счетам. Под влиянием их пристрастия к изысканной пище даже молоко во время чаепития может превратиться в бренди.

ГОЛЛАНДЦЫ

Butter Box. *A Dutchman, from the great quantity of butter eaten by the people of that country* [букв. «масленка» – голландец; от большого количества масла, потребляемого населением этой страны].

Froglander. *A Dutchman* [букв. «житель лягушачьей страны» – голландец].

Closh. *A general name given by the mobility to Dutch seamen, being a corruption of Claus, the abbreviation of Nicholas, a name very common among the men of that nation* [букв. «Клош» – универсальное прозвище для голландских моряков, данное им за их расторопность, искаженная форма имени Клаус (сокращение от Николас), очень распространенного среди мужчин этой нации].

Dutch Comfort. *Thank God it is no worse* [букв. «голландское утешение», в знач. «слабое утешение» – Благодарю Бога! Могло быть и хуже].

Dutch Concert. *Where every one plays or sings a different tune* [букв. «голландский концерт» – о ситуации, когда играют и поют кто во что горазд].

Dutch Feast. *Where the entertainer gets drunk before his guests* [букв. «голландский пир» – о ситуации, когда хозяин напивается раньше своих гостей].

Dutch Reckoning, or Alle-mal. *A verbal or lump account, without particulars, as brought at spunging or bawdy houses* [букв. «голландский счет», в знач. «все в одном» – устный, обобщенный счет, без разбивок по позициям, предъявляемый в местах предварительного заключения должников или в публичных домах].

Sooterkin. *A joke upon the Dutch women, supposing that, by their constant use of stoves, which they place under their petticoats, they breed a kind of small animal in their bodies, called a sooterkin, of the size of a mouse, which when mature slips out* [букв. «сутеркин» – в анекдоте о голландских женщинах говорится о том, что от постоянного использования грелок, которые они ставят под нижние юбки, зачинается некое подобие маленького зверька размером с мышь, называемого сутеркин, который затем выбирается наружу].

Обобщенный образ. Всех голландцев зовут Клаусами. Они обожают масло, так что для них «масленка» – самое подходящее прозвище. Живут голландцы на болотах с лягушками. Может быть поэтому договориться с ними очень тяжело. В гости к ним лучше не ходить – хозяин встретит вас уже пьяным. Их женщины предпочитают жару мужских объятий тепло грелки, правда, и плоды такой союз приносит соответственные – в виде причудливых зверюшек. Добиться от голландцев обоснования стоимости услуг или товаров попусту невозможно. А нерасторопность голландских мореплавателей порой вызывает сомнения в их умственных способностях.

Подводя итоги, отметим, что изучение этностереотипов в лингвистическом и лексикографическом ключе является одним из путей познания исторического опыта межнациональных отношений, нашедших свое отражение в языке. «Классический словарь простонародного языка» Фрэнсиса Гроуза содержит множество фразеологизмов с этнонимами, в которых закреплён определенный взгляд на различные народы, присущий картине мира англичан, живших в последней трети XVIII века, в период формирования «британского самосознания». Многие из приведенных этностереотипов, употреблявшихся в то время в отношении валлийцев, шотландцев и ирландцев, либо испанцев, французов и голландцев, до сих пор продолжают встречаться в современной английской речи. Связанные с ними оскорбительно-пренебрежительные и насмешливо-уничижительные коннотации могут не только задевать чувство достоинства представителей различных народов, но также и послужить, возможно, неосознанно, выражением языка вражды. Одними нормативными запретами этнические предрассудки и предубеждения преодолеть нельзя. В таком случае пришлось бы запретить или переписать огромный пласт письменной культуры (скажем, роман Ф.М. Достоевского «Игрок»). Национальная исключительность и превосходство идут от элементарного непонимания одними народами культуры других. Поэтому важны знания и, более того, понимание историко-культурных предпосылок возникновения таких этнооценочных фразеологизмов, а также воспитание языкового такта.

Никакое типологизирование не может обойтись без упрощений. Стандартная схема этнического образа, представленного по материалам словаря Гроуза, включает в себя такие параметры, как особенности речи, место обитания, внешность, поведенческие, социальные и экономические характеристики. В каждом отдельном случае они складываются в понятную англичанину картину, в основе которой лежит оппозиция «свое – чужое». Естественно, что при таком взгляде «другие» – непонятны, неподобающи, неискренни, неправильны и т.д.

У Гроуза представлены и другие этнонимы, но их слабая выраженность в языке не дает возможность в полном объеме раскрыть образы некоторых народов. Например, в словаре редки следующие этнонимы, входящие в состав фразеологических единиц – *Flemish Account*, *German Duck*, *Russian Coffee House*, *Norway Neckcloth*, *Turkish Treatment*, *Japanned*,

что не позволяет привести в статье собирательный портрет фламандцев, немцев, русских, норвежцев, турок и японцев.

Авторы, кроме того, признают необходимость учитывать не только этнонимические дериваты, но и различные виды дополнительного, косвенного, упоминания того или иного этноса в словарных статьях. Тем не менее объем имеющихся материалов чрезвычайно велик и не может быть подробно рассмотрен в рамках настоящего исследования.

В словаре также имеются фразеологизмы, выражающие стереотипизированные представления о жителях различных графств самой Англии. Рассмотрение неучтенных в данной работе этнонимов также заслуживает внимания и будет представлено в дальнейшем.

Список литературы

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 639 с.
2. Ерофеев Н.А. Империя создавалась так... Английский колониализм в XVIII веке. М.: Наука, 1964. 175 с.
3. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских: 1825–1853. М.: Наука, 1982. 320 с.
4. Лобков А.Е. Политически корректный язык против языка вражды // Социальные варианты языка. Выпуск IX. Нижний Новгород: НГЛУ, 2016. С. 93–96.
5. Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1996. 272 с.
6. Топоров В.Н. Образ «соседа» в становлении этнического самосознания (руско-литовская перспектива) // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века: сборник тезисов. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1990. С. 4–14.
7. Grose F. A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. 2nd edn, corr. and enl. London: Printed for S. Hooper, 1788. XV, 252 p.
8. Lettres et voyages de monsr César de Saussure en Allemagne, en Hollande et en Angleterre, 1725–1729 / Avec un introd. de B. van Muyden. Lausanne, Paris, Amsterdam, 1903. 391 p.
9. Studying British Cultures. An Introduction / Ed. by S. Bassnett. 2nd edn. London, New York: Routledge, 2003. xxvii, 225 p.
10. Sumner W.G. Folkways, a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. Boston: Ginn and Co., 1906. 692 p.

УДК 811.1'373.237:39(=161.1)(=111)(=134.2)

ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ, АНГЛИЙСКИХ И ИСПАНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-НАЗВАНИЕМ ПРОФЕССИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Михайлова Е.В.

кандидат филологических наук, доцент

FEATURES OF RUSSIAN, ENGLISH AND SPANISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A COMPONENT-PROFESSION NAME: LINGUOCULTURAL ASPECT

Evgenia V. Mikhailova

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена исследованию русских, английских и испанских фразеологических единиц с компонентом, представляющим название профессии и рода деятельности, и относится к области сравнительной лингвокультурологии. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения фразеологизмов с различными компонентами в их составе, поскольку они служат отражением менталитета и

традиций народов, а их знание, особенно в контексте существующей глобализации и межкультурной коммуникации, способствует улучшению взаимопонимания между культурами и сохранению языкового наследия. В процессе лингвокультурологического анализа фразеологизмов с компонентом-названием профессии применялись методы лингвистики и культурологии, которые позволили определить общественные стереотипы и традиции, связанные с определенными профессиями, и выделить национально-специфические особенности русской, английской и испанской культур. Фразеологизмы были проанализированы также с точки зрения их эмотивной окрашенности и по степени их фразеологической активности с привлечением элементов количественного анализа, что позволило выявить наиболее часто используемые в них в качестве компонентов названия профессий, отражающие национальные особенности российского, британского и испанского образа жизни.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизм с компонентом-названием профессии, стереотип, эмотивная окрашенность, русский, английский, испанский.

ABSTRACT. The paper is devoted to the research of Russian, English, and Spanish phraseological units with a component representing the name of a profession or occupation and pertains to the field of comparative cultural linguistics. The relevance of this work stems from the need to study phraseological units with various components as they reflect the mentality and traditions of peoples. Knowledge of these components, particularly in the context of globalization and intercultural communication, contributes to better understanding between cultures and the preservation of linguistic heritage. The linguacultural analysis of phraseological units with a component representing a profession employed methods from linguistics and cultural studies, which allowed us to identify social stereotypes and traditions associated with certain professions and highlight the nation specific characteristics of Russian, English, and Spanish cultures. Phraseological units were also analyzed for their emotive connotations and their degree of phraseological activity, with quantitative analysis applied to identify the most frequently used professional names as components, reflecting the national characteristics of the Russian, British and Spanish way of life.

Key words: cultural linguistics, phraseological unit with a professional name component, stereotype, emotive connotation, Russian, English, Spanish.

В лингвистике фразеология занимает важное место в изучении языковой картины мира, поскольку отражает культурные, исторические и социальные аспекты жизни народов. В лингвокультурологии актуальность исследования фразеологических единиц, в состав которых входят компоненты-лексемы, принадлежащие различным тематическим группам (например, соматизмам, зоонимам, топонимам, метеонимам и т.д.), продолжает оставаться высокой, поскольку сопоставительный анализ указанных фразеологизмов позволяет расширить наши знания о культуре, традициях и национальном характере представителей различных языков, а также узнать особенности их фразеологической картины мира.

Фразеологизмы с компонентом, обозначающим профессию и род деятельности, представляют собой особый интерес для изучения, так как они иллюстрируют специфику различных профессий, их роль в обществе и влияние на формирование языка. Изучались особенности формирования таких фразеологизмов в английском языке [8]. Цель данной статьи – при помощи метода контрастивного сопоставления выявить лингвокультурологические особенности русских, английских и испанских фразеологических единиц с компонентом-названием профессии, отражающих культурную и национальную специфику российского, британского и испанского образа жизни.

Как известно, в середине XIX столетия идеи немецкого ученого В. Гумбольдта в отношении предположения о том, что национальный язык обладает своей культурной спецификой, стали отправной точкой в решении вопроса, касающегося сути национальной специфики языков. В связи с этим потребовались дальнейшие, более глубокие исследования

в области мыслительных процессов и культурологии. Антропологическая парадигма, пришедшая на смену сравнительно-исторической и системно-структурной, не только переключила интересы исследователя с объекта познания на субъект, но также «направила основное внимание ученых на изучение языка с позиции воспринимающего мир субъекта» [10, с. 149].

Национальный склад мышления в нравственной оценке и интерпретации мира в наибольшей степени отражается в национальной фразеологии [5, с. 8]. Различные культурные явления, предметы и обычаи, которые характерны для конкретного народа, фиксируются во фразеологизмах, не только передавая информацию о быте, традициях и мировоззрении и сохраняя историческую память, но также связывая современное общество с прошлым. Е.Э. Иванцова подчеркивает, что «фразеологизмы помогают понять ценности народа, менталитет, условия социализации, которые складывались веками и не могут исчезнуть бесследно из сознания народа» [2, с. 82].

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-названием профессии русского, английского и испанского языков позволяет установить как сходства, так и различия в способах выражения образного значения. Наше исследование выявляет частотность упоминания той или иной профессии в качестве компонента фразеологизмов, функционирующих в русском, английском и испанском языках. Методом сплошной выборки из фразеологических словарей [4; 6; 9] было выбрано 127 русских, английских и испанских фразеологических единиц с компонентом, представляющим профессии и род занятия: 56 русских ФЕ (44%), 29 английских ФЕ (23%) и 42 испанских ФЕ (33%).

В русской лингвокультуре функционируют фразеологизмы с компонентом-названием профессий, обозначенных такими словами, как *сапожник*, *повар/кухарь/стряпуха*, *поп*, *кузнец/коваль*, *портной*, *ямыщик/извозчик*, *артист*, *рыбак*, *мельник*, *музыкант*, *няня*, *купец*. Наиболее частотным компонентом таких фразеологических единиц выступает слово *сапожник* (30%). Они имеют преимущественно негативную окраску, поскольку исторически сложилось так, что в народном сознании сапожник ассоциируется с недостатком культуры из-за низкого социального статуса, что, соответственно, вело к пренебрежительному к нему отношению.

В прошлые времена сапожникам приписывали такие качества, как грубость и непристойное поведение, что нашло свое отражение в ряде выражений: «*ругаться как сапожник*», «*материться как сапожник*», «*пьяный как сапожник*», «*напиться как сапожник*». Возможные причины возникновения таких фраз разные. Сапожники, забивая гвозди в подошвы обуви, часто попадали молотком себе по пальцам и от боли ругались и матерились. Также известно, что еще до революции 1917 года город Кимры в Тверской области был обувной столицей России. Сапожники ездили на ярмарку продавать изготовленную обувь, а после ярмарки заходили в кабаки и часто пропивали все, что заработали от продажи.

Английским аналогом выражения «*ругаться как сапожник (извозчик)*» для описания грубой и нецензурной речи служит фразеологизм *swear like a bargee (fishwife, sailor)* (ругаться как лодочник с баржи, торговка рыбой, матрос). Лодочники, работавшие на баржах, и матросы, находившиеся месяцами в море, ассоциировались с грубыми манерами и вульгарной речью, что объяснялось их низким социальным статусом и тяжелыми условиями труда; а торговку на базаре отличал громкий голос и экспрессивное поведение. Данный фразеологизм имеет отрицательную коннотацию, отражая классовые предубеждения англоязычного общества XIX века, в котором низший класс часто воспринимался как грубый и невоспитанный.

Ироничную окраску несет известное выражение «*сапожник без сапог*» (получившееся от более длинной поговорки «*портной без кафтана, сапожник без сапогов, а плотник без дверей*»), подчеркивая тот факт, что мастер пренебрегает своими нуждами, своего рода экономит на себе, отдавая приоритет клиентам, поскольку получает от них плату за свой труд. Старания заработать побольше, выполнить ремонт обуви или ее пошив в более

короткие сроки, приводили к тому, что работа выполнялась небрежно или неумело, чем можно объяснить появление таких фразеологизмов, как *«работать как сапожник»*, *«играть на музыкальном инструменте как сапожник»*, *«играть в карты как сапожник»*.

Объяснить тот факт, что слово *сапожник* является наиболее частотным компонентом в русских фразеологизмах с компонентом-названием профессии, можно исторически особой ролью сапожника в самой большой по занимаемой территории стране в мире. В прошлом простым людям, коих было, конечно же, большинство на Руси, чтобы преодолевать большие расстояния, требовалась не одна пара сапог. Обувь представляла собой особый символ в славянской древней культуре. В поминальной обрядности большую роль играла новая обувь. Старая обувь использовалась в качестве оберега. Она вывешивалась, например, чтобы хищные птицы не растаскивали цыплят [1, с. 345].

В нашем исследовании вторым по частотности компонентом ФЕ, обозначающим профессию, выступает слово *повар* и его синонимы *кашевар*, *кухарь*, *стряпуха* – 14%. Данная профессия в русской культуре представлена преимущественно в положительном ключе и ассоциируется с сытостью, заботой и домашним уютом. Фразеологизм *«добрый повар стоит доктора»* подчеркивает важность и необходимость хорошей еды для здоровья, поскольку пища в крестьянском укладе была основой выживания.

Тот факт, что у повара всегда есть доступ к пище, делает его положение завидным, а также придает ему статус в условиях социальной иерархии, и это отражается в таких выражениях, как *«кашевар живет сытее князя»*, *«повар с голоду не умирает»*, *«повар и духом сыт бывает»*. Такие качества повара, как находчивость, профессионализм, умение справляться с задачами в сложных условиях, находят свое отражение во фразеологизме *«хороший повар и в бою кашу сварит»*.

В английской лингвокультуре функционируют фразеологизмы с компонентом, обозначающим профессии, которые обозначены такими словами, как *cook* (повар), *cobbler* (сапожник), *doctor* (доктор), *fisher* (рыбак), *butcher* (мясник), *shepherd* (пастух), *baker* (пекарь), *busman* (кондуктор), *broker* (брокер), *candlestick maker* (изготовитель подсвечников), *sheriff* (шериф), *fireman* (пожарный), *taylor* (портной), *hunter* (охотник), *fiddler* (скрипач), *trumpeter* (трубач), *hatter* (шляпник), *workman* (рабочий), *bargee* (бармен), *fishwife* (торговка рыбой), *sailor* (матрос).

В выбранном нами корпусе английских фразеологизмов наиболее часто встречающимся компонентом-названием профессии является слово *cook* – 14%. Профессия повара в английской фразеологии представляется с разных сторон. Положительная сторона данной профессии проявляется во ФЕ *“every cook praises his own broth”* (каждый повар хвалит свой бульон), поскольку процесс приготовления равносителен творческому созиданию, когда приходится обдумывать все этапы этого процесса. В то же время выражения *“too many cooks spoil the broth”* (слишком много поваров портят бульон) и его иной вариант *“the more cooks the worse potage”* (чем больше поваров, тем хуже похлебка) подчеркивают отрицательную сторону совместного приготовления одного блюда, поскольку при добавлении в него ингредиентов разными поварами, каждый из которых считает себя лучшим, оно может превратиться во что-то несъедобное.

Объяснение тому факту, почему именно профессия повара часто упоминается в качестве-компонента фразеологизма в английской лингвокультуре, уходит в историю не только викторианской эпохи, но и, возможно, к средневековой эпохе норманнского господства. С принятием христианства трапеза у англосаксов стала символическим отражением Небесного пира, и приготовлению пищи уделялось особое внимание [7]. Профессия повара высоко ценилась в высшем обществе. Не у всех хватало денег нанять на работу мужчину-повара, поэтому его присутствие в домах у буржуазии даже среднего класса служило признаком респектабельности [3]. Трапеза стала одной из ключевых реалий в культуре англосаксонского общества.

В испанских фразеологизмах в качестве компонента-названия профессии используются такие слова, как *caballero/jinete* (всадник), *herrero* (кузнец), *zapatero*

(сапожник), *abogado/letrado* (адвокат, юрист), *molinero* (мельник), *panadero* (пекарь), *pescador* (рыбак), *sastre* (портной) *doctor/medico* (врач), *marinero* (морьяк). Количественный анализ показал, что в испанском языке наиболее часто встречается слово *abogado*, обозначающее профессию адвоката, в качестве компонента фразеологических единиц – 17%.

Данный факт можно объяснить сложившейся культурой почитания и отношения к людям данной профессии в стране. В современной Испании никто из деловых людей не занимается бумагами лично. Даже у младшего лавочника есть свой адвокат. Такая культура ведения дел складывалась веками. Адвокаты в своем большинстве стремятся поменьше работать, но побольше получать, а настоящие профессионалы, как правило, взимают немаленькую плату.

В испанской фразеологии профессия адвоката часто ассоциируется с недоверием, критикой, тем самым обозначая сложное отношение общества к юридической сфере. Выражение “*buen abogado, mal vecino*” (хороший адвокат – плохой сосед) означает, что профессиональные качества адвоката могут оказаться нежелательными в личных отношениях, отражая стереотип о хитрости и корысти адвокатов.

Фразеологизм “*el diablo, antes de ser diablo, fue abogado*” (дьявол, прежде чем стать дьяволом, был адвокатом) используется в ироничном смысле как своеобразный намек на хитрость и изворотливость адвокатов, такие качества, которые в народном сознании ассоциируются с поведением дьявола, с его коварством и умением манипулировать. В испаноязычных странах профессия адвоката имела двойственное восприятие. С одной стороны, адвокаты играли важную роль в правовой системе. С другой стороны, пользуясь своим красноречием, знанием юридических тонкостей, а порой сомнительными методами достижения целей, они вызывали недоверие в обществе. Культурная коннотация фразеологизмов с таким компонентом в своем составе чаще несет отрицательную коннотацию. Во фразеологизме “*abogado joven, pleito perdido*” (молодой адвокат – проигранное дело) отражается стереотип о неопытности и непрофессионализме молодых специалистов, что подвергает риску судебное дело, а выражение “*abogado, juez y doctor, cuanto más lejos mejor*” (лучше держаться подальше от адвокатов, судей и докторов) выражает недоверие и сложное отношение к этим профессиям, связывая их с неприятностями.

Выполненный лингвокультурологический анализ русских, английских и испанских фразеологизмов с компонентом-названием профессии позволил нам выявить наиболее значимый для той или иной культуры род профессиональной деятельности, ассоциации с которой наиболее прочно закрепились в народном сознании носителей русского, английского и испанского языков и нашли свое яркое отражение в их фразеологической картине мира. Такие фразеологизмы формируются под влиянием таких экстралингвистических факторов, как исторический контекст, социальные условия и культурные традиции.

В русском языке фразеологизмы с компонентом, указывающим на профессию кузнеца, символизируют мастерство и ответственность за результат своего труда («*кузнец своего счастья*»). Профессия сапожника часто ассоциируется с негативными стереотипами («*пьяный как сапожник*», «*ругаться как сапожник*»), а повар, наоборот, воспринимается положительно («*добрый повар стоит доктора*»), фразеологизмы с компонентом *поп* несут критический оттенок («*каков поп, таков и приход*», «*у попа не карманы, а мешки*»). Остальные профессии (ямщик, портной, мельник) в русской ментальности демонстрируют уважение к труду и подчеркивают ценность находчивости и профессионализма.

В английском языке слово, обозначающее профессию сапожника (*cobbler*), используется в выражениях с ироническим оттенком (“*the cobbler’s wife is the worst shod*”). Фразеологизмы, в состав которых входит название профессии повар (*cook*), имеют как положительную коннотативную окраску, так и отрицательную (“*too many cooks spoil the broth*”). Профессии охотника, рыбака, моряка, шерифа, брокера, скрипача связаны с историческими реалиями. В английских фразеологизмах (“*be one step ahead of the sheriff*”,

“an honest broker”, “if you dance, you must pay the fiddler”, и др.) подчеркиваются такие характерные для англоязычного социума качества, как практичность и справедливость.

В испанском языке во фразеологизмах с компонентом, представляющим название профессии, отображается история Испании и ее разнообразные культурные традиции. Фразеологизмы с компонентом-названием профессии рыбака (*pescador*) имеют как положительную коннотацию (“*pescador que pesca un pez, pescador es*”), так и отрицательную (“*el pescador de caña más come que gana*”), отражая ценность усердия, терпения и настойчивости для достижения целей. Профессия сапожника воспринимается иронично (“*¡Zapatero, a tus zapatos!*”), адвокат вызывает недоверие (“*el diablo, antes de ser diablo, fue abogado*”), всадник ассоциируется с благородством (“*a caballero nuevo, caballo viejo*”), а творческие профессии музыканта и поэта романтизируются (“*de músico, poeta y loco, todos tenemos un poco*”). Акцент в испанских фразеологизмах с компонентом-названием профессии делается на эмоциональность, искренность, уважении к авторитетам и иерархии.

Проведенное исследование в очередной раз позволяет сделать вывод о том, что фразеологизмы являются носителями культурной информации и способствуют сохранению национальной идентичности. Поскольку они украшают речь и служат своеобразным инструментом межкультурной коммуникации, позволяя лучше понимать ценности и особенности мировоззрения других народов, улавливать специфику их мышления, то дальнейшее исследование языкового материала, включая другие языки и их фразеологические составы, а также применение когнитивных и дискурсивных методов для анализа культурных кодов, заключенных во фразеологизмах, считаем перспективным.

Список литературы

1. Берегова О. Символы славян. СПб.: «Издательство «ДИЛЯ», 2011. 432 с.
2. Иванцова Е.Э. Преподавание фразеологизмов с точки зрения лингвокультурологии (на материале английских фразеологических единиц) // Проблемы науки. 2017. №5 (18). С. 79–82.
3. Иерархия слуг в больших домах. URL: <https://home-story.ru/stati/vtoraya-statya.html> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Каспарова Е.И. Испанский язык: фразеологический словарь. М.: Русский язык, 2000. 512 с.
5. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии. М.: ЧеРо, 2005. 336 с.
6. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь: ок. 20 000 фразеологических единиц. М.: Живой язык, 2005. 944 с.
7. Ненарокова М.Р. «Радуюсь трапезе...»: еда и трапеза у англосаксов. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raduyas-trapeze-eda-i-trapeza-u-anglosaksov/viewer> (дата обращения: 01.12.2025).
8. Туарменская А.В., Туарменский В.В. Формирование английских фразеологизмов с названиями профессий // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2022. Т. 21, №1. С. 71–83.
9. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
10. Цзюй Х. Фразеология как хранилище этнокультурных представлений в русской и китайской лингвокультурах // Политическая лингвистика. 2019. №4 (76). С. 149-153. DOI 10.26170/pl19-04-17.

УДК 8.81

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УРБАНОНИМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ИРЛАНДИИ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАЦИЙ СООРУЖЕНИЙ
РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ)**

Черная Т.Н.

старший преподаватель

**FUNCTIONING OF URBANONYMS IN THE LINGUOCULTURAL SPACE OF
IRELAND: NOMINATIONS OF ENTERTAINMENT FACILITIES**

Tatyana N. Chernaya

АННОТАЦИЯ. В исследовании приводится структурно-семантическая классификация ирландских урбанонимов, обозначающих названия сооружений развлекательного назначения, таких как пабы и театры. Цель работы состоит в изучении структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей урбанонимики Ирландии. Исследование проводилось на материале словарей английских топонимов, аутентичных словарей урбанонимов Ирландии, электронных корпусов топонимов и урбанонимов Ирландии. Структурный анализ различных групп урбанонимов позволяет сделать вывод о том, что основными структурными моделями образования этих микротопонимов являются одно-, двух- и многокомпонентные названия, часто содержащие в себе в качестве обязательного элемента слова конкретной семантики, позволяющие сразу отнести тот или иной урбаноним к определенному классу городских объектов (theatre, pub, tavern, inn). С точки зрения семантики, названия пабов включают названия, связанные с геральдикой, литературой, религией, историей, развлечениями, морем, местоположением, животными и охотой, также есть пабы, которые имеют родовые имена и названия-описания. Названия театров отражают их местоположение, исторические события, религию, их характер и характеристики зрителей. Отдельную группу составляют заимствованные наименования.

Ключевые слова: ономастика, топоним, урбаноним, структурно-семантическая классификация, урбанонимическая номинация, лингвокультурное пространство, номинации сооружений развлекательного назначения.

ABSTRACT. Based upon on the material of dictionaries of English place names, authentic dictionaries of Irish urban names, the paper offers the structural-semantic classification of Irish urbanonyms denoting names of public places such as pubs and theatres. The aim of the work is to study the structural-semantic and functional-pragmatic features of the urbanonyms of Ireland. Structural analysis of various groups of urbanonyms allows us to conclude that the main structural models of the formation of these microtoponyms are one-, two- and multi-component names, often containing words of specific semantics as a mandatory element, which allows us to immediately attribute one or another urbanonym to a certain class of urban objects (theatre, pub, tavern, inn). From the point of view of the semantics the names of pubs include names connected with heraldry, literature, religion, history, entertainment, sea, location, animals and hunting. There are also pubs which have family names and descriptive names. Theatre names relate to their location, historical events, religion, their nature and characteristics of the audience. Borrowed names form a separate group.

Keywords: onomastics, toponym, urbanonyms, structural-semantic classification, urbanonymic nomination, linguocultural space, nominations of entertainment facilities.

Ономастика и топонимика как ее составляющая часть, являются очень интересным объектом исследования, так как через топонимы можно изучать историю различных народов

и изменения, происходящие в их языках. Урбанонимия, являясь неотъемлемой частью любой культуры, помогает понять национальный характер и культурные особенности той или иной страны.

Объектом данного исследования являются английские урбанонимы, а предметом – их функционирование в лингвокультурном пространстве Ирландии. Целью работы является изучение структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей урбанонимии Ирландии. Исследование проводилось на материале словарей английских топонимов, аутентичных словарей урбанонимов Ирландии, электронных корпусов топонимов и урбанонимов Ирландии. Общий объем исследованного материала составил около 1000 единиц наименований внутригородских объектов Ирландии.

Теоретической базой данного исследования послужили труды по отечественной ономастике (Н.В. Подольская, Е.А. Сизова, О.А. Леонович, А.В. Суперанская) и урбанистике в частности (М.В. Голомидова, Р.В. Разумов).

Новизна работы состоит в комплексном структурно-семантическом исследовании различных групп наименований ирландских внутригородских объектов как составляющей части ономастического пространства отдельного города и страны в целом, в контексте современных тенденций урбанонимического развития ирландских городов и, соответственно, тенденций ирландской урбанонимической номинации. Тот факт, что для исследования национально-культурных особенностей урбанонимов Ирландии привлекался материал, который ранее не становился объектом лингвистического анализа, обеспечивает теоретическую значимость работы.

В процессе работы были использованы такие общенаучные методы, как сравнение, обобщение, наблюдение, а также общелингвистические и специальные методы, такие как лексико-семантический, лексикографический и контекстуальный анализ урбанонимов; а также метод семантической и прагматической интерпретации при анализе номинаций урбанонимов.

Практическая ценность исследования заключается в том, что результаты и материалы данного исследования могут стать базой для изучения различных классов микротопонимов при описании урбанонимических пространств других ареалов (например, Уэльса и Шотландии).

Материалы исследования могут быть использованы в процессе преподавания лингвокультурологии, лексикологии английского языка, а также в практике перевода при работе с безэквивалентной лексикой.

Топоним (географическое название, географическое имя) по определению А.В. Суперанской, является «одним из разрядов онимов, означающих имя собственное природного объекта на Земле или объекта, созданного человеком, который четко зафиксирован в данном регионе (город, деревня, участок земли, территория как часть государства, коммуникация и т.п.)» [4]. О.А. Леонович относит к топонимам следующие типы онимов: 1) гидронимы – названия водных объектов (потамонимы – названия рек, лимнонимы – названия озер или прудов, океанонимы – названия океанов и его частей, пелагонимы – названия морей и его частей, гелонимы – названия болот); 2) ойконимы – названия населенных мест; 3) спелеонимы – названия пещер; 4) хоронимы (от лат. *chora* – «природный»): а) природные – названия ландшафтных областей, б) административные – территориальные единицы принятые в официальных документах); 5) урбанонимы – внутригородские названия (агоронимы – названия площадей, годонимы – названия улиц); 6) дромонимы – названия путей сообщения (ойконимы – названия населенных мест, комонимы – сельские поселения, астионимы – названия городов); 7) агроонимы – земельные участки; 8) дримонимы – названия лесов; 9) некронимы – названия, данные в честь умерших предков [6, с. 186]. Итак, урбаноним (от лат. *urbanus* – «городской» + оним) – вид топонима, обозначающий внутригородской объект. Соответственно, «урбанонимия – совокупность всех названий внутригородских объектов, как нынешних, так и использовавшихся в прошлых эпохах» [там же].

По определению Н.В. Подольской, к «урбанонимам относятся не только топонимы и агоронимы, но также ойкодомонимы (имена собственные зданий) и экклезионимы (имена мест совершения обрядов, места поклонения, названия церквей, часовен, монастырей)» [цит. по 6, с. 187]. По мнению Е.А. Сизовой, система урбанонимов – это «механизм преобразования топонимического материала в соответствии с заданными параметрами, зависящими от истории развития топонимических моделей в данном регионе» [3, с. 5].

Особое место среди ономастических исследований занимает изучение искусственных номинаций. Так, М.В. Голомидова отмечает, что «поселения в черте города и сам город отличаются друг от друга: протяженностью границ; сложной социально-демографической картиной; обширной инфраструктурой, в которую входят административные, охранительные, индустриальные, культурно-просветительские и тому подобные формации; функциональными назначениями». М.В. Голомидова подчеркивает, что «именно город исполняет функцию центра, который координирует внутреннюю жизнь граждан и обеспечивает межнациональные связи» [1, с. 76].

А.С. Щербак делит урбанонимическое пространство на три сферы: «в первую сферу входят урбанонимы коммуникационного, предметного и ближайшего материального окружения, то есть, те названия внутригородских объектов, которые используются человеком в повседневном ориентировании. Сюда же входят неофициальные номинации улиц, площадей и т.д. Данные урбанонимы чаще всего встречаются в устной речи, а место их использования находится лишь в тех городах, где они постоянно на слуху» [5, с. 2].

Что касается типологии названий городских объектов на сегодняшний день традиционный характер приобрела лексико-семантическая классификация, которая отражает взаимодействие различных классов онимов внутри определенного ономастического пространства. Так, Р.В. Разумов предлагает обобщенную классификацию урбанонимов, «в которой за основу критерия выделения урбанонимов берется их соотносительность с разрядами онимов»:

- урбанонимы, мотивированные антропонимами;
- урбанонимы, мотивированные топонимами;
- урбанонимы, мотивированные экклезионимами;
- урбанонимы, мотивированные эргонимами;
- урбанонимы, мотивированные другими урбанонимами [2].

Далее данная классификация конкретизируется исследователем на основании собственной семантики слов: «урбанонимы, отражающие естественные особенности называемого объекта; урбанонимы, отражающие особенности объекта в связи с человеческой деятельностью; урбанонимы, отражающие идеологические предпочтения общества» [2].

По типу назначения все объекты городской топонимики Ирландии можно разделить на дома частного пользования, объекты общественного пользования (образовательные, лечебные и пенитенциарные учреждения), а также места культурно-просветительского назначения, такие как пабы и театры. Ирландские топонимы имеют один отличительный признак среди топонимов других стран Британских островов. Характерной особенностью ирландской топонимики является номинация сразу на двух языках (английском и ирландском) благодаря историко-политическому развитию этой страны. Двойная номинация широко распространена среди урбанонимов общественного характера. В данном исследовании рассмотрены номинации зданий духовно-просветительского и развлекательного назначения, например, пабов и театров.

В любой городской системе существуют объекты, которые являются местом объединения людей. Эти объекты зачастую отражают социальные и культурные особенности определенного поселения. В области ирландской урбанонимии такими объектами можно считать здания духовно-просветительского и развлекательного назначения, например, пабы и театры. Пабы представляют собой очень интересную группу урбанонимов, хоть и специфическую.

Сегодня паб – это один из основных элементов культуры Ирландии. Чтобы лучше изучить традиции и жизнь ирландцев, достаточно провести какое-то время в таких местах. Паб, своего рода обособленный социальный и культурный мир, который имеет свои ценности и традиции. Таким образом, попадая в данное заведение, у нас появляется возможность как отдохнуть, так и изучить многое о характере его посетителей. Но перед тем, как попасть туда, посетитель видит перед собой вывеску с названием данного заведения, что является своеобразным обращением к человеку, которое направленно на то, чтобы заставить его зайти. Важно, чтобы название на вывеске отличалось оригинальностью, а сама вывеска имела привлекательное изображение.

Свое современное значение паб получил в конце XV века, тогда паб стал отличаться от обычной таверны. Также следует отметить, что в то время пабы не имели собственных названий. В связи с большим уровнем неграмотности среди населения того времени, место надписи на вывеске занимал характерный знак или символ, описывающий направленность места. Так хозяева таверн и эльхаусов на вывесках вешали зеленные ветки, давая понять прохожим, что эль сварен, а само заведение готово к приему гостей.

Однако, вскоре вывески начали усложняться и со временем на них можно было увидеть оружие, герб или знак благородной семьи, что давало посетителю информацию о владельце дома. Таким образом появились такие названия как:

- *Cláirseach* – (ирл.) «Арфа»;
- *The Black Lion* – «Черный Лев»;
- *The Blue Boar* – «Синий Кабан»;
- *The White Hart* – «Белый Олень»;
- *Black Swans* – «Черные Лебеди»;
- *The Ship* – «Овца»;
- *The Plough* – «Плуг»;
- *The Rose* – «Роза».

В ходе истории символы на вывесках заменялись надписями, которые, в свою очередь, не всегда четко отражали характер заведения. Сами пабы тоже зачастую не передают то, что скрывается за их вывеской, помимо тех случаев, когда паб принадлежит определенной пивоварне. В последнем случае, ради рекламы паб будет носить название этой пивоварни. Принцип номинации пабов заключается в ее простоте; главное, чтобы название сразу бросалось в глаза, легко запоминалось и было хорошо знакомо всем жителям Ирландии.

Для того, чтобы привлечь внимание прохожего, некоторые вывески были сделаны в той форме, которая отражала название этого заведения:

- *Oaks* – в форме дуба;
- *The White Lion* – изображение белого льва;
- *Greenman & French Horn* – вывеска в виде зеленого человечка, играющего на валторне;
- *The Unicorn* – изображение единорога;
- *The Crown* – в виде короны;
- *The Beehive* – в форме улья.

Отдельный интерес вызывают современные обозначения пабов в разговорной речи, которые включают в себя следующие названия:

- *Boozer* – «пивная»;
- *battle cruiser* – «линейный крейсер»;
- *the local* – «окрестности»;
- *watering hole* – «скважина»;
- *rub-a-dub-dub* – дословно «купание в ванной», пример сленга (Cockney Rhyming Slang), обозначающего паб; этимологически имеет отношение к словам детской песенки, впервые опубликованной в конце XVIII века;

- *a nuclear sub* – «ядерная подводная лодка».

Рассмотрим названия ирландских пабов с точки зрения их структуры. Огромная доля названий ирландских пабов представлена однословными образованиями, которые могут быть выражены разными частями речи:

- *The Gravediggers* – «Могильщики», существительное;
- *The Snug* – «Уютное», прилагательное;
- *Oskars* – «У Оскаров», имя собственное;
- *The Meetings* – «Встречи», существительное;
- *The Alma* – «Альма», имя собственное;
- *The Royal* – «Королевский», прилагательное;
- *The Cobblestone* – «Булыжник», существительное;
- *The United* – «Объединенный», причастие [7].

Помимо простых наименований существуют двусловные названия, а также так называемые номинативные комплексы, состоящие из нескольких компонентов:

- *The Bleeding Horse* – «Кровавая Лошадь»;
- *The Crown Liquor Saloon* – «Ликерный Салон Короны»;
- *Dan and Molly's* – «У Дэна и Молли»;
- *Tigh Ned* – «Тигх-Нед»;
- *Grace Neill's Bar* – «Бар Грейс Нилл» [8].

Названия пабов, характеризующиеся своей краткостью и понятностью, легко усваиваются носителями языка. В названиях ирландских пабов можно выделить определенные и часто встречающиеся лексические основы, которые позволяют дифференцировать названия пабов по семантическому признаку. Среди них можно выделить следующие группы названий:

1) Названия с **геральдической** семантикой.

Изучая историю королевской Ирландии, можно увидеть, что когда-то страна насчитывала большое количество знатных родов и семей. Некоторые питейные заведения увековечили в своих названиях их геральдические символы:

- *The Antlers* – «Рога»;
- *Bear and Ragged Staff* – «Медведь и оборванный Посох»;
- *Black Griffin* – «Черный Грифон»;
- *Old Black Lion* – «Старый Черный Лев»;
- *Blue Boar* – «Синий Кабан»;
- *Castle* – «Замок»;
- *The Crown And Shamrock Inn* – «Корона и Трилистник»;
- *The Stag's Head* – «Голова Оленя»;
- *The Crown Liquor Saloon* – «Винный салон Короны»;
- *The CrossKeys Inn* – «Перекрестные Ключи» [8].

2) Названия, идентифицирующие по **фамильному (родовому)** признаку.

Благодаря тому, что пабы в Ирландии зачастую являются фамильным предприятием, они могут называться в честь семьи, владеющей этими заведениями, либо в честь самого владельца:

- *Durty Nellys Pub* – паб «Дарти Неллис»;
- *Devitt's Pub* – паб «У Девитта»;
- *Monroe's Tavern* – таверна «У Монро»;
- *Thomas Moore Tavern* – таверна «Томас Мур» [8].

3) Очень интересна следующая подгруппа, названия которой относятся к **литературе**.

Сюда входят имена поэтов и персонажей, названия произведений и характерных мест, описанных в известных художественных произведениях. Например:

- *Thomas Moore* – в честь одного из представителей ирландского романтизма Томаса Мура;

- *The Ginger Man* – «Рыжий», в честь главного героя одноименного романа ирландского писателя американского происхождения Джеймса Патрика Данливи;

- *John B Keane* – в честь ирландского писателя Джона Б. Кина;

- *The Cheshire Cat* – по имени сказочного персонажа, широко известного благодаря книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес»;

- *Peveril of the Peak* – по названию самого длинного романа шотландского писателя Сэра Вальтера Скотта [8].

4) Данная подгруппа одна из самых маленьких, участвующих в процессе номинации пабов. **Религия** на протяжении веков отражала быт и образ жизни ирландца. Отсюда возникли такие названия, как:

- *Jacobs Well BB* – название относится к «фонтану Иакова»;

- *Sean's Bar* – от имени библейского персонажа Иоанна Предтечи;

- *The Cross Keys Inn* – перекрестные ключи являются символом Святого Петра;

- *Patrick's* – в честь покровителя Ирландии Святого Патрика [8].

5) **Исторические названия** отражают некоторые события и причастных к ним людей. Такие названия являются определенным напоминанием о той или иной эпохе как в истории Ирландии, так и всемирной истории:

- *Jack White's Inn* – название заведения ссылается на ирландского пирата и контрабандиста Джека Уайта;

- *Henry Downes* – в честь ирландского епископа Генри Даунса;

- *The Spaniard Inn* – содержит аллюзию на битву у берегов Ирландии, в которой испанцы были повержены;

- *The Brian Boru* – Бриан Бору являлся королем Ирландии в 1002–1014 году;

- *Peadar O'Donnells* – Падар О'Доннелл являлся писателем и политическим деятелем Ирландии в первой половине XX века;

- *O'Connell's* – Дэниел О'Коннелл был ирландским политическим деятелем начала XIX века;

- *Kehoe's* – это название происходит от древнего рода монархов из Лейнстера;

- *Gus O'Connor's* – название содержит ссылку на ирландского адвоката и лидера движения чартистов (1839 по 1848) Фергюса О'Коннора;

- *Grace Neill's* – Грейс Нейлл боролась за права медсестер и акушеров, что способствовало инициированию законопроекта о «регистрации медсестры» в начале XX века [8].

6) Хорошая музыка, спорт, скачки, все это прекрасно описывает национальный дух Ирландии. Всякий гражданин этой страны является ярым поклонником футбольного или регбийного клуба, любит конные виды спорта или же просто фанат старой рок группы. Лексической основой данной подгруппы являются названия-упоминания о **развлечениях**. Например:

- *Phil Grimes Pub* – «Паб Фила Грайма», названный в честь игрока в исконно ирландскую игру *хёрлинг*;

- *Maggie May's Bar* – по названию песни Рода Стюарта;

- *The Jockeys Bar* – бар «Жокей»;

- *McDaid's* – в честь вокалиста и автора песен группы «Vega 4» Джонни МакДейда;

- *Matt Molloy's* – в честь талантливого ирландского флейтиста Метта Моллоя;

- *The Flying Dutchman* – лошадь по имени «Летучий Голландец»;

- *The Lucky Star* – лошадь по имени «Счастливая Звезда» [8].

7) **Названия-описания** передают характерную особенность заведения, говоря о его форме, прошлом назначении, атмосфере и т.д.:

- *TeachBeag* – (ирл.) «Маленький Дом»;

• *Tap Tavern* – «Таверна Кран», вероятно одна из первых таверн, в которой использовали краны для подачи напитка;

- *Coach Lane Restaurant* – ресторан «Вагонный Переулок»;
- *The Whiskey Still* – заведение, в котором подается виски;
- *The Old Thatch Pub* – паб «Старая Солома»;
- *The Snug* – «Уют», «уютное местечко»;
- *The Shoulder of Mutton* – «Баранья шея» [8].

8) Названия следующей подгруппы связаны с **морем и морской тематикой**:

- *Sailor's Bar* – бар «Моряк»;
- *The Beach Bar* – бар «Пляж»;
- *The Harbour Bar* – бар «Гавань»;
- *The Anchor* – «Якорь» [8].

9) Некоторые названия содержат компонент, указывающий на **месторасположение** паба, предоставляя таким образом сведения о находящемся или ранее расположенном рядом с заведением объекте:

- *The Monastery Inn* – паб «Монастырская Таверна»;
- *The Valley Inn* – паб «Долина»;
- *The Old Abbey Inn* – паб «Старое Аббатство»;
- *The Field Bar* – бар «Поле»;
- *Palace Bar* – бар «Дворец»;
- *The Long Stone* – «Длинный Камень»;
- *The Stanford Village Inn* – «Деревня Стэнфорд»;
- *The Mutton Lane* – «Бараний Переулок»;

• *The Hole in the Wall* – «Дыра в стене», к данному заведению ведет очень узкий проход [8].

10) Многочисленную группу составляют также названия, в которых есть упоминания **о животных и охоте**:

- *Shoot the Crows* – «Стреляй по Воронам»;
- *Badgers Bar and Restaurant* – бар-ресторан «Барсуки»;
- *The Squealing Pig Bar* – бар «Визжащий Поросенок»;
- *The Grasshopper Inn* – «Кузнечик»;
- *The Snailbox Bar* – бар «Улитка»;
- *Swan's Bar* – бар «Лебедь»;
- *Crowe's Nest* – «Гнездо Ворона»;
- *The Greyhound* – «Борзая» [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что название паба, как и сам паб – это отражение истории, культуры, традиций и национального характера Ирландии. Эти названия одновременно олицетворяют как современные тенденции, так и события прошлого, которые давно считаются достоянием национальной культуры. По одному лишь названию паба можно узнать о его удивительной истории, о людях, побывавших там, об особенностях местности или ландшафта, где изначально располагался паб, пока город не был застроен. Таким образом, лексико-семантический и этимологический анализ номинации пабов позволяет изучить значение пабов в историческом и страноведческом аспектах, а также проследить историографию распространенных в Ирландии урбанонимов.

Театры. Театр занимается культурно-просветительской деятельностью, собирая под своей крышей большое количество людей. Свое развитие ирландский театр начал вместе с революцией в начале XX века. Он являлся одновременно культурным центром и местом встречи больших групп людей, которые обсуждали последние события в стране.

Театры – это достаточно маленькая группа урбанонимов, по сравнению с остальными, но не менее значимая. Названия этой группы несут в себе большой объем информации, так как театры являются теми сооружениями, которые сразу привлекают внимание, всегда

включены в список самых часто посещаемых мест как местными жителями Ирландии, так и туристами. Владельцы театров, как и владельцы пабов, вероятно, пытались передать ту информацию, которая могла бы отразить как характер места, где расположен театр, так и его направленность.

Мотивировка названий, в которых содержится описание месторасположения, заключается в том, чтобы подчеркнуть значимость того или иного урбанонима для жителей ближайших районов. Благодаря этому возникли названия по типу:

- *An Grianán Theatre* (ирл. *Amharclann an Ghrianáin*) – театр «Грианан», в переводе с ирландского означает «Каменный дом солнца»;
- *Gate Theatre* – театр, который находится недалеко от городских ворот;
- *Mullingar Arts Centre* – «Центр искусств Муллингар» – театр, находящийся в городе Муллингар;
- *Red Sandstone Varied Productions* – вероятно, ранее, неподалеку располагалось место, где добывали известняк;
- *Smock Alley Theatre* – театр, стоявший в дыму, который шел из каминных дымоходов;
- *Pike Theatre* – недалеко от этого места находился пруд, где можно было поймать щуку;
- *Abbey Theatre* – «Театр Аббатства», театр в близи аббатства [9].

Некоторые названия отражают тот или иной исторический период и событие. Сюда входят названия, семантически связанные с древней религией и эпохой. Например:

- *Druid Theatre Company* – «Театр Друидов», название этого театра упоминает жрецов древних кельтских народов;
- *Eblana Theatre* – «Театр Эблана», его название относится к древнему ирландскому поселению, описанному в работах Клавдия Птолемея;
- *Queen's Theatre* – «Театр Королевы», его название относится к временам королевской Ирландии;
- *The Rabbit's Riot Theatre Company* – это название относит нас к уличным беспорядкам в Нью-Йорке 1857 года;
- *Theatre Royal* – «Королевский Театр», название также отсылает нас к ирландской монархии;
- *W.G. Fay's Irish National Dramatic Company* – «Ирландская национальная драматическая труппа WG Fay», своим названием театр отдает дань уважения одному из своих основателей Уильяму Фею – актеру и театральному продюсеру [9].

Следует также упомянуть названия, особенностью которых является передача характера объекта. Например: *Focus Theatre* – театр «Фокус», *Gaiety Theatre* – «веселье + театр», *Siamsa Tire Theatre* – в переводе с ирландского «развлечение земли».

Следующая группа названий содержит некую характеристику предполагаемых посетителей. Здесь можно увидеть, например, названия, которые приглашают людей разного возраста или разного достатка:

- *Everyman Palace Theatre* – этот театр, вероятно, был доступен каждому;
- *Second Age Theatre Company* – этот театр ориентирован на более молодую публику, так скажем, на «молодого зрителя» [9].

Последняя группа характеризуется заимствованиями из других языков. Отсюда:

- *Olympia Theatre* – «Театр Олимпия» (с греч. «Of Olympus»);
- *Aula Maxima* – (лат.) «Большой Зал» [9].

Проанализировав процессы номинации театров, можно сказать, что они схожи по своим задачам, мотивировке и деривационным моделям с процессами номинации других культурно-развлекательных учреждений. Названия театров, точно так же, как и пабы, передают дух эпохи, уникальность места их расположения или культурные традиции населения Ирландии. С точки зрения страноведения, такие места, как театры и пабы, можно условно назвать учебными центрами по изучению истории и культуры страны.

Таким образом, с точки зрения семантики названия пабов включают названия, связанные с геральдикой, литературой, религией, историей, развлечениями, морем, местоположением, животными и охотой. Также есть пабы, которые имеют родовые имена и названия-описания. Названия театров отражают их местоположение, исторические события, религию, их характер и характеристики зрителей. Отдельную группу составляют заимствованные наименования.

Список литературы

1. Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998. 215 с.
2. Разумов Р.В. Человек в информационном пространстве: межвузовский сборник научных трудов: в 2 т. Ярославль: Ярославский гос. пед. ун-т, 2010.
3. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: на материале английского, русского и французского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004. 16 с.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: URSS, 2007. 366 с.
5. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2008. 47 с.

Список источников

6. Леонович О.А. Введение в англоязычную ономастику: учебное пособие. М.: КДУ, 2012. 250 с.
7. 42 BEST Pubs in Ireland. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.theirishroadtrip.com/best-pubs-in-ireland-map> (дата обращения: 07.11.2025).
8. Все о культуре ирландских пабов. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/169033-irlandiya>. (дата обращения: 07.11.2025).
9. Irish theatres. [Электронный ресурс] // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_Irish_theatres_and_theatre_companies. (дата обращения: 07.11.2025).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БИЛИНГВИЗМЕ НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ

Тарасова К.Э.
преподаватель
Политова К.А.
студент

CONCEPTUAL REPRESENTATION OF BILINGUALISM BASED ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE JOURNALISTIC ARTICLES

Kira E. Tarasova
Kristina A. Politova

АННОТАЦИЯ. В современном мире даже в странах, позиционирующих себя как моноязычные (с одним государственным языком), проживают этнокультурные сообщества, говорящие на двух или более языках. Исследования явления билингвизма ведутся в различных науках, что делает актуальным рассмотрение данного понятия в рамках антропоцентрической парадигмы в когнитивной лингвистике. В данной статье на материале публицистических статей анализируется фрагмент англоязычной языковой картины мира, актуализирующий представления их авторов, выступающих языковыми личностями, о билингвизме. На основе дефиниционного, контекстуального и концептуального видов анализа расширяется концептуальное представление о рассматриваемом явлении. Рассмотрение авторов как языковых личностей позволяет не только изучить лексические единицы, которые они используют при описании билингвизма, но и проследить их отношение к описываемым явлениям.

Ключевые слова: билингвизм, концепт, концептуализация, языковая картина мира, дефиниционный анализ, контекстуальный анализ.

ABSTRACT. In the modern world, even countries that claim to be monolingual (with a single official language) are home to ethnocultural communities that speak two or more languages. Research on bilingualism is conducted in various disciplines making it relevant to examine this concept within the anthropocentric paradigm of Cognitive Linguistics. The present article, drawing on journalistic articles, creates a fragment of the English-language linguistic worldview that updates the understanding of bilingualism by their authors who act as linguistic identities. Using definitional, contextual and conceptual analysis, the conceptual understanding of the phenomenon is expanded. Furthermore, examining the authors as linguistic identities allows us not only to examine the lexical units they use to represent bilingualism but also to explore their attitudes toward the phenomena they describe.

Key words: bilingualism, concept, conceptualization, linguistic worldview, definitional analysis, contextual analysis.

Тема билингвизма приобретает все большую значимость в условиях глобализации мира, где межкультурная коммуникация становится повседневной нормой. Однако за этим, казалось бы, понятным термином скрывается сложный и многогранный концепт, семантика которого выходит далеко за рамки простого определения *владения двумя языками*.

Цель данной статьи заключается в формировании представления о билингвизме на материале англоязычных публицистических статей, авторы которых выступают языковыми личностями. Актуальность исследования обусловлена необходимостью междисциплинарного изучения билингвизма в рамках когнитивной лингвистики. В данном исследовании применялись следующие методы анализа: дефиниционный, концептуальный и контекстуальный анализы, метод сплошной выборки, описательный метод.

Российская лингвистика предлагает множество интерпретаций понятия «билингвизм». Мнения российских ученых эволюционировали от структурного подхода к билингвизму до функционально-деятельного и нейролингвистического. Так, еще на рубеже XIX–XX веков Л.В. Щерба рассматривал билингвизм через призму лингвистической компетенции и утверждал, что суть не в формальном знании двух языков, а в способности строить осмысленные высказывания на каждом из них, не смешивая системы [7, с. 313]. Михаил Михайлович Бахтин чуть позднее рассматривал проблему с философско-лингвистической точки зрения. По его мнению, билингвизм – это не просто знание двух кодов, а явление, лежащее в основе диалога культур. Языки в сознании билингва вступают в диалог, взаимодействуют, обогащают друг друга [1, с. 222]. Освещение вопросов многоязычия восходит ко временам Советского Союза и советской лингвистической науки, где синонимичные термины *многоязычие*, *мультилингвизм* и *полилингвизм* трактуются, с одной стороны, как употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности, то есть *национальное многоязычие*, поскольку речь идет прежде всего о государственных образованиях, а с другой стороны, как использование отдельным человеком в повседневной жизни нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, и в этом случае используется термин *индивидуальное многоязычие*. Социальное или национальное многоязычие в отечественной научной традиции чаще всего выступало объектом исследования лингвистики и социолингвистики, тогда как индивидуальное многоязычие в большей степени рассматривалось психологией и педагогикой.

На контрасте подходов к изучению понятия билингвизма современная лингвистика активно изучает билингвизм с помощью новых и инновационных методов. Фокус сместился на изучение того, как билингвизм влияет на когнитивные функции, на работу мозга и процессы его старения. Эволюция концепции билингвизма в отечественной науке наглядно демонстрирует усложнение и углубление понимания этого феномена. Этот сдвиг парадигмы от изучения внешних проявлений к анализу внутренних механизмов находит свое концентрированное и практическое воплощение в современных эмпирических исследованиях.

В данном исследовании понятие билингвизм рассматривается в рамках когнитивной лингвистики с точки зрения того, как представления о данном явлении актуализируются в англоязычной языковой картине мира на примере англоязычных публицистических статей, авторы которых предстают языковыми личностями. Перед тем как непосредственно перейти к контекстуальному анализу статей, представляется необходимым определить такие понятия как *концепт*, *концептуализация* и *языковая картина мира*, а также провести дефиниционный анализ рассматриваемой лексики.

Человек познает, воспринимает и интерпретирует окружающий его мир с помощью знаков, символов, изображений, схем и т.д. Процесс концептуализации является одним из самых важных процессов познавательной деятельности человека, который «заключается в осмыслении ... поступающей информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы» [4, с. 93] в сознании человека. Под концептом принято понимать оперативную содержательную «единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [4, с. 90]. Данные концепты аккумулируются в концептуальную картину мира и актуализируются в языке на разных уровнях языка: от слова до предложения, формируя языковую картину мира, которая преломляется через языковые формы, описывая часть концептуальной картины мира в

процессе вербального общения [5, с. 5].

Существуют разные подходы к определению понятия билингвизма в отечественных и зарубежных исследованиях. В словаре лингвистических терминов под рассматриваемой лексемой понимается «взаимодействие двух или трех языков в одном и том же языковом коллективе, языковом социуме» [6, с. 49], при этом отдельно выделяется билингвизм как социальное явление, рассматривающее функционирование языков в пределах одной страны. Выбор употребления членами этнокультурного общества одного из нескольких языков происходит в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. В социолингвистическом словаре понятие *bilingualism* определяется как использование двух или более языков (тогда речь идет уже о многоязычии) отдельным человеком или этнокультурным сообществом. Стоит отметить, что иногда проводится различие между индивидуальным билингвизмом (т.е. людьми, говорящими более чем на одном языке, но не обязательно проживающими в дву- или многоязычном сообществе) и общественным билингвизмом (т.е. сообществами, в которых говорят на нескольких языках, хотя не все члены этой группы обязательно владеют более чем одним языком) [12, р. 27–28]. С точки зрения социолингвистики, билингвизм рассматривается не только как индивидуальная характеристика, но и как свойство целой социальной группы или общества. Можно выделить следующие ключевые словосочетания, репрезентирующие концептуальные представления о рассматриваемом явлении в русском языке – *взаимодействие языков, социальная общность, выбор языка, коммуникативная ситуация, несколько языков*; в английском языке – *the use of two or more languages, individual bilingualism, societal bilingualism*.

В толковом словаре русского языка понятие *билингвизм* имеет два значения: «существование в стране на равных правах двух языков», «владение двумя языками или литературным языком и диалектом с попеременным их использованием в зависимости от ситуации» [2]. В толковых словарях английского языка лексема *bilingualism* имеет следующие значения: способность говорить на двух языках; постоянное использование двух языков этнокультурным сообществом; политическое или институциональное признание двух языков [8; 10]. Здесь стоит обратить внимание на словосочетания *два языка, на равных правах, владение, попеременное использование* в русском языке и *two languages, the ability to speak, the frequent use, the political recognition, equal importance* в английском. Таким образом, данное понятие трактуется как способность человека использовать два языка в различных ситуациях. Это может включать в себя как активное владение обоими языками, так и пассивное понимание. Билингвизм может проявляться в разных формах, например, в том, что человек свободно говорит, читает и пишет на двух языках или использует один язык в определенных контекстах, а другой – в других.

Приведенный выше дефиниционный анализ позволяет говорить о том, что билингвизм предстает сложным, системным образованием, представляющим собой способность и практику попеременного использования двух языков (знаковых систем) индивидом или социальной общностью, при которой выбор языка осуществляется в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией, что делает язык инструментом общения, выполняющим определенную функцию. Отсутствие единого определения и многоаспектность явления обуславливают необходимость его дальнейшего изучения и служат обоснованием для дальнейшего изучения данного явления в рамках междисциплинарного подхода с учётом современной антропоцентрической парадигмы.

Обратимся к анализу трех публицистических статей, взятых из американской газеты *The New York Times* и британской газеты *The Guardian*. Авторы данных статей предстают языковыми личностями, что позволяет рассматривать их с точки зрения принадлежности к определенному этнокультурному сообществу, разделяющему определенные представления об окружающем их мире, с одной стороны, а с другой – изучить их мотивационные предрасположения и использование знаковых систем, то есть употребление конкретных языковых единиц [3, с. 22, 27]. Данный подход позволит нам рассмотреть языковые единицы, используемые авторами в текстах, для определения фрагмента англоязычной языковой

картины мира, описывающей представления о билингвизме, а также рассмотреть их отношение к данному явлению, оговорив коннотации используемых ими слов.

Рассмотрим данное предложение: “*Being bilingual, it turns out, makes you smarter*” [13]. Выражение *make you smarter* дословно переводится как «делает тебя умнее» и преподносит билингвизм как мощный инструмент для развития личности и связывает его с ключевыми современными ценностями: когнитивным превосходством, эффективностью и успехом. Коннотация слова *smarter* в данном контексте является положительной.

В следующем примере: “*In a study comparing German-Italian bilinguals with Italian monolinguals on monitoring tasks, ... the bilingual subjects not only performed better, but they also did so with less activity in parts of the brain involved in monitoring, indicating that they were more efficient at it*” [13] словосочетание *performed better* в переводе на русский язык означает следующее: *показали лучшие результаты, справились с задачей лучше*. В научном контексте термин *perform* используется для обозначения деятельности испытуемых в эксперименте. Коннотация словосочетания *performed better* в данном контексте является положительной. Выражение служит для констатации внешнего и наблюдаемого. Оно связывает билингвизм с конкретными, количественно проверяемыми достижениями в контролируемых условиях эксперимента.

В данном предложении “*... individuals with a higher degree of bilingualism ... were more resistant than others to the onset of dementia and other symptoms of Alzheimer’s disease: the higher the degree of bilingualism, the later the age of onset*” [13] выражение “*were more resistant to the onset of dementia*” (были более устойчивы к развитию деменции) служит для описания активного защитного эффекта и связывает билингвизм с улучшением здоровья мозга. Коннотация словосочетания *were more resistant* в данном контексте создает убедительный образ билингвизма как инструмента для построения «когнитивного резерва» и сохранения здоровья мозга на протяжении всей жизни. Прилагательное *resistant* имеет положительное значение.

Далее рассмотрим следующий пример: “*Intellectually, [the bilingual child’s] experience with two language systems seems to have left him [or her] with a mental flexibility, a superiority in concept formation, a more diversified set of mental abilities*” [9]. *Superiority in concept formation* в переводе на русский язык имеет следующие значения: превосходство, преимущество, первенство, господство (и др.) в формировании понятий. Лексема *superiority* принадлежит к семантическому полю, связанному с градацией и иерархией. Ее использование предполагает существование сравнительной базы и означает превосходную производительность в задачах и более совершенную работу по формированию понятий. Выражение *diversified set of mental abilities* в русском переводе означает разнообразный набор умственных способностей. Конструкция обладает позитивной коннотацией, основанной на идее когнитивного разнообразия. В данном случае семантическое поле связано с разнообразием и богатством. Понятие *diversified set* подразумевает широту когнитивных ресурсов. Это указывает на наличие более широкого спектра стратегий решения задач, способности к переключению между ментальными операциями и гибкости мышления. В совокупности эти лексические единицы формируют коннотативный профиль, описывающий когнитивные преимущества билингвизма с двух взаимодополняющих сторон. Коннотации выражений *superiority in concept formation* и *diversified set of mental abilities* в данном контексте также являются положительными.

Перейдем к следующему примеру: “*For bilinguals, with their exceptionally buff executive control, the flanker test is just a conscious version...*” [9]. Разделив выражение *exceptionally buff executive control* на несколько синтагм, можно увидеть следующие словосочетания: *exceptionally buff*, *executive control*. В словосочетании *exceptionally buff* слово *buff* имеет переносное значение, так как в дословном переводе оно означает «прокачанный», «накаченный»; его употребление связано со спортом и физической подготовкой. В данной ситуации *buff* принимает значение когнитивной натренированности и переводится как «эффективный». Словосочетания *executive control* также понимается в переносном значении.

Лексема *executive* прошла путь семантического переноса из управленческо-административной сферы в нейрокогнитивную. От исконного значения «осуществляющий управление/исполнение» она приобрела значение «когнитивный». Таким образом, в переводе на русский язык словосочетания *exceptionally buff executive control* обозначает исключительно эффективный когнитивный контроль, что также имеет положительную коннотацию и характеризует билингвизм с лучшей стороны.

В данном примере следует обратить внимание на употребление автором некоторых прилагательных: “*Bilinguals perform these tasks much better than monolinguals – they are faster and more accurate*” [9]. *Faster and more accurate* переводятся как «быстрее и более точно», что соответствует значению когнитивной эффективности. *Faster* приобретает значение меньшей временной затратности и высокой скорости обработки информации, в то время как выражение *more accurate* описывает меньшее количество ошибок и высокую степень соответствия цели.

Автор следующей статьи [11] приводит несколько примеров из повседневной жизни, где ее знание испанского позволяло ей помогать другим испаноязычным людям, которых игнорировали или не понимали: “*And those of us who speak only Spanish are too often dismissed and worse, targeted – by women pushing shopping carts, by ICE raids, by gunmen with anti-immigrant manifestoes*” [11]. Лексема *dismissed* в дословном переводе означает «отвергнут», «проигнорирован». Это слово означает отрицание значимости, ценности и самого права на голос. Оно несет в себе коннотации пренебрежения, высокомерия и безразличия. *Targeted by* в данном контексте переводится как «стать целью/мишенью (кого-то)» и является усилителем предыдущей лексемы. Данное слово создает семантическое поле целенаправленной агрессии.

В данном примере автор продолжает говорить о своем билингвальном опыте: “*I’m most thankful that I can speak Spanish because it has allowed me to help others*” [11]. Словосочетание *allowed to help* подразумевает абстрактное желание помочь и показывает билингвизм как инструмент социализации. Фраза имеет исключительно положительную коннотацию. Данное высказывание демонстрирует как лингвистическая способность внедряется в личностную идентичность и систему ценностей.

Стоит обратить внимание на употребление следующих слов и словосочетаний, составляющих представление о билингвизме и образующих соответствующий фрагмент англоязычной языковой картины мира:

- с одной стороны, можно выделить ряд словосочетаний, описывающих языковую сторону: *bilingualism, multilingualism, speaking two languages, proficiency in each language, to switch languages, the advantages of bilingualism*;
- с другой стороны, в статьях авторами используются лексические единицы, характеризующие когнитивные процессы восприятия окружающего мира билингвами: *profound effect on your brain, improving cognitive skills, cognitively speaking, a bilingual’s brain, different mindsets for each language*.

Таким образом, можно сделать вывод о сложном и многомерном характере коннотаций, связанных с концептуальными представлениями о билингвизме в современной науке. Билингвизм выступает не только в роли лингвистической характеристики, но и как значимый когнитивный и социальный ресурс личности. Проведенный анализ позволяет не только говорить о позитивном отношении авторов статей как языковых личностей к рассматриваемому явлению, но и расширить концептуальное пространство представлений о билингвизме, сформированное на основе дефиниционного анализа, за счет произведенной выборки лексических единиц, актуализирующих представление о данном явлении, что в свою очередь позволяет сформировать фрагмент англоязычной языковой картины мира. Современная наука рассматривает билингвизм не как простое владение двумя языками, а как качественно иное, более эффективное состояние когнитивной системы, обеспечивающее его носителю комплексное преимущество.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений, т. 4 (2). М.: Языки славянской культуры, 2010. 752 с.
2. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 29.11.2025).
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
5. *Кубрякова Е.С.* Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2003. №4 (38). С. 2–12.
6. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
7. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
8. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 29.11.2025).
9. *Vince G.* Why being bilingual works wonders for your brain [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/science/2016/aug/07/being-bilingual-good-for-brain-mental-health> (дата обращения: 29.11.2025).
10. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bilingualism> (дата обращения: 29.11.2025).
11. *Jones T.* The joys and benefits of bilingualism [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/09/20/opinion/bilingual-children.html> (дата обращения: 29.11.2025).
12. *Swann J., Deumert A., Lillis T., Mesthrie R.* A Dictionary of Sociolinguistics. Edinburgh University Press, 2004. 268 p.
13. *Bhattacharjee Yu.* Why Bilinguals Are Smarter [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2012/03/18/opinion/sunday/the-benefits-of-bilingualism.html> (дата обращения: 29.11.2025).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 327.8

СРЕДСТВА КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА «ДРУГОГО» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА)

Бармина Е.А.

кандидат филологических наук, доцент

Бармин Д.В.

магистрант

CONSTRUCTING IMAGES OF THE “OTHER” IN MODERN MEDIA IN ENGLISH (CASE STUDY OF THE CONFLICT IN SYRIA)

Evgeniia A. Barmina

Dmitrii V. Barmin

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению лингвистических средств конструирования образа «Другого» в современных англоязычных СМИ на материале публикаций, посвященных сирийскому конфликту. Военные конфликты получают широкое освещение в СМИ, которые превращаются в оружие информационной войны и манипулирования общественным сознанием. Медиарепрезентация того или иного события неизбежно связана с выражением субъективной оценки, транслируемой изданием с учетом социально-политических реалий. Экспрессивность способствует значительному увеличению прагматического потенциала высказывания. Выразительные средства языка позволяют оказать не только эмоциональное, но и манипулятивное воздействие на получателя сообщения, что позволяет СМИ участвовать в конструировании образа «Другого». В контексте репрезентации сирийского конфликта стратегии СМИ нацелены на негативизацию и дегуманизацию образа бывшего лидера страны Башара Асада. На примере сирийского конфликта можно проследить трансформацию воображаемой идентичности при смене лидера и прихода к власти более удобной и договороспособной кандидатуры.

Ключевые слова: СМИ, образ, сирийский конфликт, выразительные средства, негативизация, дегуманизация.

ABSTRACT. The article provides a case study of the linguistic means used in modern mass media in English for constructing images of the “Other”. Military conflicts receive extensive coverage in mass media, which turns into a weapon of information warfare and manipulation of public opinion. Media representation of an event is always subjective revealing ideology and socio-political environment. Expressive means contribute to a significant increase in the pragmatic potential of the text. In the context of the representation of the conflict in Syria, media strategies are aimed at negatively portraying and dehumanizing the image of the country’s former leader. The case of Syria can be used to trace the transformation of an imagined identity when the ousted leader is replaced with a more suitable and negotiable candidate.

Key words: mass media, image, conflict in Syria, expressive means, negative portraying, dehumanizing.

Возрастающее количество региональных и международных конфликтов делает актуальным не только изучение причин их возникновения, но и анализ лингвистических средств их репрезентации в СМИ. Военные конфликты получают широкое освещение в СМИ, которые превращаются в оружие информационной войны и манипулирования

общественным сознанием. На информационном поле используются свои приемы борьбы, направленные на дискредитацию и дегуманизацию «Другого». Подача информации в негативном оценочном ключе помогает изменить ориентиры и понимание описываемой ситуации. Повсеместная доступность и высокая скорость производства и распространения информации определяют значимость СМИ как средства воздействия на целевую аудиторию. Несмотря на необходимость соблюдения принципов точности, достоверности и непредвзятости подачи информации, предъявляемых к качественным, авторитетным изданиям, медиарепрезентация того или иного события неизбежно связана с выражением субъективной оценки, транслируемой изданием с учетом социально-политических реалий. Представляя целевой аудитории опосредованное восприятие фактов и событий, СМИ активно вовлечены в формирование и тиражирование стереотипов и конструирование образов по линии «Свой» – «Другой» – «Чужой» – «Враг». При этом принципиальное отличие заключается в том, что «Другой» – это иной, которого можно понять, с которым даже можно искать общий язык; если же «Другой» посягает на «наши» экзистенциальные ценности, он превращается во «Врага» [5].

Потенциал политического воздействия за счет использования стереотипных представлений о «Другом» отмечается в ряде работ [4; 6]. Таким образом, СМИ превращаются в эффективный инструмент влияния на общественное мнение, конструирования социальной реальности (так называемая «четвертая власть»).

Медиацентричный характер современной культуры [1] определяет актуальность исследования лингвостилистических характеристик медиатекстов. «В современных геополитических реалиях язык не только отражает реальность, но и выступает действенным средством формирования информационной повестки дня» [3, с. 201]. В фокусе настоящего исследования – лингвистические средства репрезентации образа «Другого», выделение которых позволит разграничить факты и их субъективную оценку (точку зрения автора).

Затянувшийся сирийский конфликт предоставляет обширный материал для исследования средств формирования образа «Другого» в англоязычных СМИ.

Одним из наиболее эффективных средств является метафора. Метафорическая репрезентация прослеживается при описании как внешних противников, так и внутренних проблем:

*“...Syria is **descending into yet another wave of bloody sectarian violence**. A local dispute between a Bedouin tribesman and a member of the Druze minority **sparked clashes** that drew in Syrian government forces and triggered Israeli airstrikes – **leaving a trail of bodies in their wake**.”* [8]

*“...**dragging Syria deeper into the cycle of violence**.”* [8]

*What is perhaps most alarming is the speed with which **incidents can spiral**, and the inability or unwillingness of the new government to control what is less an army than **a ragbag of militias and warlords**.”* [14]

*“...**a fragmented and deeply scarred country**.”* [14]

*“**Descent Into Horror**.”* [12]

В целом, в статьях периода с конца 2024 по настоящее время метафорика конфликта усиливается за счет высокой частотности таких лексем с отрицательной коннотацией, как *horrific, sectarian mass violence, massacres, slaughter*.

Дается косвенное (*regime forces*) или прямое указание виновников текущего кризиса (*brutality of the Assad dictatorship*) [10], *Bashar’s rule would become even more horrific than his father’s, a regime willing to industrialise the detention, torture and murder of huge numbers* [7]. Выбор экспрессивно окрашенных лексических единиц (*brutality, dictatorship, horrific, torture*) способствует усилению негативного образа.

Следовательно, репрезентация конфликта в СМИ невозможна без обращения к образу лидера страны. Интересно пронаблюдать, как конструируются образы бывших президентов Сирии Башара Асада и его отца Хафеза Асада. Важную роль в процессе дегуманизации их образов играет зооморфная метафора. Метафоры опасных животных, монстров и паразитов

служат средством привнесения негативной оценки при концептуализации определенной сферы-мишени в массовом сознании [2].

*“Bashar al-Assad is the **“rat of Damascus fleeing to Moscow with his tail between his legs”**, the foreign secretary has said after Islamist rebels took control of the Syrian capital over the weekend.”* [9]

Умелая языковая игра и зооморфная метафора в заголовке (т.е. в сильной позиции) позволяет реализовать пейоративные интенции в полном объеме: ***Syria’s “Lion” Was Really a “Monster”***.

“His family’s official name was Assad (Arabic for “the lion”) but that had been changed from Wahsh (“wild beast” or “monster”).” [13]

Авторы публикаций активно используют экспрессивный потенциал синтаксиса:

*“...Bashar’s brief embrace by the west – that nodded to an ambition to transform Hafez’s Syria into something more like a version of Jordan’s paternalistic royal family. **More manicured. Certainly more PR-savvy. A dictatorship all the same.**”* [7]

Парцелляция помогает расставить необходимые акценты и способствует усилению эффекта неожиданности последнего предложения, которое и является ключевым для выражения авторской позиции.

*“President Bashar al-Assad, who **wielded fear and force** over Syria for more than two decades, **fled the country under the cover of night – and a fake political address.**”* [11]

В данном фрагменте, помимо парцелляции, необходимый эффект достигается за счет противопоставления факта бывшего могущества и униженности побега под покровом ночи.

Описание сирийского конфликта и его последствий предоставляет также широкое поле для конструирования негативного образа российского лидера:

*“First was the decision by Vladimir Putin to deploy Russian forces to sustain Assad, in a **cynical manoeuvre** designed to bolster Moscow’s claim to substantive influence in the wider Middle East.”* [7] Публикации сопровождаются визуальным рядом: совместными фотографиями Асада и Путина в момент рукопожатия, что позволяет закрепить необходимые манипулятору ассоциации, провести параллели: сопричастности России к текущей ситуации в Сирии.

В целом, в англоязычных публикациях наблюдается негативизация образа бывшего сирийского лидера. Это уже не просто «Другой», это «Враг», против которого надо консолидировать силы для защиты собственных ценностей. Параллельно идет трансформация образа нынешнего главы Сирии, Ахмеда Аш-Шараа, с которым готовы вести диалог, даже несмотря на его связи с одной из террористических организаций в прошлом. То есть Ахмед Аш-Шараа – тот иной, с которым можно договариваться, который на данный момент не угрожает западным экзистенциальным ценностям. Таким образом, трансформация воображаемой идентичности происходит в зависимости от политического контекста.

Выводы:

1. СМИ обладают широким спектром инструментов как репрезентации, так и конструирования реальности.

2. Экспрессивность способствует значительному увеличению прагматического потенциала высказывания. Выразительные средства языка позволяют оказать не только эмоциональное, но и манипулятивное воздействие на получателя сообщения, что позволяет СМИ участвовать в конструировании образа по линии «Свой» – «Другой» – «Чужой» – «Враг» и формировании картины мира целевой аудитории.

3. Можно утверждать, что во многом именно личность политического лидера (как самого яркого представителя ценностного дискурса) определяет образ всей нации в качестве «Другого», «Чужого» или «Врага».

4. Стратегии дискредитации, негативизации и дегуманизации могут применяться к одному лицу или группе лиц и в целом к народу. В контексте репрезентации сирийского конфликта стратегии англоязычных СМИ нацелены на негативизацию и дегуманизацию

образа именно бывшего лидера страны. На примере сирийского конфликта можно проследить трансформацию воображаемой идентичности при смене лидера и прихода к власти более удобной и договороспособной кандидатуры.

Список литературы

1. *Анненкова И.В.* Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ. М.: Изд-во Московского ун-та; Фак. журн. МГУ, 2011. 391 с.
2. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ // Язык и культура. 2022. №60. С. 8–21. DOI: 10.17223/19996195/60/1.
3. *Кошкарова Н.Н.* Метафорическая репрезентация палестино-израильского конфликта в официальном политическом дискурсе // Political Linguistics. 2024. №4. С. 197–204. URL: <https://politlinguistika.ru/images/4-2024/4-2024-197-204.pdf> (дата обращения: 28.09.2025).
4. *Москаленко О.А., Ирхин А.А., Демешко Н.Э.* Имагология как средство социального конструирования: украинский аспект превращения «другого» во «врага» // Международная жизнь. 2024. С. 126–137.
5. *Соловьев А.* Другой – Чужой – Враг: трансформации воображаемых идентичностей // Россия в глобальной политике. 2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/drugoj-chuzhoj-vrag> (дата обращения: 30.09.2025).
6. *Barkhoff J., Leerssen J.* Introduction // National Stereotyping, Identity Politics, European Crises. Brill, 2021. P.1–12.

Источники иллюстративного материала

7. *Beaumont P.* From doctor to brutal dictator: the rise and fall of Syria's Bashar al-Assad URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/08/syria-doctor-to-brutal-dictator-rise-fall-bashar-al-assad> (дата обращения: 28.09.2025).
8. *Christou W.* Escalating unrest in Syria lays bare new regime's momentous challenges. URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/jul/19/escalating-unrest-in-syria-lays-bare-new-regimes-momentous-challenges> (дата обращения: 28.09.2025).
9. *Courea E.* David Lammy calls Bashar al-Assad 'the rat of Damascus'. URL: <https://www.theguardian.com/world/2024/dec/09/uk-foreign-secretary-david-lammy-calls-bashar-al-assad-the-rat-of-damascus> (дата обращения: 28.09.2025).
10. *Gall C., Alnassife S.* Still Divided, a Syrian City Ruined in War Edges Back to Life. URL: <https://www.nytimes.com/2025/09/19/world/middleeast/syria-deir-al-zour.html> (дата обращения: 28.09.2025).
11. *Hubbard B., Fassihi F., Goldbaum C., Saad H.* Deception and Betrayal: Inside the Final Days of the Assad Regime. URL: <https://www.nytimes.com/2024/12/21/world/middleeast/assad-regime-syria-final-days.html> (дата обращения: 28.09.2025).
12. *Laub Z., Maizland L., Robinson K., Masters J.* Syria's Civil War: The Descent Into Horror. URL: <https://www.cfr.org/article/syrias-civil-war> (дата обращения: 28.09.2025).
13. *Pipes D.* Syria's 'Lion' Was Really a 'Monster'. URL: <https://www.meforum.org/syrias-lion-was-really-a-monster> (дата обращения: 28.09.2025).
14. The Guardian view on Syria's hopes and fears: stability can't be built without the people URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2025/jul/27/the-guardian-view-on-syrias-hopes-and-fears-stability-cant-be-built-without-the-people> (дата обращения: 28.09.2025).

ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

УДК 32.019.51

МЕДИА КАК ИНСТРУМЕНТ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ТЮРКСКОГО МИРА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Демешко Н.Э.
кандидат политических наук, доцент
Иванова В.А.
магистрант

MEDIA AS A TOOL FOR POPULARIZING THE TURKIC WORLD IN THE POST-SOVIET SPACE

Natalya E. Demeshko
Valeria A. Ivanova

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию ключевых инициатив Турции, направленных на консолидацию стран тюркского мира через создание единого информационного пространства. В фокусе внимания авторов находятся практические инструменты данной стратегии, включая специализированные платформы, финансовую поддержку СМИ, целевой аудиторией которых выступают народы тюркского происхождения, и проведение профессиональных мероприятий для журналистов. Авторы приходят к выводу, что медиаполитика служит одним из ключевых компонентов долгосрочного проекта Турции по конструированию общетюркской идентичности и минимизации влияния внешнеполитических акторов в регионе.

Ключевые слова: Турецкая Республика, тюркский мир, СМИ, постсоветское пространство, глобальное лидерство, пантюркизм.

ABSTRACT. The article examines Turkey's key initiatives aimed at consolidating the Turkic world by establishing a unified information space. The study focuses on the practical instruments of this strategy, which include specialized platforms, financial support for media targeting Turkic communities, and professional events for journalists. The authors conclude that Ankara's media policy functions as a core component of its long-term project to construct a Pan-Turkic identity and diminish the influence of external geopolitical actors in the region.

Keywords: Turkish Republic, Turkic world, mass media, post-Soviet space, global leadership, Pan-Turkism.

На современном этапе развития Турецкая Республика стремится закрепить за собой статус лидера и главного защитника тюркских народов, в том числе на постсоветском пространстве. Распад СССР был воспринят турецкой элитой как исторический шанс для возвращения утраченного влияния. На тот момент действующий президент Т. Озал заявил, что тюркский мир станет доминирующим фактором на евразийском пространстве от Балкан до Китайской стены и назвал XXI век «веком турок/тюрков» [2, с. 168].

Провозглашенная стратегия получила практическое воплощение через создание разветвленной системы международных институтов, призванных обеспечить интеграцию тюркских государств и формирование тюркского мира¹. Среди них – Организация тюркских

¹ Важно отметить лингвистическую особенность турецкого языка, согласно которой, в турецком языке тюрков и турок имеет одно значение – «Türk», т.е. на турецком языке – это «турецкий мир».

государств (преемник Тюркского совета), Международная организация тюркской культуры (ТЮРКСОЙ), Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА), Институт им. Юнуса Эмре, Управление по делам внешних тюрков и родственных сообществ (УТВ) и Фонд просвещения «Маариф» (ТМВ). Кроме того, Турецкая Республика активно задействует СМИ для популяризации тюркского мира в странах, некогда входивших в состав Османской империи.

Объект исследования – СМИ как инструмент продвижения национальных интересов государств на международной арене.

Предмет – роль медиа в популяризации положительного образа тюркского мира на постсоветском пространстве.

Цель публикации – определить и исследовать ключевые инициативы Турции, направленные на конструирование общетюркской идентичности через создание единого информационного пространства тюркского мира.

Методология представлена системным, геополитическим, дискурсивным подходами. В каждом из подходов был использован ряд методов: анализ, синтез, классификация, мониторинг, контент- и дискурс-анализ.

Для поддержания политических, экономических, культурных связей, а также продвижения общего нарратива о тюркском единстве активно финансируются и реализуются различные инициативы, направленные на формирование лояльного медиасообщества (табл. 1).

Таблица 1. Основные направления работы, целевой аудиторией которых выступают журналисты из тюркских государств

Присуждение премий	Премия ТЮРКСОЙ в области СМИ – ежегодная награда, вручаемая за заслуги в продвижении тюркской культуры и укреплении взаимопонимания между тюркскими народами. Премия Международной Тюркской академии в области медиа им. И. Гаспринского.
Проведение медиафорумов	Ежегодные медиафорумы ОТГ.
Финансирование программ для обмена знаниями и опытом	Программа «Азербайджанско-турецкие медиа-связи».
Оказание материально-технической поддержки СМИ, целевой аудиторией которых выступают народы тюркского происхождения	ТИКА оказывает техническую поддержку Крымскому информационному агентству («QHA») [1, с. 50].

Несмотря на то, что ежегодно проводятся совещания министров и высокопоставленных должностных лиц, ответственных за медиа и информацию стран-членов ОТГ², Турция с союзниками стремится вывести сотрудничество между СМИ тюркского мира на новый качественный уровень. Так, в 2025 г. в рамках стратегии «Тюркский мир 2040» инициирован процесс формирования единой медиаплатформы тюркских государств³. Ключевая стратегическая задача инициативы – создание

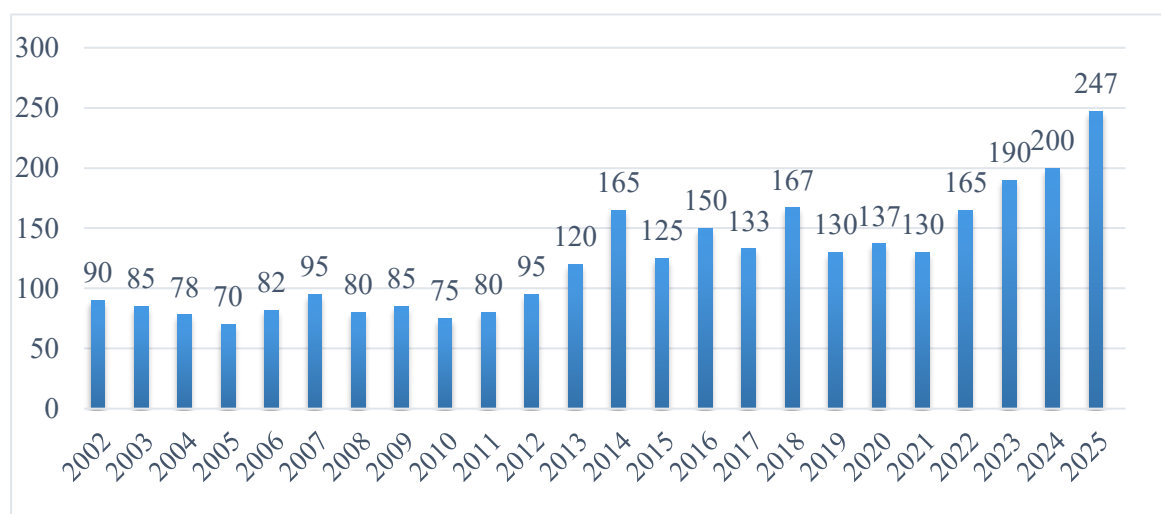
² В 2025 г. состоялось 7-ое совещание.

³ Данная инициатива является продолжением многолетней работы. Так, в 2021 г. был подписан меморандум о взаимопонимании «О стратегическом сотрудничестве в области медиа между Азербайджаном и Турцией».

интегрированного информационно-культурного пространства для государств-членов ОТГ: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Турции и Узбекистана. Согласно концепции, новая медиаструктура призвана служить укреплению общетюркской идентичности, развитию культурно-гуманитарных связей и минимизации влияния внешних информационных факторов, в том числе и российского⁴ [5].

Значимость концепции тюркского мира во внешней политике Турции демонстрируют и публикации турецкого информационного агентства «Анадолу»⁵. Мониторинг официального сайта СМИ с января 2002 г. по ноябрь 2025 г.⁶ показал, что количество упоминаний словосочетания «тюркский мир» (Türk dünyası) с 2014 г. значительно увеличилось. В 2025 г. прослеживается рост упоминания данного концепта (рис. 1).

Рисунок 1. Динамика публикаций «Анадолу», посвященных тюркскому миру (2002–2025 гг.)

Медиаконтент турецкого информационного агентства «Анадолу», посвященный тюркскому миру, можно условно разделить на тематические блоки: (1) тюркский мир – не просто политическое объединение, а союз родственных народов [3; 8]; (2) страны постсоветского пространства активно реализуют инициативы, направленные на единение тюркских народов [9]; (3) единство и величие тюркского мира [6; 10; 13]; (4) Организация тюркских государств – ключевой инструмент консолидации тюркского мира [8; 11]; (5) Р.Т. Эрдоган играет значимую роль в объединении тюркского мира [7; 12].

В рамках стратегии по формированию привлекательного образа и консолидации тюркского мира Турция осуществляет финансирование СМИ, целевой аудиторией которых выступают конкретные народы тюркского происхождения. Деятельность таких ресурсов, как «QHA», совмещает резкую критику политики России с продвижением пантюркистских идей. В его публикациях события в Крыму трактуются как «оккупация», а положение крымских татар (крымских тюрков/крымско-татарских тюрков⁷) описывается через понятия «репрессии» и «уничтожение культурного наследия» [4, с. 54]. В то же время, наличие в СМИ отдельного раздела «Тюркский мир», посвященного сотрудничеству тюркских

⁴ Первый этап создания платформы планируется завершить к 2027 г. К этому времени должны быть запущены спутниковый телеканал, единый интернет-портал на тюркских языках и несколько совместных образовательных центров.

⁵ Государственное информационное агентство Турции основано в 1920 г. М.К. Ататюрком, является важным источником информации как для турецкой, так и международной аудитории. Контент агентства доступен на 13 языках, включая русский.

⁶ Выбор периода мониторинга обусловлен отсутствием доступа к архиву публикаций агентства до 2002 г.

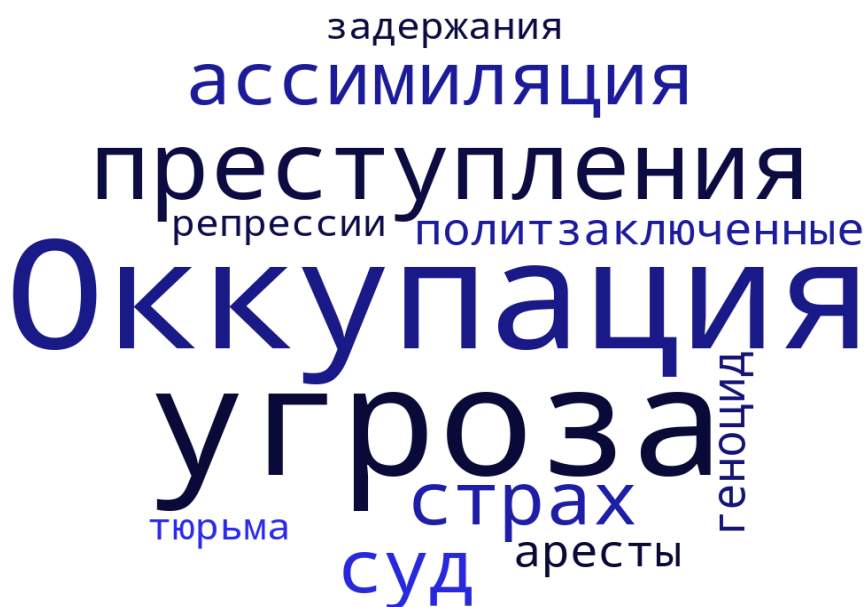
⁷ Крымские татары так именуются в Турции.

государств, демонстрирует комплексный подход Анкары, сочетающий негативный нарратив в адрес геополитических конкурентов с позитивной повесткой тюркского единства (рис. 2, 3).

Рисунок 2. Облако слов, демонстрирующее ключевые характеристики тюркского мира в материалах «QHA»

Рисунок 3. Облако слов, демонстрирующее ключевые характеристики России в материалах «QHA»

Данный материал носит исключительно
информационный характер

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Турция проводит целенаправленную и многовекторную политику по консолидации тюркского мира под своим руководством. После распада СССР Анкара стремится усилить свое влияние на постсоветском пространстве, что выразилось в создании

целой системы интеграционных институтов (ОТГ, ТИКА, ТЮРКСОЙ и др.). Эта политика направлена на формирование общей тюркской идентичности и позиционирование Турции в качестве «старшего брата» и защитника интересов тюркских народов.

Во-вторых, формирование единого информационного пространства является одним из ключевых элементов данной стратегии, что подтверждается такими инициативами, как запуск единой медиаплатформы, целенаправленная работа с журналистским сообществом через премии и форумы, а также прямая финансовая и техническая поддержка СМИ, продвигающих общетюркскую идентичность.

В-третьих, информационная политика Анкары носит комплексный характер, искусно сочетая позитивную повестку политического, культурного и исторического единства тюрков с вытеснением влияния геополитических конкурентов, в том числе в медийном пространстве, что наглядно демонстрирует анализ контента информационных агентств «Анадолу» и «QHA».

Список литературы

1. Демешко Н.Э., Ирхин А.А. Эволюция Турецкой «мягкой силы» в рамках деятельности Турецкого агентства сотрудничества и координации на примере Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2021. Т. 7 (73), №1. С. 144–155.
2. Демешко Н.Э., Мурадов Г.Л., Ирхин А.А., Москаленко О.А. Русский и Тюркский миры на пространстве Евразии // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, №6. С. 153-182. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-153-182.
3. Ильхам Алиев: Тюркский мир – это наша семья // Anadolu Agency. 14.02.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/ильхам-алиев-тюркский-мир-это-наша-семья/3137652> (дата обращения: 5.12.2025).
4. Немцев В.В., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. Международно-политическое противодействие реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в политическое пространство России // Международная жизнь. 2023. №11. С. 50–61.
5. Турция и Азербайджан создают единую тюркскую медиа платформу: Москва теряет влияние в регионе // CCBS. 22.07.2025. URL: <https://ccbsnews.info/ru/news/detail/7269> (дата обращения: 5.12.2025).
6. Akan A. TBMM Başkanı Kurtulmuş: Türk dünyasının gençlerinin en iyi şekilde yetişmesi için gayret etmeye devam edeceğiz // Anadolu Agency. 03.12.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/tbmm-baskani-kurtulmus-turk-dunyasinin-genclerinin-en-iyi-sekilde-yetismesi-icin-gayret-etmeye-devam-edecegiz/3760887> (дата обращения: 5.12.2025).
7. Atalay B.D. Türkiye’deki depremlerin ardından Türk dünyası “Biz Birlikteyiz” dedi // Anadolu Agency. 16.02.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/asrin-felaketi/turkiyedeki-depremlerin-ardindan-turk-dunyasi-biz-birlikteyiz-dedi/2821323> (дата обращения: 5.12.2025).
8. Halefoğlu H. GÖRÜŞ- Küresel bir güç: Türk Devletleri Teşkilatı // Anadolu Agency. 06.03.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/gorus-kuresel-bir-guc-turk-devletleri-teskilati/3156648> (дата обращения: 05.12.2025).
9. Kussainova M. TÜRKSOY’un “Türk Dünyası Kültür Başkenti” ünvanı törenle Aktau’dan Andican’a devredildi. // Anadolu Agency. 28.11.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/kultur/turksoyun-turk-dunyasi-kultur-baskenti-unvani-torenle-aktaudan-andicana-devredildi/3757161> (дата обращения: 5.12.2025).
10. Nogayeva A. 3 SORUDA – 2022’de Türk dünyası // Anadolu Agency. 04.01.2023. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/3-soruda-2022de-turk-dunyasi/2779293> (дата обращения: 5.12.2025).
11. Ömüraliyev K. Bişkek’ten Gebele’ye: Türk devletlerinin başarıları ve geleceğe bakış // Anadolu Agency. 03.10.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/analiz/biskekten-gebele-ye-turk-devletlerinin-basarilari-ve-gelecege-bakis/3706396> (дата обращения: 5.12.2025).

12. Özdemir I. Türk Dünyası Ata Sporları Şenliği, Bursa'da başladı // Anadolu Agency. 23.07.2022. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/spor/turk-dunyasi-ata-sporlari-senligi-bursada-basladi/2644312> (дата обращения: 5.12.2025).

13. Tosun M., Çetin F. Cumhurbaşkanı Erdoğan: Önümüzdeki dönemi Türk Dünyası Yüzyılı yapmak için tüm gücümüzle çalışacağız // Anadolu Agency. 06.11.2024. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/cumhurbaskani-erdogan-onumuzdeki-donemi-turk-dunyasi-yuzyili-yapmak-icin-tum-gucumuzle-calisanagiz/3385526> (дата обращения: 5.12.2025).

УДК 327.5:913:930.85

МНОГОГРАННОСТЬ КАВКАЗСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ УНИКАЛЬНОСТИ

Ирхин А.А.

доктор политических наук, профессор

Чернобук Е.А.

студент

VERSATILITY OF THE CAUCASIAN GEOPOLITICAL SPACE THROUGH THE PRISM OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL UNIQUENESS

Aleksandr A. Irkhin

Ekaterina A. Chernobuk

АННОТАЦИЯ. В рамках данной статьи, которая посвящена факторам историко-географической уникальности Кавказа, рассматривается геополитический потенциал региона и в связи с этим переосмысливается его роль как важного регионального и глобального центра притяжения и столкновения. В ходе исследования актуализируются сведения о географической уникальности и культурно-цивилизационном значении региона на международной арене, составляется его образ в географическом и геополитическом измерении. Изучение исторической ретроспективы позволяет выявить территориальные интересы других региональных держав. Сделанные на основе полученных материалов выводы дают комплексное представление о потенциале кавказского региона и его конфликтогенности на современном этапе.

Ключевые слова: кавказский регион, историко-географическая уникальность, геополитический образ, границы, цивилизационная принадлежность, историческая ретроспектива, конфликтность, культурная идентификация.

ABSTRACT. This article, which is devoted to the factors of the historical and geographical uniqueness of the Caucasus, examines the geopolitical potential of the region and, in this regard, rethinks its role as an important regional and global center of gravity and collision. In the course of the research, information about the geographical uniqueness and cultural and civilizational significance of the region in the international arena is updated, and its image in the geographical and geopolitical dimensions is formed. The study of historical retrospect makes it possible to identify the territorial interests of other regional powers. The conclusions drawn on the basis of the obtained materials provide a comprehensive understanding of the potential of the Caucasus region and its conflict potential at the present stage.

Keywords: the Caucasus region, historical and geographical uniqueness, geopolitical image, borders, civilizational affiliation, historical retrospective, conflict, cultural identification.

Высокая турбулентность политических процессов в обществе в условиях формирующегося нового мирового порядка непременно толкает нас к детальному и

всестороннему изучению, актуализации сведений, а также переосмыслению роли стратегических объектов геополитического пространства, которые зачастую становятся катализатором крупных военно-политических потрясений и конфликтов. В связи с этим концептуально важно уделять должное внимание кавказскому вектору российской политики, значимость которого существенно возросла как на уровне социально-экономических задач, так и на уровне вопросов защиты границ и национальной безопасности России. От успешности взаимодействия в данном регионе непосредственно зависит эффективность геополитического влияния на Ближний Восток.

Целью данной статьи является комплексное историко-географическое исследование кавказского субрегиона с учетом геополитического значения в формирующемся мировом порядке и в контексте конкуренции геополитических проектов великих держав (империй) для выявления природы потенциальных угроз и очагов напряжения. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть следующие задачи:

- сравнить образ региона в географическом и геополитическом измерении;
- определить границы региона и их значение в культурно-цивилизационном плане;
- изучить историческую специфику развития региона в контексте взаимодействия имперских пространств.

Выполнение работы проводится посредством картографического, историко-сравнительного, ретроспективного, прогностического методов исследования.

Исследование по данной проблематике позволяет выявить взаимосвязь между особенностями географического положения, природных условий и исторического прошлого кавказского региона с целью понимания его уникальности и значимости в настоящем и формирующемся будущем.

Пространственное восприятие образа Кавказа

Кавказ – регион споров и противоречий, политических интриг и военно-политических столкновений. Взглянув на политическую карту мира, мы видим, что территориально Кавказ представляет собой пространство на пересечении Европы и Азии, одновременно являясь южным рубежом России. Для нашего государства регионы, примыкающие к государственным границам, являются стратегически значимыми, поскольку возможно их использование в качестве плацдарма для дальнейшего воздействия на Россию недружественных нам военных блоков. Не случайно З. Бжезинский в своей работе «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы» к ключевым регионам Евразии причисляет пять: Украину, Кавказ, Иран, Турцию и Корею. В них – ключ к контролю над миром [2]. Как следствие, такие геополитические пространства, как Кавказ, всегда будут интересны государствам, оперирующим как морской стратегией с целью экспансии, так и державам, реализующим сухопутную стратегию с целью выстраивания обороны против талассократий. Пограничность и спорность этих геополитических пространств ставит их на линию перманентной конкуренции глобальных и региональных держав, а в прошлом – империй. Помимо того, Кавказ выступает в роли перекрестка и двустороннего проводника на пересечении двух цивилизационных миров – Запада и Незапада. Ценность такого положения объясняет борьбу в экономическом и логистическом плане за регион с целью контроля над данной транзитной территорией. Еще значительно ранее, во времена Средневековья, маршруты некоторых путешественников в страны Востока в области Средней и Центральной Азии проходили через кавказский перешеек. Так, например, в описаниях знаменитого путешественника конца XIII века Марко Поло имеются сведения об Армении, где он побывал сам, и о Грузии, известной ему с чужих слов [3, с. 13].

Российские исследователи Д.А. Дегтерев и М.М. Агазаде обращают внимание на географическую особенность бассейна Средиземного, Черного и Каспийского морей. Данное пространство, по их мнению, являлось центром мировой торговли до Великих географических открытий, а в настоящее время сохраняет особый геостратегический статус в мировой политике и превращает его в одну из важнейших точек соприкосновения военно-политических и торгово-экономических интересов глобальных сил [1, с. 29]. Территория

Кавказа в данном контексте, на наш взгляд, является неким проводником, связующим мостом этих морских бассейнов, а потому неизбежно вынуждена участвовать в связке с ними во всех протекающих политико-экономических процессах. В подтверждение данной мысли авторы Д.А. Дегтерев и М.М. Агазаде приводят в пример как наиболее репрезентативное географическое и геоэкономическое пространство восточного Средиземноморья город Диоскурию. Упомянут о торговых потоках между Каспийским морем и Понтом (Черное море), описанных Страбоном: «Диоскурида является началом перешейка и общим торговым центром для жителей, живущих выше, и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается семьдесят народностей. Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство из них сарматы, но все они кавказцы» [1, с. 85]. Стоит пояснить, что Диоскурида – это греческий город, известный позже под названием Себастопольс, руины которого сохранились на месте современного Сухуми, столицы Республики Абхазии. Таким образом, крупный торговый хаб Средиземноморья и Каспия издавна располагался на территории Кавказа.

В современной литературе интерпретация термина Кавказ имеет разные смысловые акценты. Кавказ характеризуют как природную страну, горную область, политическое пространство, регион этноконфессионального и культурного многообразия и соперничества. Таким образом, комплексная характеристика термина «Кавказ» указывает на многомерность данного пространства, сложившуюся во многом благодаря природно-исторической уникальности. Кавказский регион можно рассматривать через разные парадигмы, что обогащает и усложняет понимание его образа. Так «географический» Кавказ отличается от «геополитического» Кавказа и по границам региона, и по содержанию. В культурном плане – это еще более подвижный и взаимопроникающий ареал. В основе понимания образа Кавказа лежит четкая привязка к географической карте и определение его местоположения в пространстве. Исходя из общепринятых трактовок Кавказа как географического объекта, одним из наиболее емких выделим определение Э.М. Раковской и М.И. Давыдовой: «Собственно Кавказ – занимает перешеек между Черным и Каспийским морем. Здесь находятся мощные горные сооружения и примыкающие к ним низкие и возвышенные равнины» [5, с. 4]. По политическому принципу местоположение Кавказа определяется границами Северо-Кавказского федерального округа РФ на севере и государствами так называемого Закавказья – Грузии, Армении и Азербайджана, а также непризнанных республик – Абхазии и Южной Осетии – на юге. Как верно отметил Александр Искандарян, любой регион в политическом плане является конструктом и дискурс о том, «что мы такое» безумно интересен. Мы – Кавказ, мы – Передняя Азия, мы – Малая Азия, мы – Европа, мы – Большой Ближний Восток, мы – Средиземноморье [4]. При этом реальное местонахождение Кавказа остается неизменным, тогда как динамичным становится образ его взаимодействия с мировым сообществом.

В результате изучения и сопоставления различных литературных источников исторической, географической, политико-социальной направленности восприятие образа Кавказа значительно обогащается и усложняется. Регион выступает ключевым мостом транспортировки энергоресурсов, торговым, миграционным и военным маршрутом на протяжении столетий, а также является ключевой линией безопасности и «пограничьем» региональных и глобальных сил. Ценность такого положения объясняет борьбу в экономическом и логистическом плане за регион с целью контроля над ним.

Границы кавказского региона

В первую очередь детальное изучение мозаики аспектов геополитического пространства необходимо, чтобы определить красные линии, то есть те рычаги, через которые внешние силы могут оказывать воздействие на регион. И говоря о кавказском геополитическом регионе, мы берем во внимание наличие неопределенностей и споров, существовавших и видоизменявшихся на протяжении столетий. Автор научных работ по физической географии Кавказа Н.А. Гвоздецкий верно подметил, что условия освоения и преобразования территории, с учетом распределения населения, промышленности и

сельского хозяйства на Кавказе весьма специфичны и зависят от всего комплекса физико-географических особенностей и, в первую очередь, от рельефа страны [3, с. 3].

Географическая (природная) граница и, как следствие, деление на субрегионы не всегда совпадают с точкой зрения о политическом и культурном разделении. В отношении Кавказа это один из самых болезненных моментов, так как наличие мест компактного проживания отдельных этнических групп из сопредельных кавказских государств приводит к политической напряженности. Тонкая нить натянута по вопросам государственных границ кавказских республик. В перманентной стадии развития находятся грузино-абхазский, армяно-азербайджанский, осетино-ингушский, грузино-южноосетинский конфликты, готовые в любой момент под действием внутренних или внешних факторов вспыхнуть вновь. Традиционно границами Кавказа на востоке служит Каспийское море, а на западе – Черное и Азовское моря. Северной границей является Кумо-Манычская впадина. Запутаннее обстоит вопрос южных границ, которые условно проводятся по государственным границам Грузии, Армении и Азербайджана с Турцией и Ираном. Н.А. Гвоздецкий проводит естественную границу Кавказа на юге по Шавшетскому хребту, далее севернее Улгарского хребта, далее через озеро Хозапины, реку Ахуриан (Арпа-чай), реку Аракс и гребень Талышских гор [3, с. 9]. Наглядно границы и местоположение кавказского региона могут быть представлены следующим образом:

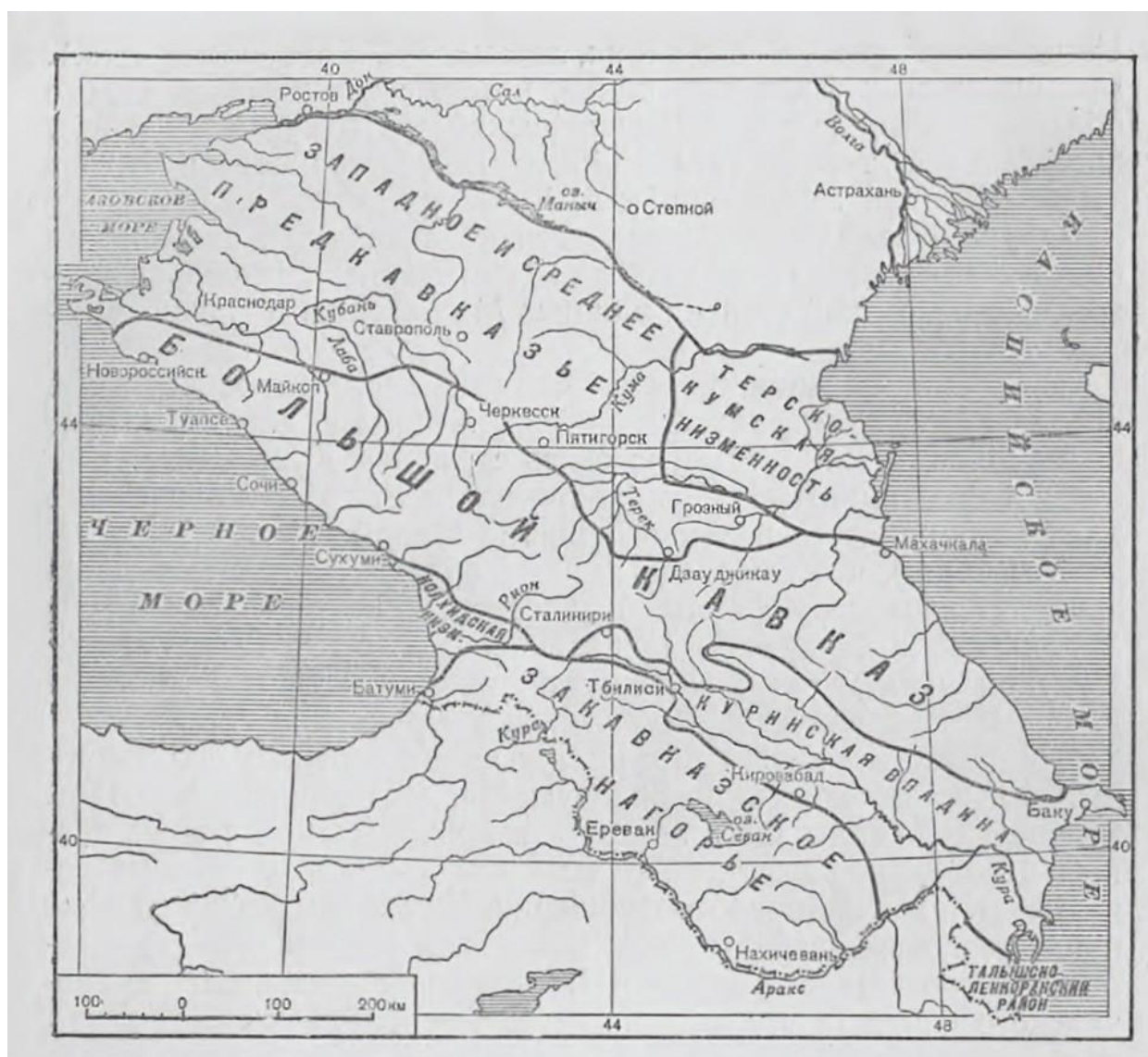

Рисунок 1. Границы кавказского региона. Взято из источника [3, с. 118]

Таким образом, физико-географическая граница Кавказа на юге проводится условно, потому что резких природных различий здесь нет, а исторически сложившаяся граница Кавказа располагается значительно южнее нынешних политических границ. Таким образом, в вопросе географических границ не отображаются естественные рубежи Кавказа, учитывается исключительно политический аспект, что связано с историческим процессом первой половины XX века, когда часть исконно грузинских и армянских земель перешли под контроль Турции.

Примером противоречивости служит тема деления некоторыми авторами Кавказа на Северный Кавказ и Закавказье, граница между которыми проводится по Водораздельному хребту Большого Кавказа. Такое районирование возможно с политической точки зрения, однако, пригодно больше в целях изучения региона на самом обобщенном уровне, не нуждающемся в крайнем детализировании картины. Однако с точки зрения физико-географической, понятия «Северный Кавказ» и «Закавказье» не отражают единых территориальных частей. Так, например, классификации некоторых физгеографов сводятся к следующим орографическим областям: Предкавказье, Большой Кавказ, Рионо-Курунская депрессия, Закавказское нагорье, Горы Талыша [3, с. 9–10].

На наш взгляд, наличие природных рубежей и контрастных ландшафтов в пределах Закавказья указывают на значительную разобщенность и разнородность региона в природном плане, что определяет специфику происходящих политических и социально-экономических процессов в нем. В силу данного обстоятельства все особенности его природного устройства необходимо учитывать при переходе на локальный уровень изучения региона. Естественные рубежи кавказского природного массива и государственных границ кавказских республик имеют в южной части разные очертания в силу сложности природного устройства территории, особенностей этнических и исторических процессов, протекающих здесь, что порождает потенциальные угрозы и очаги напряжения.

Культурно-цивилизационная принадлежность

Еще неопределеннее стоит вопрос о принадлежности Кавказа в культурно-цивилизационном плане. И здесь регион стал предметом разногласий, располагаясь на пересечении европейской и азиатской культур. Исторически граница между Европой и Азией, а значит, граница между двумя принципиально разными мирами идентифицировалась по-разному. Так, например, Геродот (V век до н.э.) писал о том, что границей между Европой и Азией является колхидская река Фазис (Рион), а некоторые называли границей реку Танаис (Дон) и Киммерийские переправы (Керченский пролив) [3, с. 6]. До продвижения русских на кавказском направлении в XVIII веке граница проводилась по реке Дон, а позднее граница стала сдвигаться южнее и проводилась по Кавказскому хребту. Это вполне естественно отображает аспект культурного деления Европы и Азии, когда по мере продвижения европейского влияния на Кавказе граница смещалась также на юг.

Примечательно мнение Г.И. Танфильева: «Попытка разрешить вопрос, где провести границу между Европой и Азией, лишний раз показывает, что разделение этих частей света условное, определившееся историческими причинами и вошедшее в привычку, что правильнее с географической точки зрения, говорить о едином материке – Евразии, а не о Европе и Азии» [6, с. 56]. Действительно, говоря о делении на части света, в отличие от материков, мы отходим от сугубо физико-географического принципа и обращаемся также к принципам культурно-историческим, которые не столь четко отражаются на карте, менее устойчивы и в силу этого вызывают сомнения. Примерами условной границы являются реки Рион, Квирила, Кура, склон главного Кавказского хребта, северное подножие Большого Кавказа, Кумо-Манычская впадина. Притом последняя из перечисленных границ, соглашаясь с мнением Н.А. Гвоздецкого, является самой подходящей, основываясь на существовании в недавнем геологическом прошлом естественного рубежа в виде Манычского пролива, соединяющего Каспийское море с Черным [3, с. 8]. В согласовании с данным делением, по Кумо-Манычской впадине, Кавказ все же полностью относится к Азии,

при этом близость сопредельных европейских территорий оказывают влияние на его культурное развитие.

Историческая специфика развития региона

Рассматривая историческую ретроспективу региона, необходимо отметить перманентные военно-политические столкновения на пространстве Кавказа на протяжении всей его истории. Кавказ был частью исторических событий, начиная от Пелопонесских войн и к военным походам монголо-татарских завоевателей до Первой и Второй мировых войн. Однако особую роль в истории региона, в его становлении и развитии, в формировании ключевых черт политической и непосредственно бытийной жизни, и, в конечном счете, в истинном современном лице таким, каким он сейчас стоит на мировой арене, сыграли в большей степени Российская, Османская и Персидская империи. Таково было территориальное окружение Кавказа, где каждая из великих держав стремилась утолить свои имперские амбиции. Будучи площадкой взаимодействия и соперничества трех империй и держав, каждая из которых господствовала в определенные периоды над Кавказом, он унаследовал отпечаток их влияния, как в территориальных, так и в функциональных аспектах. Если в первой половине XVI века соперничество за кавказские земли велось между Османской и Персидской (Сефевидское государство) империями, то позже основным конкурентом, получившим впоследствии доминирование на Кавказе, стала Российская империя. Персидская империя имела влияние над территориями современного Дагестана, восточной Грузией (Кахетинское царство, Картлийское царство), Азербайджаном, Арменией, территориями современной восточной Турции. Османской империи подчинялись Грузинские земли (Имеретинское царство) – на протяжении почти 400 лет, Армения и Азербайджан – непродолжительный период. Традиционно зоной влияния Российской империи являлся Северный Кавказ, Восточная Грузия (Картли-Кахетинское царство), позже причерноморские области и западная часть Грузии.

Каждый народ стремится к самопознанию и определению своего места в огромном мире, в глобальном масштабе это приводит к формированию культурной и иного рода идентичности. И как заметил С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций»: народы и нации пытаются дать ответ на самый простой вопрос, с которым может столкнуться человек: кто мы есть. Люди определяют себя, используя такие понятия, как происхождение, религия, язык, история, ценности. Они идентифицируют себя с культурными группами и на самом широком уровне – цивилизациями [7].

В настоящее время статистические показатели государств Закавказья очерчивают сложную геодемографическую картину. Армения, занимая наименьшую площадь (29,7 тыс кв. км.) среди Южно-Кавказских соседей, имеет численность населения 2,9 млн. человек по переписи населения 2022 года. При этом доля армян в общей численности приблизительно 98%, что является одним из самых высоких показателей однородности населения во всем мире. Грузия с площадью территории 69,7 тыс кв. км. имеет численность населения 3,9 млн. человек по данным переписи 2024 года. Она выступает самой многонациональной страной на Кавказе, где доля грузин достигает 86%, азербайджанцев 6%, армян 5%, осетин, абхазов, езидов, курдов, греков, евреев, ассирийцев менее 5%. Азербайджан, являясь крупнейшей по площади территории (86,6 тыс. кв. км.), имеет численность населения 10 млн. человек, 92% которых азербайджанцы. Важным показателем является плотность населения, которая составляет 100, 53 и 118 человек на кв. км. в Армении, Грузии и Азербайджане соответственно. Титульные народы каждой из стран Закавказья являются представителями разных религиозных конфессий. Большая часть населения Грузии и Армении исповедуют христианство, в то время как в Азербайджане – ислам шиитского толка. Таким образом, в сопоставлении Южно-Кавказских республик Грузия является самой малонаселенной по территории и неоднородной в этноконфессиональном плане страной. Территориально этнические меньшинства азербайджанцев и армян в Грузии расположены на юге страны в приграничных регионах. При этом доля азербайджанского населения в Квемо-Картли и армянского населения в Самцхе-Джавахети превышают 50% от общего числа населения.

Если использовать теорию культурных идентичностей в изучении Кавказа, то мы получим картину чрезвычайной насыщенности, мозаичности и, как следствие, конфликтности. То есть на этой относительно небольшой территории мы видим концентрацию разных национальных и религиозных идентичностей. Это еще один фактор влияния на стабильность в регионе.

Резюмируя, отметим, что фактор сочетания физико-географических, геополитических, исторических и культурологических особенностей образа Кавказа делает его особенным для исследователя с теоретической и прикладной точек зрения. Данная мозаика факторов при неблагоприятных политических и социально-экономических условиях будет способствовать развитию внутренних противоречий особенно при внешнем воздействии. В связи с этим кавказский вектор российской политики имеет критическое значение как на уровне социально-экономических задач, так и на уровне вопросов защиты границ и национальной безопасности России. Стратегия российского политического и экономического курсов в отношении данного пространства по превращению его в зону мира, стабильности и добрососедства должна строиться с учетом многогранности кавказского геополитического пространства. От успешности политического курса в данном регионе непосредственно зависит эффективность геополитического влияния на Ближний Восток, стратегическая безопасность южных границ нашего государства, а также реализация выгодных перспектив с учетом транзитной и военно-политической значимости Кавказского региона для Российской Федерации.

Список литературы

1. Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений: монография / В.А. Аватков, М.М. Агазаде, В.В. Аникеев [и др.]; под ред. Д.А. Дегтерева, М.М. Агазаде. М.: Аспект Пресс, 2023. 664 с. ISBN 978-5-7567-1264-3. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2052248> (дата обращения: 2.07.2025).
2. Война против нас: геополитический взгляд. Евгений Чернышев. 20.11.2012. URL: <https://nstarikov.ru/vojna-protiv-nas-geopoliticheskij-vzg-21892> (дата обращения: 5.06.2025).
3. *Гвоздецкий Н.А.* Физическая география Кавказа: курс лекций, вып. 1, общая часть Большой Кавказ. М.: изд. Моск. унив., 1954. 208 с.
4. Наша национальная идеология не может быть «кавказской». Арег Галстян, эксперт Центра этнополитологических исследований. 21.02.2013. URL: <https://yerkramas.org/article/52452> (дата обращения: 27.10.2025).
5. *Раковская Э.М., Давыдова М.И.* Физическая география России: Учеб. для студ. пед. высш. учеб. заведений: в 2 ч. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. Ч. 2. 304 с.
6. *Танфильев Г.И.* География России, часть 1. Введение (история исследования, учреждения и издания, картография); часть 2, вып. 1. Рельеф Европейской России и Кавказа, Одесса, 1916, 1922.
7. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 378.14

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ ИГР ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Самойленко Н.Б.

доктор педагогических наук, профессор

Егорова П.О.

студент

USING COMMUNICATION GAMES TO ORGANIZE REFLECTION IN ENGLISH LESSONS IN HIGH SCHOOL

Natalia B. Samoylenko

Polina O. Egorova

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу значения и организации этапа рефлексии на уроках английского языка в 10–11 классах. Проанализирован термин «рефлексия» с учетом психологического, педагогического аспектов и методики обучения иностранным языкам. Описаны результаты первичной апробации разработанной коммуникативной игры для совершенствования речевых навыков старшеклассников. Сделан вывод, что коммуникативная игра является эффективным инструментом активизации речевой деятельности обучающихся и повышения учебной мотивации старшеклассников.

Ключевые слова: рефлексия, коммуникативная игра, мотивация, старшая школа, английский язык.

ABSTRACT. The article highlights the analysis of the significance and organization of the reflection stage in the English lessons for 10–11 grade students. The term “reflection” is analyzed from psychological, pedagogical, and foreign language teaching methodology perspective. The authors describe results of the initial testing of the designed communication game for improving speech skills of high school students. The communication game is considered as an effective tool for activating students’ speech activity and increasing their academic motivation.

Keywords: reflection, communication game, motivation, high school, English language.

Современное обучение английскому языку старшеклассников в общеобразовательных учебных заведениях направлено не только на усвоение ими грамматических правил и расширение лексического запаса, но и на развитие иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, критического мышления и способности к самооценке.

В соответствии с Федеральной рабочей программой среднего общего образования по предмету Иностранный (английский) язык (базовый уровень) для 10–11 классов 2025 г. старшеклассники должны: «владеть навыками познавательной рефлексии как осознания совершаемых действий и мыслительных процессов, их результатов и оснований; использовать приемы рефлексии для оценки ситуации, выбора верного решения» [7, с. 29]. Вместе с тем, практика показывает, что учащиеся 10–11 классов нередко испытывают трудности в процессе самоанализа на этапе рефлексии на уроке английского языка.

По нашему мнению, одним из эффективных способов проведения этапа рефлексии является организация данного этапа в игровой форме на уроках английского языка в школе. Этап урока рефлексия на уроках английского языка в школе в формате коммуникативной

игры способствует осознанию учащимися собственного прогресса в течение урока и повышает их мотивацию к изучению иностранного языка в будущем.

Согласно нашему исследованию, рефлексия является одним из важных этапов урока английского языка в школе, благодаря которому учитель может определить уровень понимания и усвоения как нового, так и пройденного учебного материала учениками. Чтобы определить значимость проведения данного этапа урока в процессе обучения иностранному языку старшеклассников, необходимо проанализировать термин «рефлексия» с учетом трех аспектов, а именно: психологического, педагогического и методики обучения иностранным языкам.

«Рефлексия» в переводе с латинского обозначает «обращение назад» [6, с. 387].

В психологии термин «рефлексия» рассматривается как «мыслительный (рациональный) процесс, направленный на анализ, понимание, осознание себя; собственных действий, поведения, речи, опыта, чувств, состояний, способностей, характера, отношений с другими и к другим, своих задач, назначения и так далее» [1, с. 423].

Отечественный исследователь С.С. Кашлев под рефлексией в педагогическом процессе или педагогической рефлексией понимает «процесс и результат фиксирования субъектами (участниками педагогического процесса) состояния своей деятельности, своего развития, саморазвития и причин этого. Педагогическая рефлексия предполагает взаимоотображение, взаимооценку участников педагогического процесса, состоявшегося взаимодействия, отображение педагогом внутреннего мира, состояния развития учащихся и наоборот» [4, с. 107].

Согласно определению, представленному Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукины в «Новом словаре методических терминов и понятий», рефлексия – это «размышление, самонаблюдение, желание понимать собственные чувства и поступки» [2, с. 247].

Таким образом, суммируя суть определений понятия, приведенных выше, мы делаем вывод, что в контексте обучения английскому языку учащихся 10–11 классов на уроках в средних общеобразовательных учебных заведениях этап рефлексии помогает ученикам самостоятельно и/или при помощи учителя оценить, насколько успешно были применены речевые навыки (говорение, аудирование) на английском языке, а также определить какие трудности возникли и что необходимо улучшить на последующих занятиях по английскому языку в школе.

По мнению доктора педагогических наук Л.Т. Ахмедовой, для проведения этапа рефлексии учителю «необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности учащихся, помнить, что рефлексия – это всегда творчество, поэтому необходимо использовать разные его приемы и методы на уроке» [3, с. 134].

По нашему мнению, одним из эффективных средств организации этапа урока рефлексия на уроках английского языка в школе является коммуникативная игра. Игра – доступный и увлекательный вид деятельности учащихся, а также способ усвоения и применения на практике полученных знаний. Как показывает практика, современным старшеклассникам предельно важно понимать практический аспект полученной информации, так как перед ними стоит выбор будущей профессии.

Е.И. Пассов, доктор педагогических наук, в своей книге «Урок иностранного языка в школе» предлагает следующее определение термина игра: «Игра – это: 1) деятельность; 2) мотивированность, отсутствие принуждения; 3) индивидуализированная деятельность, глубоко личная; 4) обучение и воспитание в коллективе и через коллектив; 5) развитие психических функций и способностей; 6) «учение с увлечением» [5, с. 206].

Следовательно, мы сделали вывод, что, игра – это мощный стимул к овладению иностранным языком и эффективный прием в арсенале преподавателя иностранного языка, «универсальное средство», помогающее учителю иностранного языка превратить достаточно сложный процесс обучения в увлекательное и любимое учащимися занятие. Учебная игра воспитывает культуру общения и формирует умение работать в коллективе и с коллективом. Все это определяет функции учебной игры как средства психологического и социально-

педагогического воздействия на личность.

Согласно «Новому словарю методических терминов и понятий», коммуникативная игра – это «вид учебных заданий, основное назначение которых состоит в организации иноязычного общения в процессе решения поставленной коммуникативной задачи или проблемы, заключающейся в обмене ин формацией в ходе совместной речевой деятельности» [2, с. 102].

Мы отмечаем, что в основе коммуникативной игры основным подходом обучения выступает коммуникативный подход. Как утверждают зарубежные специалисты в области преподавания иностранных языков J.C. Richards и T.S. Rodgers в методическом пособии “Approaches and Methods in Language Teaching”, «коммуникативное обучение языку представляет собой совокупность принципов, которые отражают взгляд на язык как средство общения и могут быть использованы в различных учебных ситуациях. Эти принципы заключаются в следующем:

- 1) учащиеся изучают язык, используя его для общения;
- 2) главной целью занятий в классе должно быть аутентичное и содержательное общение;
- 3) свободное владение языком – важнейший аспект коммуникации;
- 4) общение требует интеграции различных языковых навыков;
- 5) обучение – это творческий процесс, основанный на пробах и ошибках» (*перевод наш* – Н.С., П.Е.) [9, p. 172].

Также J.C. Richards в своем методическом пособии “Communicative Language Teaching Today” аргументирует важность коммуникативного подхода с точки зрения практического применения иностранного языка обучающимися старшей школы: «многие обучающиеся нуждаются в английском языке для того, чтобы использовать его в определенных профессиональных или образовательных условиях. Для них было бы более эффективно обучать их специфическим языковым и коммуникативным навыкам, необходимым для выполнения определенных ролей (например, медсестры, инженера, стюардессы, пилота, биолога и т.д.), а не просто концентрироваться на более общем английском» (*перевод наш* – Н.С., П.Е.) [10, p. 12].

Исходя из изложенного ранее, делаем вывод, что проведение этапа рефлексии на уроке английского языка в 10–11 классах в формате коммуникативной игры включает в себя коммуникативный подход обучения иностранного языка. Мы считаем, что данный подход, согласно современным тенденциям преподавания иностранных языков, является передовым и актуальным. Нами был выбран коммуникативный подход обучения для разработки коммуникативной игры для этапа рефлексии на уроке английского языка.

В ходе проведения научного исследования нами была разработана коммуникативная игра “Now it’s time to sum up” для этапа рефлексии на уроках английского языка для учащихся 10–11 классов. В основу создания игровых карточек были положены вопросы, которые по мнению практикующего преподавателя английского языка Йорк Ферн, «позволят учащимся 10–11 классов проанализировать свои успехи и неудачи» [8]. Также автор статьи утверждает, что «владение английским языком к концу школы уже позволяет строить сложносочиненные предложения с логическими объяснениями, то и задания на рефлексии должны быть соответствующие» [8].

Нами были проанализированы виды деятельности и рекомендуемые вопросы для этапа рефлексии на уроках английского языка в школе с учетом психологического и педагогического аспектов. После были созданы коммуникативные карточки для данного этапа урока. Разработанный фрагмент коммуникативной игры приведен на рисунке 1.

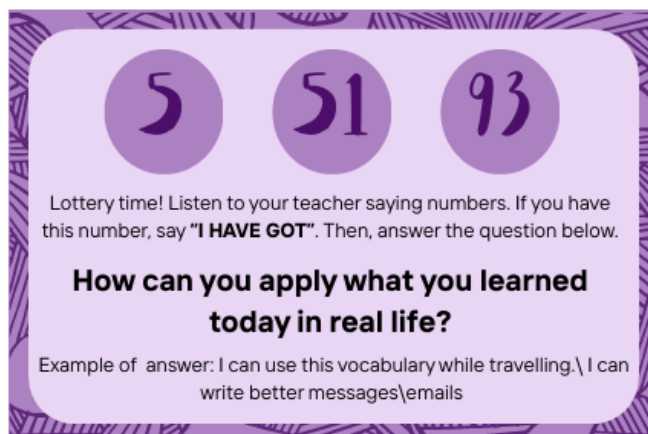

Рисунок 1. Фрагмент игровой карточки из коммуникативной игры “Now, it’s time to sum up”.

Перед началом этапа рефлексии каждый учащийся получает свою индивидуальную карточку. Когда учитель подводит работу к этапу урока «рефлексия», ученикам предлагается сыграть в лотерею. Учитель называет число от 1 до 100 и тот, у кого есть это число отвечает на вопрос из карточки. Для снижения фактора стресса у отвечающего при фронтальной работе с учителем ниже на карточке приведен пример ответа. Таким образом, учитель может регулировать количество вопросов к концу занятия, так как отвечать на все вопросы каждому ученику необязательно. Преимущество нашей разработки состоит в том, что здесь нет ограничений в частоте использования игры. Рекомендуется проводить данную рефлекссию в формате коммуникативной игры на каждом занятии, так как в ходе экспериментальной проверки нами было отмечено, что учащиеся 11 класса были активно включены в процесс игры и слушали ответы других обучающихся.

Таким образом, организация рефлексивного этапа через коммуникативные игры на уроках английского языка для учащихся 10–11 классов является эффективным инструментом активизации речевой деятельности обучающихся. Данный вид учебных заданий способствует формированию ответственного и осознанного отношения старшеклассников в школе к собственному обучению.

Список литературы

1. Авдеева Н.Н. Большой психологический словарь. СПб.: Прайм Еврозона, 2003. 632 с.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
3. Ахмедова Л.Т. Методика организации этапа рефлексии на уроках иностранного языка // *Foreign Languages in Uzbekistan*. 2024. Вып. 10-ж., №1 (54). С. 134.
4. Кашилев С.С. Организация рефлексивной деятельности участников процесса экологического образования // *Социально-экологические технологии*. 2011. №1. С. 107.
5. Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе: учебно-методическое пособие. М.: Просвещение, 1988. 224 с.
6. Романцев Г.М., Федоров В.А., Осипова И.В., Тарасюк О.В. Профессионально-педагогические понятия: словарь. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2005. 456 с.
7. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Иностранный (английский) язык» для 10–11 классов (базовый уровень). Москва, 2025. 157 с.
8. Fern Y. Рефлексия на уроках английского языка [Электронный ресурс] // Онлайн-блог TEFL-TESOL-Certificate.com. 2022. URL: <https://tefl-tesol-certificate.com/blog/refleksiya-na-urokakh-anglijskogo-yazyka-v-shkole> (дата обращения: 26.11.2025).
9. Richards J.C., Rodgers T.S. *Approaches and Methods in Language Teaching*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 278 p.
10. Richards J.C. *Communicative Language Teaching Today*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 52 p.

УДК 378.14

**ФОРМИРОВАНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ
СТАРШЕКЛАССНИКОВ С ПОМОЩЬЮ МЕТОДА ГЕЙМИФИКАЦИИ:
ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Самойленко Н.Б.

доктор педагогических наук, профессор

Кривошеева Е.А.

студент

**DEVELOPING HIGH SCHOOL STUDENTS' ENGLISH LEXICAL SKILLS THROUGH
GAMIFICATION: PRACTICAL ASPECT**

Natalia B. Samoylenko

Yekaterina A. Krivosheeva

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме формирования англоязычных лексических навыков старшекласников. В исследовании проанализирована сущность лексического навыка и обоснована его роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции старшекласников. В качестве инструмента оптимизации формирования англоязычных лексических навыков старшекласников рассмотрен метод геймификации. Описан комплекс разработанных упражнений, направленных на формирование англоязычных лексических навыков старшекласников, с использованием цифровых онлайн-платформ *WordWall*, *Simple Class*, *Gimkit* и адаптированных настольных игр. Целью разработанных упражнений является активизация использования старшекласниками англоязычных лексических единиц (идиом, паронимов и фразовых глаголов) на основе учебно-методического комплекса (УМК) “Spotlight 10”.

Ключевые слова: лексическая единица, лексический навык, иноязычная коммуникативная компетенция, метод геймификации, старшекласник, цифровые платформы, настольные игры.

ABSTRACT. The article highlights the problem of developing high school students' English lexical skills. The study analyzes the essence of the lexical skill and substantiates its role in the developing foreign language communicative competence. As a tool for optimizing the development of high school students' English lexical skills, the method of gamification is considered. The authors describe a set of developed exercises aimed for formation of high school students' English lexical skills using digital platforms *WordWall*, *Simple Class*, *Gimkit* and adapted board games. The aim of the exercises is to reinforce high school students' use of English lexical units (idioms, paronyms, and phrasal verbs) based on the “Spotlight 10” course book.

Keywords: lexical unit, lexical skill, foreign language communicative competence, gamification, high school student, digital platforms, board games.

Большинство ученых сходятся во мнении, что англоязычный лексический навык представляет собой автоматизированную способность извлекать слово из памяти, распознавать его в речи и соотносить его с другими лексическими единицами (ЛЕ), что является одним из компонентов иноязычной коммуникативной компетенции [9].

По мнению Н.Н. Зориной и Я.В. Пискун, англоязычные лексические навыки делятся на рецептивные и репродуктивные. Рецептивные отвечают за распознавание ЛЕ в устной и письменной речи, понимание ее значения и смысловую догадку. Репродуктивные обеспечивают активное использование ЛЕ во всех видах речевой деятельности. Англоязычный лексический навык состоит из двух основных компонентов: словоупотребление – правильное сочетание слов в контексте, и словообразование –

распознавание и создание новых ЛЕ по существующим моделям [0; 0].

Н.В. Омелаенко и М.А. Дриженко описывают формирование англоязычных лексических навыков как системный процесс, включающий поэтапное введение новых ЛЕ и семантизацию, автоматизацию, активизацию и итоговый контроль. На этапе введения обучающиеся получают первичное представление о форме и значении ЛЕ. На втором этапе происходит автоматизация – отработка изученных ЛЕ посредством выполнения упражнений. На третьем этапе учащиеся используют освоенный лексический материал в речевой деятельности, что позволяет закрепить его в реальных коммуникативных ситуациях и проверить степень сформированности лексического навыка [3; 0].

Одной из главных целей современной методики обучения иностранному языку является развитие у учащихся самостоятельности и «чувства языка» – интуитивного владения им как средством общения [2].

Существенную роль в формировании англоязычных лексических навыков играет тип используемых упражнений. Традиционно выделяют три группы упражнений:

- языковые (направлены на закрепление формы и значения слова);
- условно-речевые (моделируют приближенные к реальности коммуникативные ситуации);
- речевые (обеспечивают свободное применение лексики в речевой деятельности) [0].

Комплексное использование этих видов упражнений способствует формированию англоязычного лексического навыка, обеспечивающего точное и продуктивное использование ЛЕ.

В методике обучения иностранному языку особое внимание уделяется соотношению активного и пассивного словаря. По мнению исследователей, активный запас – это слова и выражения, которые обучающиеся способны использовать в собственной речи и на письме. Пассивный словарь расширяется быстрее и включает ЛЕ, которые учащиеся распознают лишь при чтении сложных текстов и выполнении заданий повышенной сложности. Полноценное усвоение ЛЕ предполагает правильное грамматическое оформление, адекватный выбор формы по ситуации и стилю, а также использование в устойчивых словосочетаниях и фразеологизмах [6; 0].

Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) среднего общего образования (СОО) устанавливает конкретные требования к формированию лексических навыков при изучении английского языка [0].

Согласно федеральной рабочей программе среднего общего образования по предмету иностранный (английский) язык, учащийся 10 класса должен владеть лексикой в объеме около 1300 единиц, 1200 из которых изучены ранее и служат основой для активного использования во всех видах речевой деятельности. Для рецептивного усвоения предусмотрено около 1400 единиц, включая продуктивный минимум – 1300 слов, что обеспечивает восприятие и понимание лексики в различных контекстах [0].

Методика обучения иностранному языку в средней общеобразовательной школе строится на принципах системности и постепенности развития лексических навыков: темы повторяются, углубляются и расширяются, охватывая повседневные ситуации, образование, карьеру, культуру, СМИ, науку и технологии [0].

Сформированные англоязычные лексические навыки у старшеклассников включают в себя не только понимание и воспроизведение слов, но и их свободное использование в аргументации, дискуссиях и построении логически завершенных высказываний по темам, соответствующим нормам английского языка и требованиям ФГОС СОО [0].

В современной методике преподавания иностранных языков наблюдается растущий интерес к применению интерактивных и игровых технологий. Особым потенциалом в этом контексте обладает метод геймификации – использование игровой механики и игрового мышления для повышения интереса и мотивации обучающихся и решения учебных задач. В контексте обучения иностранному языку он проявляется в различных формах: системах баллов, уровнях, значках, квестах, соревнованиях и викторинах. Его применение

обеспечивает устойчивый интерес, мотивацию и эффективное усвоение материала [0].

Выделим основные принципы использования метода геймификации в обучении иностранному языку:

- внедрение игровых элементов в обучение для решения реальных педагогических задач;
- изменение формы деятельности без ущерба ее содержанию;
- создание образовательной среды, где участники поддерживают друг друга, соревнуются и мотивируют;
- обеспечение мотивации с сохранением приоритетности учебных целей;
- сохранение значимости традиционных образовательных ресурсов [0].

Примерами использования метода геймификации в обучении иностранным языкам могут служить адаптированные настольные игры. Они позволяют органично интегрировать повторение лексики и грамматики в реальные контексты, развивать коммуникативные навыки построения высказывания, формулировки вопросов и описания объектов.

В дополнение к настольным играм, современная методика обучения иностранным языкам предлагает использование цифровых онлайн-платформ, которые открывают новые возможности для интерактивного обучения лексике.

К примеру, *Bamboozle* позволяет проводить командные викторины с произвольным порядком вопросов. *Learning Apps* предлагает адаптируемые под уровень учащихся упражнения (крсворды, карточки, тесты) с отслеживанием прогресса. Платформа *Simple Class* позволяет геймифицировать классические задания, включая аудирование – вместо классических письменных ответов учащиеся могут заполнять пропуски аудиодорожками. *Gimkit* преобразует обучение в видеоигру, где продвижение зависит от правильных ответов. *Wordwall* представляет шаблоны викторин, кроссвордов и карточные упражнения, а *Quizlet* помогает закреплять лексику помощью карточек, мини-игр и интервального повторения.

Каждый из рассмотренных инструментов отражает многообразие форм метода геймификации как метода обучения иностранному языку. Их использование в учебном процессе способствует поддержанию мотивации и интереса к изучению иностранного языка и способствует эффективному усвоению изучаемого материала.

В рамках исследования, направленного на формирование англоязычных лексических навыков старшеклассников, с использованием метода геймификации в учебном процессе нами были отобраны цифровые платформы *WordWall*, *Simple Class* и *Gimkit*, поскольку они позволяют совершенствовать лексические навыки старшеклассников в разных форматах.

Лексической базой для разработки заданий послужил материал учебно-методического комплекса (УМК) “Spotlight 10” [0]. Особое внимание, на наш взгляд, заслуживают разделы “*Words often confused*” и “*Idioms*”, отработка которых в рамках УМК сведено к одному упражнению типа “*fill in the gaps*” или “*choose the correct option*” на модуль. Такого количества упражнений недостаточно для того, чтобы изученные лексические единицы перешли из пассивного словаря учащихся в активный.

На платформе *WordWall* была разработана игра «Открой поле» с целью отработки паронимов из раздела “*Words often confused*”. Задание включает 34 контекстных предложения с пропуском, требующим выбора правильного слова, на ответ выделяется 30 секунд. Учащиеся могут работать самостоятельно, используя личные мобильные устройства, или фронтально.

Для работы с идиомами была отобрана платформа *Simple Class*. Были разработаны два формата заданий; первое – интерактивное упражнение “*Fill in the gaps*” с перетаскиванием правильных частей выражений в места пропусков. Второе – “*Matching*”, в котором необходимо соединить две части одного предложения.

Платформа *Gimkit* позволила интегрировать материал в настоящую видеоигру “*Don’t Look Down*”, где учащиеся, управляя аватарами, выполняют упражнение на соотнесение идиом и их определений и получают заряд энергии за каждый правильный ответ.

Помимо онлайн-платформ, высокой эффективностью обладают классические

настольные игры. Адаптированная версия игры «Крестики-нолики» (*Tic-Tac-Toe*) подходит для начала урока английского языка: она не требует много времени, но тут же увлекает учащихся и активизирует их словарный запас. Разработанный нами шаблон игры, направлен на работу с лексикой по темам, связанным с личными интересами учащихся. Работая в парах и по очереди отвечая на вопросы, учащиеся не только повторяют слова, но и запускают необходимые для урока мыслительные процессы.

Другой пример – игра «Брось кость» (*Roll the dice*) на активизацию фразовых глаголов. Учащиеся работают в парах, по очереди бросая виртуальные кубики на смартфонах (используя сервис roll-dice-ru.com), находят соответствующий глагол на рабочем листе и составляют с ним предложение на английском языке. Проверку выполняет сосед по парте; при затруднениях бросок повторяется до успешного выполнения задачи. Эта игра не носит соревновательный характер и направлена на активизацию и отработку лексических единиц в интерактивной форме.

Эффективность применения разработанных упражнений для старшеклассников будет проверена в ходе предстоящей педагогической практики. Это позволит дать объективную оценку и определить значимость применения метода геймификации в формировании англоязычных лексических навыков старшеклассников на уроках английского языка.

Список литературы

1. Афанасьева О.В., Дули Д., Михеева И.В., Оби Б., Эванс В. Английский в фокусе (Spotlight) 10 класс: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / А64 [О.В. Афанасьева и др.]. 7-е изд. М.: Express Publishing: Просвещение, 2021. 224 с.
2. Варнаева А.Е. О феномене чувства языка [Электронный ресурс] // Вестник экономической безопасности. 2024. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-fenomene-chuvstva-yazyka> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Дриженко М.А. Проблема формирования иноязычных лексических навыков в отечественной и зарубежной методике [Электронный ресурс] // Современное педагогическое образование. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-inoazychnyh-leksicheskikh-navykov-v-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-metodike> (дата обращения: 27.11.2025).
4. Звонарева Н.А., Купалов Г.С. Потенциал и риски геймификации педагогического образования [Электронный ресурс] // Образование и право. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-i-riski-geymifikatsii-pedagogicheskogo-obrazovaniya> (дата обращения: 20.11.2025).
5. Зорина Н.Н. Процесс формирования иноязычного лексического навыка и критерии оценки уровня его сформированности: теоретический обзор [Электронный ресурс] // Молодой ученый. 2022. №20 (415). С. 578–581. URL: <https://moluch.ru/archive/415/91748> (дата обращения: 17.11.2025).
6. Морозова Д.А., Титова О.А. Использование блога для расширения активного и пассивного словаря учащихся на старшей ступени [Электронный ресурс] // CETERIS PARIBUS. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-bloga-dlya-rasshireniya-aktivnogo-i-passivnogo-slovary-a-uchaschihsya-na-starshey-stupeni> (дата обращения: 22.11.2025).
7. Мурунов С.С. Создание системы упражнений обучения иностранному языку с применением ИКТ [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozdanie-sistemy-uprazhneniy-obucheniya-inostrannomu-yazyku-s-primeneniem-ikt> (дата обращения: 20.11.2025).
8. Омелаенко Н.В. Формирование лексических навыков на иностранном языке [Электронный ресурс] // Гуманитарные и социальные науки. 2022. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-navykov-na-inostrannom-yazyke> (дата обращения: 16.11.2025).
9. Пискун Я.В. Лексические навыки и особенности их формирования на ранней стадии обучения иностранному языку [Электронный ресурс] // Иностранные языки в контексте

межкультурной коммуникации. 2021. №XIII. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-navyki-i-osobennosti-ih-formirovaniya-na-ranney-stadii-obucheniya-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 20.11.2025).

10. Федеральная рабочая программа. Иностранный (английский) язык. 10–11 классы (базовый уровень) [Электронный ресурс] // Москва, 2025. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_soo_frp_angl-yaz_10-11_baz.pdf (дата обращения: 21.11.2025).

11. *Широких А.А., Левчук К.А., Варнакова Н.А., Попова И.В., Лисица А.В., Иванова А.Д.* Роль лексических единиц в формировании активного и пассивного словарного запаса у студентов, в свете коммуникативного подхода при обучении иностранному языку // *Лингвистика и образование*. 2022. №4. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-leksicheskikh-edinit-v-formirovanii-aktivnogo-i-passivnogo-slovarnogo-zapasa-u-studentov-v-svete-kommunikativnogo-podhoda-pri> (дата обращения: 23.11.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюшина Ульяна Юрьевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: blacktac.u@gmail.com.

Бармин Дмитрий Владимирович

Магистрант, кафедра «Социально-философские и политические науки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Бармина Евгения Александровна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Демешко Наталья Эдуардовна

Кандидат политических наук, доцент, кафедра «Социально-философские и политические науки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: natalidem93@mail.ru.

Егорова Полина Олеговна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: madam.egorovaaa.a@yandex.ru.

Ефанов Владимир Юрьевич

Аспирант, ассистент, кафедра религиоведения и философии культуры, Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: relig97@mail.ru.

Иванова Валерия Андреевна

Магистрант, кафедра «Социально-философские и политические науки», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: valera.suvorova.02@bk.ru.

Ирхин Александр Анатольевич

Доктор политических наук, профессор, кафедра политических наук и международных отношений, Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: alex.irhin@mail.ru.

Кострова Мария Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков Высшей школы международных отношений и мировой политики, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия, e-mail: makostrova@lunn.ru.

Кривошеева Екатерина Александровна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: katya.ev@yandex.ru.

Кузнецова Ксения Александровна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: kseniia.kuznetsova567@yandex.ru.

Лобков Александр Евгеньевич

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: aelobkov@sevsu.ru.

Маяцкая Елизавета Васильевна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: lisette.may@yandex.ru.

Местанко Наталья Анатольевна

Старший преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: nat.mestanko@yandex.ru.

Михайлова Евгения Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Покрышук София Артемовна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: s.pokryshchukk@mail.ru.

Политова Кристина Александровна

Студент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: polytina@list.ru.

Самойленко Наталия Борисовна

Доктор педагогических наук, профессор, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: sevschool@yandex.ru.

Скидан Ольга Геннадьевна

Кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: skidan_ua@mail.ru.

Тарасова Кира Эдуардовна

Преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: tarasova.kira@gmail.com.

Цыганков Матвей Дмитриевич

Магистрант, кафедра политических наук и международных отношений, Институт Таврическая академия, Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: mtsyghankov@inbox.ru.

Черная Татьяна Николаевна

Старший преподаватель, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, e-mail: tblackua@gmail.com.

Чернобук Екатерина Александровна

Магистрант, кафедра политических наук и международных отношений, Институт Таврическая академия, Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: chernobuk.kate@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Artyushina Ulyana Yu.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: blacktac.u@gmail.com.

Barmin Dmitrii V.

Master student, the Department of Social, Philosophical and Political Sciences, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Barmina Evgeniia A.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru.

Chernaya Tatyana N.

Senior Lecturer, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: tblackua@gmail.com.

Chernobuk Ekaterina A.

Master student, the Department of Political Sciences and International Relations, Taurida Academy Institute, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: chernobuk.kate@gmail.com.

Demeshko Natalya Eduardovna

PhD in Political Science, Associate Professor, the Department of Social, Philosophical and Political Sciences, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: natalidem93@mail.ru.

Egorova Polina O.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: madam.egorovaaa.a@yandex.ru.

Efanov Vladimir Yu.

Postgraduate student, Assistant, the Department of Religious Studies and Philosophy of Culture, Taurida Academy Institute, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: relig97@mail.ru.

Irkhin Aleksandr A.

Doctor of Science in Politics, Professor, the Department of Political Sciences and International Relations, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: alex.irhin@mail.ru.

Ivanova Valeria Andreevna

Master student, the Department of Social, Philosophical and Political Sciences, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: valera.suvorova.02@bk.ru.

Kostrova Maria A.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Higher School of International Relations and World Politics, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, e-mail: makostrova@lunn.ru.

Krivosheeva Yekaterina A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: katya.ev@yandex.ru.

Kuznetsova Ksenia A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: kseniia.kuznetsova567@yandex.ru.

Lobkov Alexandr Ye.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: aelobkov@sevsu.ru.

Maiatskaia Elizaveta V.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: lisette.may@yandex.ru.

Mestanko Natalya A.

Senior Lecturer, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: nat.mestanko@yandex.ru.

Mikhailova Evgenia V.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: lastochkina1969@mail.ru.

Pokryshchuk Sofiia A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: s.pokryshchukk@mail.ru.

Politova Kristina A.

Student, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: polytina@list.ru.

Samoylenko Natalia B.

Doctor of Science in Pedagogy, Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: sevschool@yandex.ru.

Skidan Olga II.

PhD in Philology, Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: skidan_ua@mail.ru.

Tarasova Kira E.

Teacher, the Department of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, e-mail: tarasova.kira@gmail.com.

Tsygankov Matvey D.

Master student, the Department of Political Sciences and International Relations, Taurida Academy Institute, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: mtsyghankov@inbox.ru.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**Dictum – factum:
от исследований к стратегическим решениям**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 12

Учредитель: Севастопольский государственный университет

Главный редактор Бармина Е.А.

Компьютерная верстка – Терещенко Ю.А.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Институт общественных наук и международных отношений
Кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология»

299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.
тел. кафедры: +7 (8692) 435 195
e-mail: e.a.barmina@mail.sevsu.ru

ООО Издательско-полиграфический центр
«ПОЛИТЕРРА»

г. Белгород, ул. Студенческая, 16, офис 19.
Тел. 8 (910) 360 14 99
e-mail: polyterra@mail.ru
www.polyterra.ru